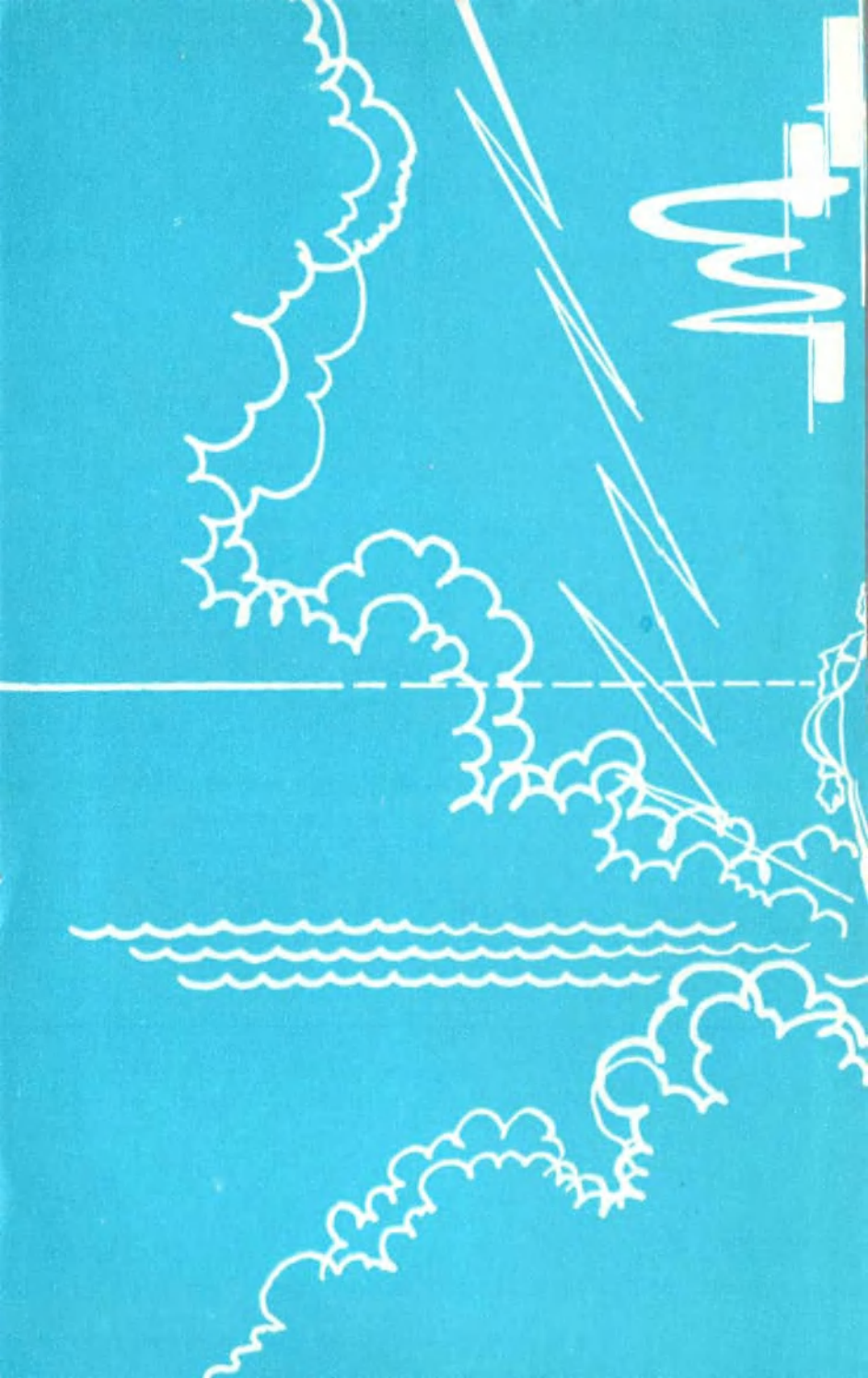
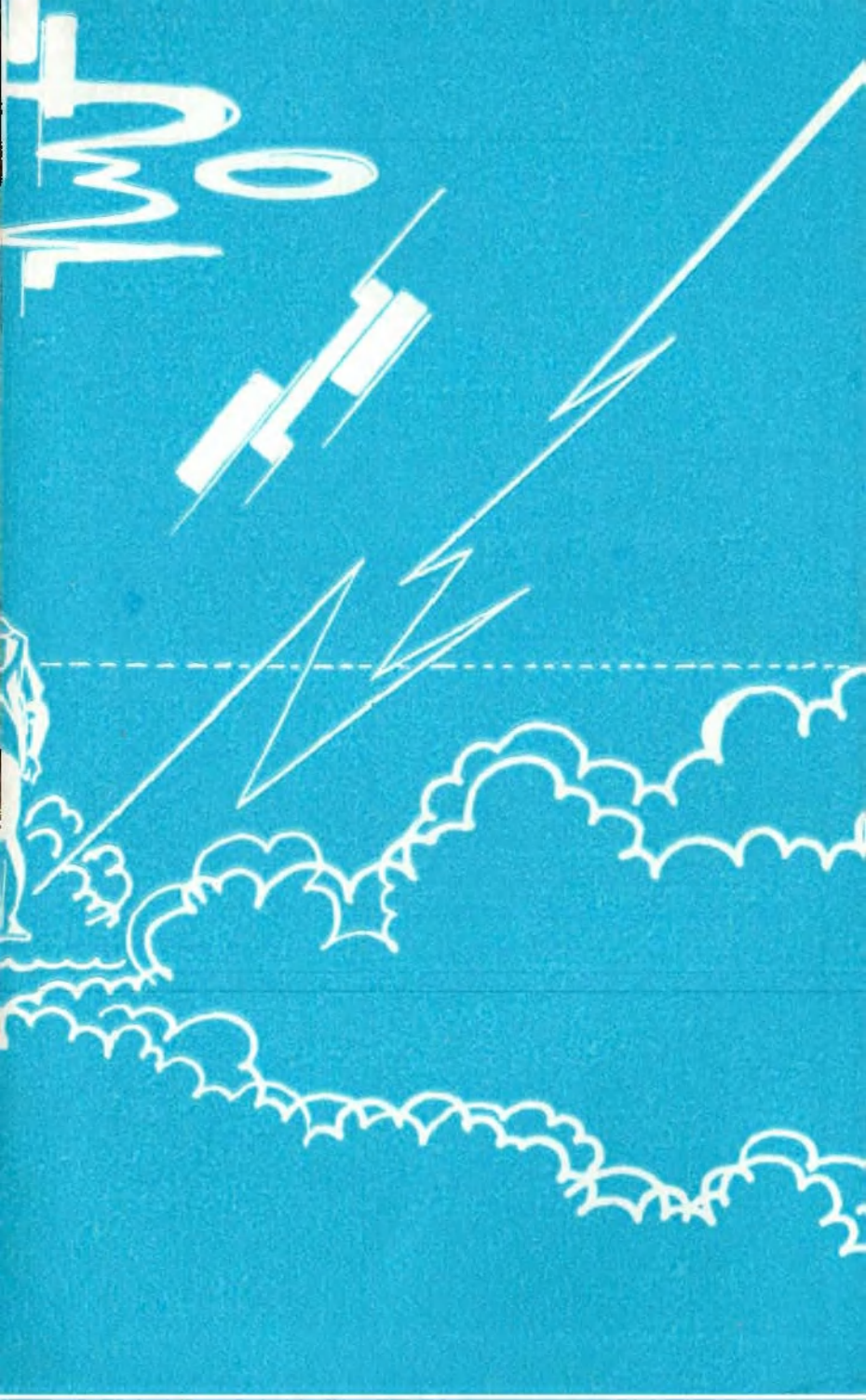

Б. Фрадкин
НУЛЕВОЙ
ЦИКЛ

Путешествия

Приключения

Фантастика

Б. Фрадкин

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Научно-
фантастические
рассказы

Пермское
книжное
издательство
1991

Научно-фантастические рассказы старейшины пермской фантастики Бориса Захаровича Фрадкина, автора повестей и рассказов «Тайна астероида 117-03», «Пленники пылающей бездны», «Настойка из тундровой серебрянки», романа «Дорога к звездам», посвящены проблемам творчества, этики науки, механизму открытия. Обыкновенная вода дает ему материал для постигания необыкновенных приключений мысли и духа.

Художник Н. Горбунов

ВЫПАВШАЯ ТОЧКА

Леонид вошел в безмолвное опустевшее здание института. Вахтер молча и удивленно взглянул на позднего посетителя, но ничего не сказал и даже не попросил пропуска, потому что знал в лицо каждого преподавателя, а уж этого круглолицего, краснощекого с кудрявыми бакенбардами как было не запомнить.

Свет в коридорах был уже погашен, остро пахло свеженатертыми воском полами. Леонид почти ощупью добрался до кафедры. Открыв двери, нашарил на стене выключатели и зажег обе потолочные люстры.

Знакомая обстановка — восемь стандартных письменных столов, чертежный станок, отдельный столик с «Электроникой», зеркало на стене подле второй двери, ведущей в кабинет заведующего кафедрой Варанкина Виктора Павловича.

Леонид присел к своему столу, включил настольную лампу, устроив в комнате настоящую иллюминацию. При ярком свете он чувствовал себя свободней, решительнее.

Открыв верхний ящик стола, Леонид извлек из него и положил перед собой пухлую папку в ярко-зеленом дерматиновом переплете. Он казался себе вполне спокойным, продумавшим все заранее. И потому с досадой заметил, что пальцы, развязывавшие тесемки, плохо слушаются его. Что ни говори, а в папке покоился труд почти пяти лет. И какой труд! Двумя этажами ниже в лаборатории гидравлики стояла установка для штамповки с помощью гидравлического удара. Леонид сам проектировал ее. Под руководством Варанкина, конечно. Более того, сам добывал необходимое оборудование. За газовым лазером ездил в Ленинград. А как приходилось канючить шланги в строительном-монтажном управлении!

Вместе с лаборантами он варил каркас, нарезал резбу, месил цементный раствор для фундамента. Позже занимался монтажом тонкого и сложного оборудования, тари-

ровал датчики, настраивал осциллографы, разрабатывал методику эксперимента...

А теперь все это вдруг оказалось ненужным, лишенным для него, Леонида, всякого смысла. Четыре года были потеряны впустую. Как щепку ручьем, его нечаянно занесло сюда, на кафедру гидравлики. Четыре года он был здесь инородным телом, четыре года закрывал на это глаза и только сейчас нашел в себе мужество признаться в самообмане...

...Однако когда он разорвал надвое титульный лист отпечатанной на машинке диссертации, ему показалось, что по сердцу его чиркнули стеклянным осколком, таким крошечным, но острым, как лезвие бритвы. На мгновение он съежился от боли, но презрение к самому себе заставило его тут же оправиться, встряхнуться. С ожесточением принялся он полосовать лист за листом, швыряя обрывки в корзинку. Часть обрывков, не долетая до корзины, белыми птицами оседала вокруг нее на полу.

С каждым порванным листом внутри Леонида все каменело, сжималось в давящий свинцовый комок.

Наконец папка опустела и она как-то странно поразила Леонида своей пустотой. Более четырех лет наполнял он ее по крохам, и вот перед ним пустые корки, откиннутые клапаны, перекрученные и засаленные от долгого употребления тесемки, — все это оболочка, лишенная плоти.

Леониду почудилось, что не папку опустошил он, а самого себя. В смятении уставился он на дело рук своих — на корзинку, доверху набитую тем, что еще час назад было диссертацией. Углы бумаги торчали между прутьев корзинки, отчего она походила на большого белого дикообраза.

Итак, он, Леонид, уходил из науки. Он знал немало примеров того, какими трудными дорогами приходили в науку ее подлинные творцы, но как уходят из науки на его памяти примеров не было.

Леонид заставил себя подняться на ноги. Несколько шагов до двери потребовали от него немалых усилий. Он покосился на зеркало и не сразу узнал свою растерянную физиономию с печальными («коровьими» — как он их сам называл) глазами. И все продолжал топтаться у двери, не решаясь выключить свет, хотя рука его уже нащупала выключатель.

Его удерживала корзина с обрывками бумаги.

Обращенная в груды бумажных клочьев, диссертация

неожиданно обрела какую-то неведомую власть над Леонидом, какой-то новый и очень важный для него смысл, не имеющий отношения к той сути, которая была изложена на двухстах шестидесяти трех отпечатанных на машинке и ныне покоящихся в мусорнице страницах.

Раскаяние в совершенном?

Нет, никакого раскаяния Леонид не испытывал. Окажись сейчас диссертация снова целехонькой, он бы, не задумываясь, снова уничтожил ее, вот так же — листик по листику.

Что же тогда произошло, пока он уничтожал диссертацию? Какие подспудные мысли ворочались в это время в его голове? С чего это навалилось на него мучительное и тревожное беспокойство, страх потерять что-то действительно ценное, без чего жизнь может оказаться лишенной всякого смысла?

Леонид поежился, представив себе, какой переполох на кафедре вызовет его поступок! А как будут изумляться его друзья, как заахают его многочисленные братья, сестры, тетки, дядья. Не говоря уже о родителях. И ему стало совсем уж худо от предстоящего объяснения с Инной, женой, — ох, какие сделает она глаза, как прижмет свои узкие музыкальные ладони к щекам. Еще бы! Инна и во сне видела своего молодого муженька в ученом звании.

Но иначе поступить он не мог.

Да, не мог.

То, что случилось сегодня, зрело в нем подобно злокачественной опухоли все четыре минувших года. Чашу терпения переполнил разговор с Варанкиным, научным руководителем Леонида.

Не далее как вчера утром Варанкин вызвал Леонида к себе в кабинет, сунул ему в руки тоненькую книжку-брошюрку, буркнул: «Только что получили. Читай!», а сам, высокий, худой и сутулый, принялся вышагивать из угла в угол, бросая на Леонида откровенно неприязненные взгляды.

Леонид взглянул на брошюрку — это оказался автореферат, краткое содержание чьей-то готовой к защите диссертации. «Исследование гидравлического удара в воде с целью использования его для штамповки сверхтвердых сплавов», — прочел Леонид и растерянно оглянулся на Варанкина. Почти так же, слово в слово, называлась и его диссертация, увы, еще далекая от защиты.

— Читай! Читай! — прикрикнул на него Варанкин.

Леонид листал автореферат, страницу за страницей, а ему казалось, что он листает собственную диссертацию, — так велико было совпадение.

— Все собираюсь спросить тебя, Леонид Дмитриевич, — Варанкин прошел к столу, развалился в кресле так, что из-под стола выставились его огромные туфли и тощие лодыжки в ярко клетчатых носках, — какая нелегкая занесла тебя в аспирантуру? Ты, что, действительно страдаешь по науке?

— Не знаю, Виктор Павлович. Я как-то еще не думал об этом...

Варанкин удовлетворенно кивнул головой, — видно, ничего другого он услышать и не ожидал.

— Более четырех лет я наблюдаю за тобой, — сказал он, вглядываясь в Леонида своими отечными, чуть раскосыми глазами. — Ты работаешь вполне добросовестно и у меня не было повода выставить тебя. Но, боже, какой скукой постоянно несет от тебя, Лыкнов, — он перевел взгляд над собой в потолок. — Знаешь, когда при построении кривой одна из точек оказывается в стороне и не укладывается в общую закономерность? Как мы ее называем?

— Выпавшей точкой...

— Вот, вот, именно — выпавшей точкой, — с удовлетворением вздохнул Варанкин и снова перевел глаза на Леонида. — Ты понял меня, Леонид Дмитриевич? — он презрительно фыркнул. — А в таком дурацком положении, — Варанкин вытянул палец, указывая на автореферат в руке Леонида, — оказались мы оба: и ты, и я, твой научный руководитель.

— Что же теперь делать?

— Ну-с, мне, например, предстоит писать отзыв на сию блестящую тему. Сибиряки сразу взяли быка за рога. А ты... Э, да что теперь переливать из пустого в порожнее. Короче говоря, так: диссертация у тебя не докторская, а кандидатская. От совпадений никто не застрахован. Будем варьировать, что-то менять, доказывать свою самостоятельность. К весне попытаемся защититься. Авторитет доктора Варанкина тоже кое-чего стоит. Ясно, Леонид Дмитриевич?

— Да вроде бы...

— Тогда иди и занимайся своими делами.

Леонид возвратился к корзине, присел перед нею. Помедлив, принялся собирать рассыпавшиеся по полу обрыв-

ки бумаги. Аккуратненько заталкивал каждый обрывок в общую рыхлую массу так, чтобы тот уже не смог выпасть обратно. При этом, прежде чем расстаться с обрывком, Леонид помимо своей воли, с пристальным вниманием всматривался в уцелевшую на нем часть текста, часть чертежа, формулы. Он и сам не понимал, зачем делает это.

Он только все ловил себя на том, что никак не может справиться с тягостным и назойливым беспокойством, как-то внезапно овладевшим им после вчерашнего разговора с Варанкиным. И даже не просто разговора, а после какого-то нечаянно оброненного профессором слова.

И это беспокойство сейчас заслонило собой все остальное — предстоящий скандал на кафедре, слезы отчаяния на лице Инны, разочарованные физиономии друзей...

...Так очередь дошла до четвертушки листа с частью наклеенной на нем фотографии. Белый гляцевый кусочек с лохматыми краями надрыва. Веер кривых пересекал его. Ни начала, ни конца кривых здесь не было, и то и другое осталось на других обрывках фотографии.

Леонид вздохнул. Построение этих кривых окончательно запутало и без того сложные взаимоотношения между аспирантом и его научным руководителем.

Виктор Павлович поручил Леониду проследить, как меняется плотность воды в процессе гидравлического удара. Почему эту задачу — именно Леониду? Скорее всего, потому, что с нею мог совладать только такой человек, как он, обладающий дьявольской усидчивостью. Гидравлический удар длился сотые доли секунды. Установленные на стенде датчики давали чудовищные погрешности, и установить относительно точную величину этих погрешностей предстояло соответствующим числом замеров.

Более трехсот экспериментов проделал Леонид ради этой третьестепенной задачи. Изо дня в день, с утра до вечера, а иногда и до глубокой ночи, он занимался одним и тем же; включал, выключал, снимал показания десятка приборов, проявлял пленку и расшифровывал ее. И все это с таким невозмутимым спокойствием, которое подивило даже видавшего виды Варанкина...

Так же терпеливо Леонид переносил тысячи замеров с карты на миллиметровку. На бумаге одна за другой возникали беспорядочные россыпи точек, настоящие подобиya Млечного Пути. Первое время никаких закономерностей в этих россыпях ни Леониду, ни даже «доку» уловить не удалось.

Более пяти месяцев длилась эта погоня за призраками. Варанкин с эгоистичной непоколебимостью заставлял продолжать ее, нисколько не смущаясь бесплодностью поисков. И вот в конце пятого месяца к удивлению Леонида рассыпи точек начали постепенно уплотняться. Сближаясь, точки наметили трассу для проведения кривой.

А вывод?

Зависимость плотности воды от давления получилась точно такой же, какой она была известна в гидравлике без малого сотню лет, — обстоятельство, на которое не преминул обратить внимание своего научного руководителя аспирант Леонид Лыкнов. Реакция была неожиданной: Варанкин яростно скомкал миллиметровку с кривыми. Леонид с трудом подавил улыбку. Еще бы! Чутье впервые подвело Варанкина — он не обнаружил ожидаемых отклонений от общей закономерности.

Все дело заключалось в том, что проблемам воды «док» отдал без малого сорок лет — целую жизнь! В воде он усматривал грядущее могущество науки и техники и выдвигал на этот счет собственные гипотезы, шокировавшие Леонида своей фантастичностью. Чего только стоило утверждение Варанкина о том, что вода в будущем придет на смену пластику и металлу как материал несравненно более прочный и температурно устойчивый!

Разглагольствования о перспективах, якобы скрытых в воде, являлись слабостью стареющего ученого. В минуты откровений Варанкина Леонид старался уходить по своим делам, а когда сделать этого не удавалось, слушая Варанкина, мучительно краснел, прятал глаза, словно его самого уличали в самом беспардонном вранье.

С водой у Леонида были связаны самые неприятные переживания. В детстве он едва не утонул в реке и потом его, мальчишку, мучили ночные кошмары: смыкающаяся над головой зеленая зыбь, раздирающее грудь жидкое удушье...

Поступая в институт, Леонид никак не мог выбрать специальность. Ему посоветовали: иди туда, где конкурс поменьше. Так он угодил в группу «Водоснабжение и канализация». Бывшие школьные друзья при встрече приветствовали его жестом, воспроизводящим слив воды в унитаз. Леонид краснел, страдал от унижения и... продолжал учиться.

После окончания института его однокурсники были направлены кто в диспетчерские службы, кто в научно-ис-

следовательские учреждения, а он попал на прямое производство и три года не вылезал из траншей, ползал по колёну в воде, в липкой, точно резиновый клей, глинистой жиже.

Что привело его в аспирантуру?

Скорее всего, желание бежать от воды. И он бежал от нее, чтобы еще прочнее связать себя с проблемами все той же воды. Бывает же такое...

Вода...

Гидравлический удар в воде.

Россыпи точек постепенно оформлялись в веер кривых. И никаких новых закономерностей, которые так жаждал обнаружить Варанкин. Более того, то на одной, то на другой россыпи появлялись точки-изгои. Они вообще выпадали из всяких закономерностей. Их заносило черт-те куда! — ниже оси абсцисс, где вода вообще переставала быть водой, ибо там ее плотность становилась меньше единицы.

Даже самый захудалый лаборант на кафедре знал, что это так называемые выпавшие точки, результат неизбежных погрешностей эксперимента, которые следовало отбросить при расчетах, как ложные. Но Леонид, от природы человек пунктуальный, нанес их на миллиметровку так же старательно, как и все прочие...

Леонид поймал себя на том, что слишком внимательно изучает обрывок фотографии. И одновременно пытается поймать какую-то навязчивую мысль, имеющую прямое отношение и к этой фотографии, и к беспричинной, но тягостной тревоге. Мысль занозой сидела в голове, хотя смысл ее ускользал от сознания.

Встряхнувшись и досадуя на себя, Леонид в сердцах сунул обрывок обратно в корзину, в самую глубь рыхлой бумажной массы, а сверху придавил массу ладонью, будто обрывок порывался выскользнуть обратно.

И тут мысль обернулась голосом Варанкина, презрительно выкрикнувшего Леониду:

— Выпавшая точка!

Конечно, «док» имел в виду совсем не то, о чем думал сейчас Леонид. Выпавшие точки — вот в чем все дело! Вот источник тревоги. Она поселилась в нем именно в то мгновение, когда прозвучали слова Варанкина.

Выпавшие точки...

Они были на построенных им, Леонидом, кривых. Они

остались здесь на обрывке фотографии. Однако беспокойство теперь обрело четкий смысл: эти выпавшие точки он видел еще где-то.

Леонид беспомощно оглянулся, ища в комнате кого-то, кто мог бы указать ему, где еще они, эти злосчастные точки. Но в комнате, кроме него, никого не было.

Он сделал попытку подтрунить над собой: если уже нет диссертации, так на кой ляд ему сдались эти точки? Но тут же с пугающей ясностью понял, что никакого отношения к диссертации они не имеют, что в них скрыт свой собственный смысл.

Теперь было важно установить, где он мог еще их видеть?

Может быть, они почудились ему в россыпи вспыхнувших уличных фонарей? Или в мелькании красных, оранжевых и белых автомобильных подфарников, пока он бродил по улицам города после разговора с Варанкиным? Ну нет, до такой степени его игра воображения еще не доходила.

Навязчивое желание вспомнить заставило Леонида снова сесть за стол. Он подпер кулаком подбородок и уставился в зеркало, из которого на него таращила глаза круглая розовощекая морда с кудрявыми бакенбардами.

Вспомнить не удавалось. В памяти образовался возмутительный провал, какая-то незаполненная полоса шириной в одни сутки. И Леонид подумал, что вспомнить удастся, если снова взглянуть на тот обрывок фотографии.

Он нагнулся к корзине и вытряхнул все ее содержимое на пол. Опустившись на колени, он принялся перебирать обрывки. И как бывает в подобных случаях, нужный обрывок никак не попадался на глаза. Леонид, проклиная все на свете, рылся в бумажной массе, разбрасывая ее по всему полу.

Отчаявшись, он поднялся на ноги и опустился на стул. И тут, прямо перед собой, на столе, увидел тоненькую брошюрку, тот самый автореферат, который толкнул его на уничтожение диссертации.

У него покалывало кончики пальцев, когда он переворачивал уже изрядно помятые страницы. А когда добрался до кривых, задержал дыхание. Да, все было, как и у него: и кривые, и выпавшие точки. Видно, тот неведомый Леониду аспирант-сибиряк был таким же исполнительным и

пунктуальным, раз посчитал нужным оставить эти выпавшие, ничего не говорящие точки.

— Спокойно, Лыкнов! — вслух прикрикнул на себя Леонид. — Без паники! Только без паники!

Он знал — в истории науки случалось немало совпадений. Наверное, совпадали и ошибки. Но вряд ли погрешности экспериментов и расчетов могли совпасть с такой точностью.

— С такой многократной точностью! — вслух уточнил Леонид.

Нет, уже мысленно сказал он себе, так совпадать могут только истины. Никому не ведомые истины. И Леониду повезло — он первым обнаружил это совпадение. Он обнаружил его в тот самый момент, когда Варанкин посчитал, что уже ничего более презрительнее сказать не сможет:

— Выпавшая точка!

И что же теперь делать?

Леонид встал, чтобы пройти по комнате. И тут же плюхнулся на стул за соседним столом. Ноги от непривычного возбуждения не держали его.

Догадка была пугающе проста. Луч лазера, пронзая массу воды, вызывал в ней гидравлический удар, скачок гигантского давления, которому и предназначалось штамповать деталь. Но, кроме того, давление воздействовало и на состояние самой воды. Сверхдавление сближало молекулы воды настолько, что между ними возникали новые, еще не известные науке силы взаимодействия и, как следствие, новые структуры. Поскольку плотность воды при этом уменьшалась, Леонид мог утверждать: возникали полимерные цепи.

Вода — полимер?!

Перед глазами Леонида колыхнулась чудо-ткань, сотканная из тончайших нитей воды. Она была прозрачна, как воздух. Пальцы почти не ощущали ее.

Леонид даже вспотел от игры собственной фантазии. Ему и в голову не приходило, что он вторгается в мир «демагогии» Варанкина.

Уже не контролируя собственные поступки, Леонид бросился к телефону. Палец его срывался с диска и трубка выскальзывала из вспотевшей ладони.

Наконец в трубке протяжные гудки вызова побежали один за другим, как волны гидравлического удара при замедленной съемке.

К телефону долго никто не подходил.

— Я слушаю... — раздался наконец заспанный голос Варанкина.

— Виктор Павлович! — завопил Леонид. — Это я — Лыкнов!

— Ну?

— Я с кафедры вам звоню, — Леонид к собственному удивлению стал заикаться. — Такое дело получается, Виктор Павлович: выпавшие точки на графиках плотности воды — помните? — вовсе и не выпавшие. Точно такие же я увидел в автореферате: Совпадение абсолютное. Вы меня слушаете, Виктор Павлович?

— Подожди-ка, — холодно перебил его Варанкин, — ты чего в такое время околачиваешься на кафедре?

— Диссертацию я рвал, Виктор Павлович!

— То есть... как это рвал?

— А так — на мелкие кусочки! — безумное веселье охватило Леонида. — Завтра будет работы уборщице — в мусорницу не ушло.

Трубка с минуту недоброжелательно молчала.

— Ты, что, Лыкнов, рехнулся? — мрачно спросил Варанкин.

— А вы, — закричал Леонид, — вы бы, Виктор Павлович, как бы на моем месте поступили?

Варанкин, долго не отвечая, что-то бурчал себе под нос.

— Подожди-ка я тапочки надену, — сказал он, — тут с тобой еще грипп заработаешь.

Но еще не отойдя от телефона, Виктор Павлович уже забыл о своих оставленных подле кровати тапочках. Внезапно до его сознания дошел смысл слов Лыкнова, этого флегматичного копуши, с которым Варанкин не чаял расстаться.

Ученый безмолвно ахнул.

— Да это же полимер воды... — пробормотал он, поджимая пальцы ног, стынувших на холодном крашеном полу. — Рекомбинация молекул...

Зрительная картина, представшая перед воображением Леонида, дополнилась в мозгу Варанкина стремительным построением математических зависимостей.

— Леонид Дмитриевич, ты меня слушаешь? — как можно спокойнее произнес он в трубку. — Похоже, ты прав и в нашей ванне действительно имело место образование полимерных цепей.

— Какие еще могут быть сомнения! — Леонид замахал

свободной рукой. — Я представляю, как из этого полимера начнут изготавливать ткань для одежды. Вот будет время-то!

— Ткань... — усмехнулся Варанкин. — Мелко плаваешь, аспирант. Включение в полимерные цепи воды элементов фосфора и углерода позволит получать искусственный белок. Чувствуешь — белок! А ты — ткань...

— Белок? — озадаченно переспросил Леонид. — Да на какой черт он дался?

— Дырявое у тебя воображение, Лыкнов, — вздохнул Варанкин. — В наших руках теперь ключ к решению задач, над которыми бесплодно бьются многие поколения исследователей. Прежде всего мы экспериментально покажем, как возникла первая белковая молекула на нашей планете. Все знают, что она возникла в воде, а вот КАК — никто не знает. Так вот, Лыкнов; мы с тобой докажем, что ее породил гидравлический удар. Точнее — серия гидравлических ударов, — речь Варанкина становилась все более страстной, стареющий ученый садился на любимого конька. — В ту далекую эпоху тектонические силы непрерывно сотрясали дно океанов, вызывая в воде скачки тех сверхвысоких давлений, которые мы только-только начинаем постигать с помощью лазерной техники.

Леонид затаил дыхание. Теперь он жадно ловил каждое слово своего научного руководителя. Да, теперь это было «то самое», ради чего стоило попотеть.

— А теперь главное, — Виктор Павлович сделал многозначительную паузу. — Получение белка из воды раз и навсегда избавит человечество от забот о хлебе насущном. Хлеб станут получать непосредственно из воды. И молоко из воды. И масло, и мясо из воды, самого дешевого и неисчерпаемого сырья. Надеюсь, теперь ты в полной мере осознал, какую ухватил рыбину?

Варанкин продолжал говорить, все более воодушевляясь, а Леонид думал о том, что четыре года с гаком в обществе Варанкина не прошли для него бесследно. Недаром же говорят, что вода по капле камень долбит, а Варанкин долбил ею душу Леонида Лыконова. И теперь Леонид признался себе, что никогда бы не выделил выпавшие точки из общего хаоса, если бы в полной мере не наслушался «демагогии» Варанкина.

Вот оно как случается.

— Да ты, что, не слушаешь меня? — привел в себя Леонида голос Варанкина. — Ты где там витаешь?

— Слушаю, слушаю, Виктор Павлович, — спохватился Леонид.

— Установку, говорю, включай. Тензостанцию прогрей как следует, проверь настройку лазера. А я сейчас подъеду.

— Вас встречать?

— Чего меня встречать, я не девица. Делай, что тебе сказано.

Варанкин опустил трубку на аппарат, покосился на будильник — начало пятого, самый сон. Но какой уж теперь сон. Варанкин зашлепал по комнате, разводя руками и что-то бормоча под нос. Сообщение Лыкнова потрясло его. Случилось то, о чем он мечтал сорок лет. Да что там сорок — всю жизнь!

Он вздохнул и заспешил к оставленной в спальне одежде. Там царил полусумрак — жена на ночь плотно задергивала тяжелые гобеленовые шторы. Но где-то в стыке штор разыскал щелку бесконечно тоненький, невидимый со стороны лучик взошедшего солнца. Он угодил прямо в глаза Виктора Павловича и заставил его заслониться ладонью.

А заслонившись, почему-то увидел перед собой физиономию Лыкнова — круглую, розовощекую, обрамленную дурацкими кудрявыми бакенбардами. «Почему именно он? — спросил себя Виктор Павлович. — Он, которого я считал выпавшей точкой в науке, а не я, мечтавший о таком открытии долгие годы? Почему?»

Ответа на этот вопрос он не нашел. Впрочем, его и не очень-то терзало это «почему», его уже захватили повседневные заботы. Нужно было срочно наметить программу новой серии экспериментов, нужно было подумать о подключении ЭВМ, нужно было...

Успокоив проснувшуюся жену, Варанкин заставил себя побриться, плотно позавтракать и только после этого позволил себе пойти в институт так быстро, как только позволял ему его возраст.

ПЯТЬ СОТЫХ ГРАДУСА НИЖЕ АБСОЛЮТНОГО НУЛЯ

...Хотя природа и сложна,
Причудлива архитектура,
Была догадка Эпикура
И гениальна, и верна...

Сюлли-Прюдом

1

Вахтер, сидевший в вестибюле института за столиком, перестал читать газету и удивленно воззрился на мальчика, подростка лет пятнадцати, спускающегося по лестнице. Время давно перевалило за полночь и находиться в институте могли только люди со специальными пропусками.

Мальчик выглядел довольно комично. Черный, выгоревший на солнце костюм был ему непомерно велик. Пиджак мешком висел на худых угловатых плечах, из-под рукавов едва выставлялись кончики пальцев. Штанины брюк гармошками лежали на огромных туфлях и волочились по полу, а в воротнике рубашки могли бы разместиться две такие тощие шеи.

Подросток ошалело озирался по сторонам, вцепившись обеими руками в спадающие брюки.

— Эт-то что за новости? — вахтер даже привстал со стула. — Ты откуда взялся? А? И кто, собственно, ты такой, чтобы среди ночи шататься по институту?

— Я не знаю... — мальчик вымученно улыбался. — Вы извините, пожалуйста. Надо мной, наверное, подшутили...

— Я тебе извиню! Я тебе пошучу! — распалялся вахтер. — Нашли место для фокусов. Я вот сейчас включу сигнализацию и отправлю тебя куда следует. Пусть там с твоими родителями разбираются, с какой целью ты проник в научное учреждение. Да еще в таком маскараде. Как твоя фамилия, а? Как? Говори громче, не мямли!

— Ошканов я. Ефим Ошканов.

Потянувшись было за телефонной трубкой, чтобы привести свою угрозу в исполнение, вахтер опешил.

— Постой, постой, какой такой Ошканов? Я знаю Ошканова с кафедры низких температур. И тоже. Ефима. Ефим Константинович Ошканов. Вместе зимой на Кудяни-

ху ездим, одной пешней лед долбим. Рыбки славно привозим. Но что у него сынок имеется, что-то не припомню... Но вообще-то похож. Очень даже похож. Ну, ладно... Пусть Ефим с тобой разбирается, а я завтра с ним потолкую. Только чего же на тебе отцовский костюм? Как ты в нем по улице пойдешь?

Мальчик, растерянно улыбаясь, молчал.

— Нет, похож, похож, теперь точно вижу. Даже родинка под глазом. А может, тебя мальчишки обидели?

Так и не получив ответа, вахтер в сердцах махнул рукой.

— Ладно, беги, давай. Время позднее, никто тебя разглядывать не станет, — вахтер щелкнул ключом, отпирая двери вестибюля. — А завтра жди бани.

Закрыв за мальчиком двери, вахтер уже пожалел, что отпустил его. Что-то тут было не так. Если в том, что мальчик в такое позднее время оказался в институте, уже заключалось обстоятельство чрезвычайное, то еще удивительнее было, что на мальчишке оказался костюм с плеча очень известного вахтеру человека.

На всякий случай вахтер поднялся по лестнице, заглянул в один коридор, в другой... Свет выключен, ни души. И только спустившись в полуподвальное помещение, где находилась лаборатория кафедры низких температур, он замер, прислушиваясь. Ему почудилось, что за закрытыми дверями лаборатории гудит трансформатор. Но открывать двери он не решился.

2

Мальчик замер на бетонных ступенях института. Он узнал Майскую площадь, через которую по праздникам проходили колонны демонстрантов. Вон и знакомые облицованные розовым мрамором трибуны. Только... только, что это за ступени под его ногами? И откуда взялось это огромное здание, из которого он вышел? Повернув голову, при неверном свете фонарей Ефим разобрал на мраморной дощечке: «Институт электромашиностроения».

Ефим точно знал, что в их городе такого института нет! А на этом месте должно было стоять трехэтажное «Бюро путешествий и экскурсий», в которое он не раз навещался по поручению классной руководительницы.

Может, это другая площадь?

Однако вон на углу стоит старинный каменный особняк в два этажа. Этому особняку более трехсот лет и его по-

строил известный уральский рудознатец из редчайшего уральского камня. Без упоминания об этом особняке нельзя рассказывать историю города.

Значит, площадь та самая.

Но откуда взялось высотное здание рядом с особняком? Из одного стекла и бетона, оно в ночи казалось необычайно ажурным, и шпиль его уходил в ночное небо на необыкновенную высоту, сливаясь со звездами.

Что-то произошло в окружающем Ефима мире. Случилось что-то необъяснимое за тот короткий промежуток небытия, в течение которого он был кем-то и непонятно для чего перенесен в незнакомое здание Института электромашиностроения. У мальчика была отличная память, он помнил всю свою жизнь до последнего дня. Но тщетно старался он восстановить в своей памяти события, которые привели его в странное здание института. Ему стало страшно, как это случается в предчувствии надвигающейся беды. Страх заставил его торопливо сбегать с бетонных ступеней и устремиться в аллею, ведущую в сторону его дома.

На аллее ни души. И только на ближайшей скамейке Ефим вдруг различил одинокую женскую фигуру. Сжавшись и оцепенев в неподвижности, пожилая женщина остановившимися глазами наблюдала за его приближением. На ее лице, скупо освещенном уличными фонарями, застыло выражение ужаса. Ефиму показалось, что женщина сейчас не выдержит и закричит. Не понимая, почему он внушает ей такой страх, Ефим поспешил оставить женщину позади. Он побежал, поминутно наступая на волочащиеся по асфальту штанины и рискуя растянуться.

Он бежал, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть, как родной его город становится вдруг неузнаваемо чужим, открывая его глазам то неведомую площадь с подземными переходами (о которых все в городе только мечтали!), то ансамбли зданий удивительной архитектуры, то фонтаны с цветниками, оказавшиеся здесь волею какого-то необъяснимого чуда.

Свернув за угол, мальчик вскрикнул от радости — он увидел свой дом! Он узнал бы его среди тысяч подобных домов по тем неуловимым признакам, которые, если и захочешь, не опишешь и которые впитываются в человеческую душу с годами. А Ефим как-никак прожил в этом доме все свои пятнадцать лет. Вон из того подъезда мать вывозила его в детской коляске, выводила за руку в садик, провожала в школу...

Здесь спасение!

Подле отца и матери он избавится от одуряющего страха перед неведомым и необъяснимым, похожим на нелепый сон, на горячечный бред.

Поддержнув как можно выше проклятые спадающие брюки, которые тоже оказались на нем самым необъяснимым образом, Ефим взбежал по знакомой лестнице на четвертый этаж. Вот она — родная спасительная дверь! Мальчик протянул руку к кнопке звонка... и отдернул ее, словно уколол палец об иголку.

Кнопка была не та!

Вместо привычной беленькой и кругленькой, уже пожелтевшей от времени, на стене поблескивала вызывающе чужая зеленая кнопка прямоугольной формы. Нет, ошибки не было. И номер квартиры, и порыжевшая от прикосновения рук никелированная ручка, и замочная скважина, и многие другие приметы не могли обмануть Ефима.

Он заставил себя нажать кнопку.

Он страстно желал, чтобы ожидание не обмануло его, чтобы в дверях показалась мать или отец, оба рассерженные его поздним приходом. Ему всегда влетало, когда он приходил не вовремя.

Дверь распахнулась и в ней показалась незнакомая молодая женщина в длинном голубом халате, заспанная и недовольная.

— Кого тебе, мальчик? — придерживая одной рукой полы халата, а другой прикрывая невольный зевот, спросила она. И не получив ответа от взирающего на нее с ужасом Ефима, повторила вопрос.

Мальчику показалось, что кто-то третий закричал с отчаянием в голосе:

— Но в этой же квартире живут Ошкановы!!

Женщина пожала плечами.

— Здесь живут Сычевы, — нетерпеливо переступая с ноги на ногу, возразила она. — Должно быть, ты перепутал адрес. Тебе какой дом нужен?

Ефим, волоча ноги, направился к лестнице. Необъяснимость происходящего окончательно придавила его.

— Мальчик, послушай! — окликнула его женщина.

Он не оглянулся. Ему стало так плохо, как еще не случалось ни разу в жизни. Остатки его мальчишеского мужества окончательно покинули его, он с трудом удерживался, чтобы не опуститься на ступеньки и не завывать во весь голос.

На ватных, едва держащих его ногах Ефим добрался до скамейки под тополями. Отчаяние уступило место полной апатии, покорности судьбе. Пусть будет, что будет...

Съежившись, вобрав голову в воротник чьего-то чужого пиджака, он закрыл глаза и застыл в неподвижности. Задремал было, но тут же вздрогнул и очнулся — ему почудилось, будто рядом присела та пожилая женщина, которую он видел на аллее у института. Он вспомнил, с каким суеверным ужасом встретила она его появление. Странная мысль пришла ему в голову: было что-то родственное в их страхах, в их одиночестве среди ночи и внезапно изменившегося города. Глупости, пожалуй. Однако видение искаженного ужасом женского лица назойливо маячило в его воображении.

Взошло солнце, и город начал просыпаться. Из дома (из его дома!) выходили совсем незнакомые люди, спешили на работу. Никто не окликнул, не признал Ефима. Если мальчик и привлекал внимание прохожих, так только своим нелепым костюмом.

— Мальчик, ты?!

Перед ним остановилась та самая молодая женщина, которая открывала ему двери его квартиры. Теперь она была одета в модные коричневые брюки с золотой вязью по шву, коротенькую ярко-желтую кофточку-безрукавку, лаковые белые босоножки. Ее кругленькое лицо дышало свежестью — видно, женщина только что вышла из-под холодного душа. Губы маленького и тоже кругленького рта она все собирала трубочкой. Коротко подстриженные и крашенные под медь волосы образовывали на голове хаос морских волн.

Видно, женщина шла на работу, потому что в руке держала папку с бумагами.

— Послушай, — присматриваясь к мальчику, решительно произнесла она, — пойдем-ка, дружок, в дом и разберемся в наших делах. Я вижу, ты попал в историю и тебе нужна помощь. А я великий мастер разгадывать чужие тайны. Ночью-то я со сна, дуреха, не разглядела, как тебе худо приходится. Ты, пожалуйста, прости меня — засоню. Идем, идем, я уж теперь от тебя ни в какую не отстану.

В ее нарочито строгом голосе звучало искреннее участие, та доброта, в которой Ефим сейчас более всего нуж-

дался. И когда женщина решительно взяла его за руку, он безропотно последовал за ней.

— Меня зовут Ксенией Марковной, — сказала женщина, открывая двери и пропуская Ефима вперед. — Мы живем здесь вдвоем с мужем. Но он сейчас в отпуске и отправился лазать по своим ужасным пещерам. Ты знаешь, что такое спелеолог? Это мое несчастье. Каждую ночь мне снится, что он застрял там, в своих лазах... Да ты проходи в комнату, будь как дома. А я позвоню на работу, чтобы меня не ждали.

Как дома!..

В своих комнатах мальчик увидел чужие вещи, уловил чужие запахи.

— Садись вот сюда, на диван, — Ксения Марковна швырнула папку с бумагами на стол и села рядом с Ефимом. — Так же, стало быть, выкрутасы, дружок. Ну, давай, выкладывай все по порядку.

Выслушав сбивчивый рассказ Ефима о его почной окант, Ксения Марковна сложила губы трубочкой и задумалась.

— И ты совсем-совсем не помнишь, как попал в институт? Чудно... И вообще, все это страшно загадочно, Ефим. Ты даже не отдаешь себе отчета, насколько загадочно. Я буду не я, если не докопаюсь до истины.

Ефим жадно вслушивался в голос женщины, улавливая в нем ту уверенность, которую отняла у него минувшая ночь. Ксения Марковна пересела на стул к тумбочке с телефоном, сняла трубку.

— Начнем с адресного стола, — сказала она, — и уточним местонахождение твоих родителей. Как их зовут, когда родились? Ну-ка?

Даты, названные Ефимом, заставили ее застыть с раскрытым ртом. Ей пришлось сделать над собой значительное усилие, чтобы не выдать своего недоумения. Получалось, что и отцу и матери мальчика давным-давно перевалило за сто. Однако она не помнила названных имен среди долгожителей города. И потом, не могли же столь престарелые люди иметь пятнадцатилетнего сына!

Медленно набирая номер адресного стола, Ксения Марковна уголком глаз наблюдала за своим юным гостем, но признаков умственного расстройства на его лице не замечала.

Из адресного стола ответили, что названные ею люди в городе не проживают. Это было уже совсем непонятно.

С минуту она колебалась. Ее глаза встретились с глазами мальчика — доверчивыми серо-голубыми глазами. Да нет, похоже, с головой у него все в порядке.

Ксения Марковна набрала номер городского архива.

— С вами говорит юрист завода холодильных установок, — произнесла она сухо и официально, — мне необходимо выяснить данные относительно Ошканова Константина Михайловича и Ошкановой Екатерины Филипповны.

Ответа ждать пришлось довольно долго. Но какую несуразицу ей сообщили! Родители Ефима действительно проживали в этой квартире, но умерли девятнадцать лет тому назад, то есть за четыре года до появления мальчика на свет божий! Между тем Ефим утверждал, что только вчера вечером находился вместе с ними вот в этой самой комнате. Мать помогала ему переводить с английского, а отец приводил в порядок книги в домашней библиотеке.

— Что вам ответили? — насторожился Ефим.

— Голова кругом идет, Ефим, — призналась Ксения Марковна. — Тут нужны люди поумнее нас с тобой. А пока одно скажу: чертовски тебе завидую!

— Мне? — удивился мальчик. — Почему?

— Приключение! — женщина назидательно подняла палец. — С тобой, похоже, произошло такое, что только в фантастических романах бывает. А ты же парень. Тебе от радости до потолка прыгать надо.

Мысль, подсказанная Ксенией Марковной, как-то сразу успокоила Ефима. И даже взбудоражила его. Приключение! Будет что порассказать друзьям. Ну, тогда и паниковать нечего.

— Послушай, — заговорщически понизив голос, сказала Ксения Марковна, — а ведь у меня в холодильнике куча вкуснейших вещей. Ты как, не возражаешь?

Ее слова послужили сигналом для желудка Ефима. Там сразу заняло от ощущения пустоты. Всю ночь он был на ногах. Да еще столько пережил. Теперь ему казалось, что он не ел по крайней мере двое суток.

Холодильник на кухне действительно оказался забитым такими яствами, от одного вида которых Ефим почувствовал дурноту и рот его наполнился слюной. Он с жадностью набросился на ветчину, шпроты, на пирог с рыбой, который прямо во рту таял. А Ксения Марковна ему все подкладывала да подкладывала. Заодно она и сама отправляла себе в рот то кусочек торта, то прямо пальцами вылавливала из банки с компотом розовощекнй персик.

Все это молниеносно исчезало в ее кругленьком ротике. И от того, что лицо ее при этом оставалось строгим и деловитым, у Ефима окончательно отлегло от сердца.

— А я ведь довольно плотно позавтракала, — доверительно пожаловалась Ксения Марковна. — Мне за обжорство и от мужа влетает, боится, что я разжирею. А ты, дружок, ешь, ешь. Душа меру знает.

Она пичкала Ефима с таким упрямством, что он едва выбрался из-за стола.

— А теперь на боковую, — скомандовала Ксения Марковна, — отсыпайся, дружок. А я отправлюсь на выяснение кое-каких обстоятельств. По возвращении обстоятельно доложу. Лады?

— Лады! — заулыбался Ефим.

— Вот и преотлично, — Ксения Марковна покачала головой, — и во что только тебя вырядили, черти. Костюм с какого-то мужика содрали и на мальчонку напялили. Чудесники-кудесники...

Ксения Марковна закрыла за собой двери только тогда, когда убедилась, что сон мальчика достаточно крепок. От ее показной беспечности не осталось и следа. Она едва не подвернула ногу, сбегая по лестнице. Она очень спешила разобраться в странных и безусловно имевших место событиях.

4

Георгий Михайлович Лапин был самым молодым доктором технических наук в Институте электромашиностроения. Впрочем, он был и самым молодым среди заведующих кафедрами. Ему только что исполнилось тридцать один. Он возглавлял кафедру низких температур.

В науке он продвигался довольно быстро и результативно. Его решения научных проблем поражали смелостью и простотой. Его доклады на симпозиумах в равной мере вызвали бурю негодования и бурю восторга. Взять хотя бы лапинскую теорию частиц с мнимой массой покоя. «Если существуют частицы с положительной массой, если стало привычным существование частиц с нулевой массой (к которым относятся фотоны и нейтрино), так отчего бы не быть и таковым, знак массы которых будет по другую сторону нуля?» — вопрошал Лапин. И, подтверждая свою мысль, приводил безукоризненные логические доказательства, подтвержденные математикой.

В ниспровержении этой теории принимали участие весьма именитые физики. Они не трудились в выборе выражений, доказывая псевдонаучность домыслов молодого доктора технических наук. Лапин же, читая громящие его статьи, хохотал, счастливо потирая руки. Единомышленников с каждым днем у него становилось все больше.

В поисках частиц с отрицательной массой (их уже до Лапина окрестили тахионами) он пошел своим путем. Он отказался от использования сверхмощных ускорителей и нашел прежде чисто диалектическое решение проблемы: получение качественно иного состояния материи требовало качественно иного метода.

Ему пришлось сменить немало научных руководителей, прежде чем удалось защитить кандидатскую диссертацию на тему «Самопроизвольное возникновение тахионов». Он был на грани провала. При голосовании он получил перевес всего в один голос. Зато в высших инстанциях диссертация получила неожиданно самую блестящую оценку, и Лапину было сразу присуждено докторское звание.

К удивлению друзей Лапин отказался от предложенной ему исследовательской работы в Институте физических проблем Академии наук и переселился в один из уральских городов, где принял заведование кафедрой, казалось бы, ничего общего не имеющей с решением проблемы тахионов. Но он-то знал, что делает. В том небольшом городе только что сдали в эксплуатацию крупнейший в мире завод холодильных установок. Содружество с таким предприятием сулило богатейшие возможности.

Еще четыре года спустя в лаборатории Лапина была собрана первая опытная установка для пробития «дна температурного колодца», то есть для выхода в область температур, лежащих ниже нуля Кельвина. Именно в этой области, по расчетам Лапина, открывалась возможность для самопроизвольного возникновения тахионов.

Прорыв в область отрицательных абсолютных температур в конечном счете открывал возможность извлечения энергии из пространства. В воображении Лапина уже оформлялась машина, названная им «тахогенератором». В принципе это будет своеобразная губка, впитывающая энергию из межзвездного вакуума. Ценность генератора усугублялась предстоящими космическими полетами в иные звездные миры.

Способность Лапина с удивительной легкостью объяснять самые сложные явления, тут же облекая их в ажурные ма-

тематические зависимости, снискала ему всеобщее уважение на кафедре. Невысокого роста, плотный и подвижный, Георгий Михайлович мог всю ночь напролет просидеть над расчетами, а утром появиться на кафедре таким свежим, будто хорошо выспался, прочесть пару-другую лекций с присущей ему увлеченностью и, наскоро перекусив в столовой, экспериментировать до полуночи.

Он не переносил медлительности, научной посредственности и просто в ярость приходил от формализма в исследовательской работе. Тем большее удивление и разочарование среди работников кафедры вызвало появление нового инженера-исследователя, человека, который ни в каких отношениях не подходил под строгие лапинские мерки.

Георгий Михайлович принял его в штат кафедры, несмотря на протесты проректора.

5

Ефим Константинович Ошканов работал на заводе холодильных установок рядовым конструктором. За тридцать четыре года своей непрерывной службы он не поднялся даже до старшего конструктора, не говоря уже о командных должностях.

А чего стоила внешность этого человека! Скучающее лошадиное лицо с выступающей нижней челюстью и тусклыми, некогда серо-голубыми глазами. Правда, седые курчавые волосы, оставшиеся густыми, как и в молодости, придавали ему некоторую привлекательность. И так как он никогда не носил головного убора, даже в сильнейшие морозы, на него оглядывались на улице.

Одевался Ефим Константинович всегда в один и тот же черный костюм, заметно выгоревший на солнце, и даже в жару не снимал пиджака. Галстука не признавал, хотя сорочку застегивал на все пуговицы. Походка у него была неторопливой. Передвигался он, обычно сцепив руки за спиной и не глядя на встречающих, отчего часто не замечал знакомых. Появляясь на работе, никогда не здоровался первым, а на приветствия отвечал или коротким кивком или нечленораздельным бурчанием.

На кафедре Ошканов сразу вызвал всеобщую неприязнь. Лапина отказывались понять — принять человека, которому до выхода на пенсию остается около двух лет! А ведь этот без пяти минут пенсионер занял штатную единицу, на которую претендовали люди и помоложе и несравненно перспективнее.

Лапин на все упреки только посмеивался, весело поблескивая прищуренными глазами.

...С Ошкановым судьба впервые свела его шестнадцать лет назад в этом же городе, где он родился и жил до поступления в столичный университет.

Ошканов явился в школу с общественным поручением — прочесть старшеклассникам лекцию на тему «Машины — гиганты XX века. Что и говорить, название лекции выглядело весьма интригующе.

Тем сильнее было разочарование школьников, когда с первых же минут стало ясно, что будет не захватывающее повествование, а тоска зеленая. Лектор не обладал даром слова. Он не говорил, а бубнил, почти не отрывая глаз от конспекта. И сыпал, сыпал цифрами. В его распоряжении не было даже мало-мальски подходящего наглядного пособия.

Вначале Юрий испытывал снисходительное сострадание к прилипшему к трибуне человеку с лошадиным лицом. Невыразительность была не только в речи лектора, но и во всем его облике.

Наступил момент, когда терпение Юрия истощилось. Нет, встать и демонстративно уйти показалось ему слишком благородным выражением протеста. Уйти следовало этому никчемному лектору.

Юрий начал демонстративно зевать, потягиваться, мотать головой, словно вел отчаянную борьбу со сном. Зевота, как известно, заразительна, и вскоре уже зевали два первых ряда перед трибуной.

С удовлетворением юноша поймал на себе растерянный взгляд лектора. Лектор начал терять нить доклада, сбиваться, повторять уже сказанное. И вдруг закончил. Спросил, нет ли вопросов. Вопросов, разумеется, не было. Лектор поспешно затолкал листки конспектов в портфель, комкая их, и, даже не оглянувшись на сидевших в президиуме директора школы и двух классных руководителей, не прощившись с ними, торопливо спустился со сцены. Единственный взгляд он бросил на Юру. При этом в его глазах не было ни гнева, ни даже досады. Он словно в чем-то виновился перед старшеклассниками.

А тут в зале возник смех, сдержанный, похожий больше на шепот, — сказывалось присутствие директора. Юрию не было смешно. Ничего, кроме презрительного сострадания к лектору, он не испытывал.

О лекции тут же забыли.

Правда, у Юры было еще объяснение с директором, но... такие мелочи жизни в расчет уже не шли.

А потом началось удивительное и необъяснимое. На уроке физики, когда речь шла о превращениях тепла, Юрий почему-то вспомнил, что в рассказе того незадачливого лектора проскользнуло упоминание об отрицательных абсолютных температурах.

— Разве могут быть такие? — спросил Юрий у преподавателя.

— В реальности нет, — ответил преподаватель. — Отрицательные абсолютные температуры существуют в квантовой механике как условные математические понятия. Да еще как домыслы фантастов.

Именно такой ответ и ожидал услышать Юра Лапин. Единственное, что смущало его — того лектора никак нельзя было отнести к категории фантастов. А уж в квантовой механике он наверняка ничего не смыслил, иначе хотя бы раз сослался на нее. Так нет же, он сыпал одними реальными цифрами. Что за чертовщина из противоречий!

Спустя еще месяца три или четыре, сидя у телевизора и захваченный происходящей на какой-то вымышленной планете трагедией, Юра снова вспомнил об отрицательных температурах. И опять подумал, что в рассказе Ошканова отрицательные абсолютные температуры фигурировали вовсе не как отвлеченные понятия, а как реальные категории, связанные с числовыми примерами и стало быть с какими-то определенными проблемами науки?

Но с какими именно?

Начало лекции Юрий еще помнил. Ошканов толковал о современной тенденции техники к созданию гигантов. Росло число этажей в небоскребах. Возрастала мощность, а значит и размеры электрических генераторов. В воздух поднимались все более внушительные по размерам и грузоподъемности лайнеры, а океанские просторы бороздили уже подлинные плавучие города. Возводились сверхдомны... Создавались сверхпрессы... Скоростные сверхпоезда мчались по супермагистралям.

Сверх... сверх... сверх...

И цифры... цифры... цифры... от которых еще не успели отдохнуть девятиклассники (у них перед тем была контрольная работа по математике).

О том, что в технике совершаются сверхпревращения, Юрию было известно. Но при чем тут фиктивные отрицательные температуры? Вот вопрос, который все навязчивее

ворочался в голове Юры. И каждый раз он сопровождался устремленным на Юрия взглядом виноватых, в чем-то кающихся глаз. Мальчик снова и снова видел сутулую, то-ропливо убегающую спину, слышал приглушенный смех своих сверстников.

Его не мучило запоздалое раскаяние, дело было вовсе не в этом. Какой-то подсознательный интерес подталкивал Юрия к поискам связи отрицательных температур с какими-то «сверх», столь туманно прозвучавшей в той злосчастной лекции.

Юра начал с того, что поинтересовался у одноклассников: что они запомнили об этой связи? Куда там! Его вопросы приняли за шутку. Многие даже не сразу сообразили, о какой лекции он спрашивает.

Как ни хороша была память у Юры, сам он ничего восстановить в ней не смог. Единственное, что он припомнил к своей собственной досаде, так это лишь то, что об отрицательных температурах лектор заговорил именно в тот момент, когда Юрий начал зевать. И скорее всего рассказчику попросту не дали возможности закончить свою мысль.

Юрий не дал.

Увы, пройдет немало лет, прежде чем Юрий Лапин поймет, что тогда на трибуне стоял провидец, человек, одаренный природой способностью заглядывать в будущее на много лет вперед.

Но в те дни школьник Юрий Лапин меньше всего думал об Ошканове-человеке. Его воображение оказалось задетым (и не так уж, чтобы очень) таинственным значением отрицательных температур, которых не бывает на свете.

Самое простое было — взять да и разыскать лектора, потолковать с ним, выяснить, что к чему. А как теперь взглянешь ему в глаза? Нужно окончательно потерять совесть, чтобы после такого свинства явиться на доверительную беседу.

Оставалась единственная возможность — выяснить все самостоятельно. В руках Юры стали появляться книги, содержание которых школьной программой не предусматривалось. Он не нашел ответа на мучивший его вопрос, зато в его руки однажды попала книга с рассказами о борьбе за получение низких температур. Какая это оказывается была жестокая и трагичная борьба! Только для того, чтобы еще на несколько градусов приблизиться к абсолютно нулю, заживо сгорел в водородном пламени поляк

Врублевский... Двадцать один год жизни отдал англичанин Дьюар, чтобы свершить то, что не удалось Врублевскому... Более десяти лет ушло у голландца Онессе, чтобы спуститься всего на 0,8 градуса ниже температуры, достигнутой Дьюаром,— он получил жидкий гелий. И когда это наконец случилось, без чувств грохнулся на пол своей лаборатории. Четыре месяца он бился в горячке, находясь между жизнью и смертью...

Зато итогом этой борьбы стала возможность сжижать любые газы. Были открыты явления сверхпроводимости и сверхтекучести.

Да, пищи для размышлений тут оказалось предостаточно.

И вот наступил день, когда стоявший уже на пороге школы юноша Лапин испытал ни с чем не сравнимое чувство озарения. Его поразила удивительная догадка: если существуют положительные температуры, если почти достигнут абсолютный нуль, почему бы не быть температурам и по другую сторону нуля? Ведь это же так логично!

Тогда он думал, что является первым человеком в мире, задавшим себе такой вопрос. Эта обманчивая самоуверенность определила его жизненный путь. Она привела его на физмат столичного университета, после окончания которого он стал восходящей звездой в научном мире.

И вот четыре с небольшим года тому назад он возвратился в родной город, чтобы привести в исполнение свои самые сокровенные замыслы.

6

Здесь, спустя шестнадцать лет, судьба снова свела его с Ошкановым. Заглянув как-то по своим делам в проектное бюро завода холодильных установок, он признал в одном из пожилых конструкторов того самого незадачливого лектора, который, сам того не ведая, определил путь Лапина в науку.

Лапин не был сентиментален, но при виде Ошканова испытал странное безотчетное беспокойство. Что-то осталось недодуманным, мимо чего проходил он все годы своих творческих успехов и что каким-то образом оставалось связанным с Ошкановым.

Начальник группы, в которой работал Ошканов, рассказал Лапину:

— Оригинальный человек наш Ефим Константинович.

И вроде в годах уже, а голова забита черт знает чем. Иногда такое разведет, чего и на философских семинарах не услышишь. А больше молчит. Так «молчуном» его в бюро и кличут.

— Сколько лет работает, а все рядовым, — подивился Лапин.

— Да все по той же причине — голова глобальными проблемами забита. Революционные перевороты в науке ему грезятся. А нам все это до лампочки, обыкновенных хлопот хватает. Ну так вот, попробовали как-то раз его ведущим поставить, вакантное место образовалось. Хлебнули с ним тогда. Ни организовать людей, ни распределить задания не сумел. Представляете, конструкторов с утра до вечера в диалектике просвещал, а всю проектную работу, рассчитанную на группу, потом один умудрялся делать.

— Значит, как рядовой конструктор, он кое-чего стоит?

— О, да! Вот уж чего у него не отымешь. Чувство ответственности в жизненную потребность превратилось. После Ошканова ни расчеты, ни чертежи можно не проверять — ошибок все равно не сыщешь.

Несколько дней после этого разговора Ошканов не выходил из головы Лапина. Между тем работа над тахионным генератором близилась к завершению. Недалек был день, когда теоретические исследования, пройдя через горнило ЭВМ, должны были обратиться в металл, в конкретные формы деталей, в чудо-машину.

Нетерпение начали проявлять все, участвовавшие в создании генератора, — лаборанты, инженеры-исследователи, младшие и старшие научные сотрудники. Теперь каждый раз включали испытательный стенд с таким чувством, с каким саперы заводят механизм мины замедленного действия.

И только Георгий Михайлович оставался по-прежнему веселым и шумливым. Он экспериментировал с присущей ему внешней беззаботностью. Но аппаратура в его присутствии работала под стать симфоническому оркестру, управляемому дирижером высшего класса. Случалось, Лапин на ходу менял порядок проведения эксперимента, принимая решения неожиданные и, казалось бы, противоречащие здравому смыслу. Но результаты приводили в шумный восторг даже его именитых единомышленников с высокими учеными званиями...

Случалось, с Лапиным спорили. Доказывая свою точку зрения, он приходил в веселое возбуждение, кричал и

жестикულიровал, словно находился в обществе людей с тугим ухом. Но никогда не обрывал спорщика, не выставлял в качестве аргумента свое вето руководителя. Даже с лаборантами спорил на равных. Он убеждал ясностью своего мышления, силой своей логики и, наконец, результатами экспериментов.

И кому бы пришло в голову, что именно в эти горячие дни, когда успех был уже не за горами, Лапина все сильнее одолевает чувство настороженности и безотчетной тревоги. Не странно ли — он, уже достаточно известный ученый, которого прочили в академики, все острее ощущал свою неполноценность.

Однобокость мышления — так он втайне охарактеризовал ее.

Техническая сторона открытия решена, это верно. Но ведь он не просто ученый, он — коммунист-ученый. Он обязан заглянуть в будущее своего детища, в те социальные последствия, которые оно может повлечь за собой. Однако Лапину не удастся заставить себя задержаться хотя бы на день, на час, взглянуть на свои исследования со стороны глазами бесстрастного аналитика. Его мозг до отказа забит математическими уравнениями. Но так продолжаться не может. Если его самого не хватает, чтобы быть одновременно и математиком и диалектиком, значит, нужно призвать кого-то в союзники, кого-то такого, кто так же одержим диалектикой, как он, Лапин, одержим чисто физической сутью открытых им явлений.

...Прихватив с собой бутылку коньяка и кулек с апельсинами, он отправился к Ошканову.

Ефим Константинович встретил гостя настороженно. Видно было, что о Лапине он наслышан.

— Я бы хотел потолковать с вами, — сказал Лапин. — Если не возражаете, конечно.

— Милости просим. Только бутылочку оставьте в прихожей, мы ничего такого не потребляем.

Первое же, что удивило Лапина, когда он вошел в комнату, — обилие книг. Самодельные стеллажи занимали все стены от пола до потолка. Полки с книгами примостились даже в проемах над дверями, в прихожей, над входом в кухню. Взгляд у Георгия Михайловича был острый, он сразу отметил обилие философской литературы: увесистые тома Энгельса, Гегеля, Спинозы, полные собрания Маркса, Ленина, философские трактаты Маха, Бора, Эйнштейна,

Бернала, Винера... Было множество вообще неизвестных Лапину авторов.

Изрядное место занимала и техническая литература, но с каким странным вкусом подобранная! «Проблемы транспорта»... «Прогнозы на третье тысячелетие»... «Вопросы происхождения нефти»... «Современная бионика»...

И вдруг... научная фантастика! Стеллаж за стеллажом, прямо глаза разбегаются. Фантастика рядом с Марксом и Лениным — не причуда ли слегка выжившего из ума человека? Нет, именно это соседство сразу успокоило Лапина и утвердило в том, что являлось для него только догадкой.

Ошкановы жили весьма скромно. Телевизор допотопного изготовления. Письменный стол для школьника, на нем измызанная, истертая печатная машинка с начатым листком. Заглянуть в листок Лапин не решился, хотя испытывал большое искушение сделать это.

На полу пестренькие домотканые половики, на окнах портьеры из зеленого ситца. Четыре жестких стула за круглым столом, а у письменного стола крашеная табуретка. Количество стульев свидетельствовало о том, что круг знакомых у Ошкановых весьма ограничен.

Жена Ошканова, Марина Давыдовна, по годам была старше мужа, но выглядела куда моложе. До выхода на пенсию она работала медицинской сестрой у отоларинголога. В ее черных, собранных в узел на затылке волосах не было ни одной седины. Чувствовалось, что это очень жизнерадостная, подвижная женщина, которая не прочь посудачить с соседками. Полнота только подчеркивала ее миловидность. И лишь приглядевшись, Лапин различил на ее лице глубоко запрятанные потаенную грусть и усталость. Видимо, жизнь с Ошкановым не была для нее безмятежной.

— Садитесь, пожалуйста, — у Марины Давыдовны был мягкий протяжный голос.

Лапин сел за круглый стол. На минуту заколебался: стоит ли нарушать мирный покой этих пожилых людей? И вообще, не ошибается ли он, ожидая столь многого от такого, судя по всему, беспомощного, ничего не добившегося в жизни человека?

Ошканов сел напротив Лапина, ничего не спрашивая и предоставив гостю самому объяснять цель своего визита.

— Ефим Константинович, будьте любезны, несколько

листочков чистой бумаги, — попросил Лапин, — я постараюсь вас не задерживать.

Бумагу поспешила принести Марина Давыдовна и села чуть позади мужа, но так, чтобы тот мог чувствовать ее плечо. И это Лапин отметил про себя. Откровенно настороженный, испытующий взгляд пожилой женщины из-за плеча Ошканова смутил гостя. Вряд ли она разбирается в том предмете, о котором сейчас пойдет речь. Однако в том, что для нее это будет иметь значение нисколько не меньшее, чем для мужа, у Лапина не оставалось никаких сомнений.

— Мне удалось осуществить прорыв в область отрицательных температур, — Лапин решил сразу брать быка за рога, — я сделал это первым, Ефим Константинович. Я стал первым, поскольку пошел принципиально иным путем. Правда, результаты более чем скромны: всего пять сотых градуса ниже абсолютного нуля. Пять сотых, но ниже! Я уверен, вы в достаточной мере оцениваете это, — Лапин сделал паузу, чтобы дать возможность Ошканову выразить свое удивление, быть может, даже восторг. Но... ничего этого не произошло. — Таким образом, установка задействована, она работает. В основу ее положен следующий принцип.

Шариковая ручка короткими росчерками металась по листку бумаги. Чертить Лапин умел, а уж рассказывать, подчинять себе внимание слушателей, тем более.

— Вот сюда подается жидкий гелий, и возникает первичная сверхпроводимость. Наведенное в соленоидах магнитное поле резко уплотняется и становится способным ориентировать диполи в материале обмотки на молекулярном уровне. Вам ведь известно, что такое ориентирование снижает температуру системы. Надобность в жидком гелии отпадает, и мы возвращаем его в емкости. Теперь начинается своеобразная раскрутка, температура понижает самую себя. Идет ориентирование диполей уже на атомарном уровне, и система переходит на тот энергетический уровень, на котором мы оказываемся ниже дна температурного колодца.

Георгий Михайлович швырнул ручку на листок бумаги и откинулся на спинку стула. Прищуренные глаза его блестя торжеством победителя. В коротком рассказе заключались годы поисков, тысячи экспериментов, бесконечные математические анализы.

Глядя на Ошканова в упор, он убедился, что интуиция

не подвела его — торчащие уши Ошканова порозовели от волнения, а нижняя челюсть отвисла, приоткрыв чередование собственных и металлических зубов. Конструктор как-то неестественно выпрямился над столом. Затем он положил ладонь на испещренный Лапиным листок, решительно придвинул его к себе и, не наклоняя головы, молча и долго всматривался в замысловатое кружево линий, в нагромождение математических зависимостей.

— А, собственно, для чего вы все это мне рассказываете? — глухо и враждебно спросил он Лапина.

— Я и мои друзья слишком увлеклись математикой, — признался Лапин, — а это опасно, я знаю. Абстрагирование может заслонить от нас главную сущность открытия. Ведь мир отрицательных абсолютных температур — это мир качественно иных явлений. Но каких именно? И здесь нужно абсолютно раскованное воображение, — взгляд Лапина невольно упал на стеллажи с фантастической литературой. — Раскованное, но... насквозь пропитанное законами диалектики.

— Тахионный генератор — абстракция? — ухмыльнулся Ошканов. — Что же касается диалектической оценки ваших работ, то вы, товарищ Лапин, обратились явно не по адресу. Я всего лишь конструктор.

— А я и пришел к вам как к конструктору, — в глазах Георгия Михайловича спряталась хитринка. — Как вы посмотрите, если я предложу вам место на кафедре?

— В нашем бюро найдутся более достойные люди.

— Их интересует диалектика?

— А почему вы решили, что она интересует меня? — уже с нескрываемой враждебностью вскинулся Ошканов. — И вообще цель вашего визита меня крайне удивляет. Мне два года осталось до пенсии и у меня нет желания менять место работы.

Он встал, давая понять, что Лапину пора убираться.

И Марина Давыдовна встала, но она из-за плеча мужа поглядывала на гостя благодарными ликующими глазами, чем привела его в полнейшее недоумение.

— Апельсинчики не забудьте, — Ошканов довольно грубовато сунул пакет в руки Лапина. — Отнесите своим детишкам.

«Да ведь он узнал меня! — сообразил Георгий Михайлович. — Узнал, черт этакий!»

Спустя два дня, выйдя из института на липовую аллею,

Лапин увидел на ближайшей скамейке супругов Ошкановых. Они сидели рядом и, судя по их виду, никогда в жизни не садились поодаль друг от друга.

При виде Лапина они разом встали, и Марина Давыдовна ободряюще сжала локоть мужа.

— Георгий Михайлович, — сухо и официально произнес Ошканов, — я прошу вас взять меня к себе на кафедру. Я понимаю, что никакой научной ценности для вас не представляю, а потому согласен на любую подсобную работу.

И Марина Давыдовна, радостно улыбаясь, закивала головой, словно вместе с мужем собиралась работать на кафедре.

7

Лапин готовил стенд к очередному испытанию генератора, когда заведующий лабораторией Миша доложил, что его хочет видеть какая-то дама.

— Молодая? — осведомился Георгий Михайлович.

— И очень симпатичная, — уточнил Миша. — Шик!

— Пригласи ее в каптерку.

«Каптеркой», по инициативе Миши, пришедшего в институт после службы на флоте, стали называть маленькую глухую комнатенку без окон, в которой хранились запасные приборы, арматура, канцелярские принадлежности, спецодежда. Там же устраивались перекуры и тайные торжества по случаю чьего-нибудь дня рождения.

Войдя в каптерку, Лапин увидел круглолицую женщину с вихрами медных волос и вызывающе строгими темно-кариыми глазами.

— Ксения Марковна Сычева, — назвала она себя, — юрист завода холодильных установок.

— Очень приятно, — Лапин церемонно наклонил голову. — Георгий Михайлович Лапин, заведующий кафедрой низких температур. Мы в чем-то нарушили договор с вашим заводом?

— Нет, нет, я совсем по другому поводу, — женщина замялась. — Такая, знаете ли, странная история получается... В вашем отделе кадров я только что выяснила: на вашей кафедре работает некто Ошканов Ефим Константинович.

— Совершенно верно, работает.

— Могла бы я его видеть?

— М-м-м... К сожалению, нет.

— С ним что-то случилось?

— Очевидно, да. Он не вышел на работу, а человек это чрезвычайно пунктуальный, требовательный к себе, — Лапин развел руками. — Я посылал к нему на квартиру, но там никого.

Женщина в раздумье пальцем уперлась в собственный подбородок.

— Еще вот что, — сказала она, — не позволите ли вы мне взглянуть на вашу лабораторию?

— Милости просим!

Лапин пропустил Сычеву впереди себя, распахнул перед ней двери в лабораторный зал.

— Поразительно! — шепнула женщина. — Все совпадает...

— Совпадает с чем? — приподнял брови Лапин.

— Сегодня за полночь к нам в квартиру постучал мальчик, — Ксения Марковна взволнованно защелкала замком сумочки, и это не укрылось от глаз Лапина. — Его зовут Ефимом. Ефим Ошканов.

— Мало ли на свете Ошкановых, — чуть пожал плечами Лапин, — а среди них Ефимов?

Женщина буквально вцепилась в Лапина.

— Он стучал в свою квартиру. Слышите — в свою! И он действительно жил в ней... девятнадцать лет назад. А мальчику пятнадцать. Мало того, он уверяет, что весь минувший день провел с родителями, которых давно нет в живых. И, как мне удалось установить, — это родители вашего Ошканова. Достаточно прочесть его автобиографию, его анкетные данные.

— Постойте, постойте, — нахмурился Георгий Михайлович, — не так быстро. Может, мальчишка знает нашего Ошканова и приплел его для пущей достоверности.

— И вашу лабораторию заодно?

Лапин изменился в лице.

— То есть?

— Ночью он вышел из вашей лаборатории — это может подтвердить вахтер. А вот каким образом он оказался в лаборатории, объяснить не в силах. Зато лабораторию описал точно, я теперь сама убедилась.

— Немыслимо!!

Лапин попятился и плюхнулся на металлический вращающийся стульчик.

— Я устроил сегодня разнос нашей ученой братии, — потирая лоб, произнес он. — Кто-то, уходя, оставил вклю-

ченным тахионный генератор. А кто — признаться не желает. Генератор работал всю ночь, и беда могла произойти большая. Но, по совести говоря, я не верю в рассеянность моих товарищей, народ у меня проверенный. Так что разнос я устроил для порядка. Но я совсем выпустил из виду Ефима Константиновича... Извините, пожалуйста, — Лапин вскочил, — садитесь, прошу вас!

— Ничего, ничего, я так.

Теперь они стояли, сосредоточенно глядя друг на друга. Мысли Лапина не путались, не металась в невообразимом хаосе. Уж кто-кто, а он-то умел сопоставлять факты, находить единственно возможный вывод. И даже самая нелепая фантастичность этого вывода его никогда не пугала.

— Скажите, во что одет мальчик? — спросил он.

— Очень странно, знаете ли, одет. На нем костюм с плеча взрослого мужчины. Вид у мальчика в нем весьма комичный.

— Костюм черный, выгоревший на солнце. Пуговицы липовые, пришитые черными нитками?

— Да, да, совершенно верно!

— Сорочка зеленая с белой полоской. Туфли коричневые с тупыми сбитыми носками, а шнурки желтые.

— Так вам все известно?!

— Фу-ты! — Лапин достал носовой платок и вытер сразу вспотевшее лицо. — Так ведь и до инфаркта недалеко... Ах, Ошканов, Ошканов, ты все-таки сказал свое слово!

— Ради бога, — взмолилась Сычева, — объясните же, наконец!

— Позвольте мне прежде самому прийти в себя, — сказал Лапин. — Вот мы с чего начнем: я должен немедленно видеть мальчика. Михаил! — закричал он. — Миша!

Появился заведующий лабораторией с мотком проволоки на плече и с коробкой под мышкой.

— Генератор не включать, — приказал Лапин. — И никого к нему не подпускать. Слышал: никого! Головой отвечаешь.

— Шеф, — обиделся Миша, — ты меня с кем-то путаешь.

Стараясь не шуметь и через плечо поглядывая на следовавшего за ней Лапина, Ксения Марковна вошла в комнату. И с испуганным возгласом попятилась обратно. На

диване, вытянувшись на спине, переплетя пальцы на груди, звучно храпел мужчина преклонного возраста. У него было лошадиное лицо с отвисшей нижней челюстью и седая кудрявая шевелюра.

— Боже мой! — перепугалась Ксения Марковна. — Кто это?

— Рекомендую, — торжественно провозгласил Лапин, — Ошканов Ефим Константинович, инженер-исследователь лаборатории низких температур.

Его голос разбудил спящего. Ошканов открыл мутные, глубоко сидящие глаза и повернул голову. Не узнав стоящей перед ним женщины, он, кряхтя, сел.

И тут увидел Лапина.

— Георгий Михайлович? — удивился он. — Что-нибудь случилось?

— Я думаю, да, случилось, Ефим Константинович. Но прежде познакомьтесь с хозяйкой квартиры, в которой вы изволите находиться.

— Позвольте... Действительно, где это я?

Он озадаченно разглядывал незнакомую комнату, диван, на котором лежал, самого себя. Но, видно, уже начинал кое-что припоминать, лицо его становилось все более сосредоточенным. Увидев брошенный на спинку стула свой пиджак, Ефим Константинович поспешно надел его. Краснея от натуги и смущения, тяжело дыша, надел и завязал туфли.

— Извините, пожалуйста... — Он исподлобья все поглядывал на Ксению Марковну. — Как неловко получилось... А зеркало у вас где?

Ксения Марковна, еще не обретшая от волнения дара речи, указала на двери в прихожую. Ошканов, шаркая туфлями по паркету, направился вон из комнаты. Уже не соображая, что можно включить свет, он в полутьме прихожей почти вплотную приблизил лицо к зеркалу, сосредоточенно вглядываясь в свое отражение.

Свет включил вышедший за ним Лапин.

— Ничего... — разочарованно пробормотал Ошканов, — никаких следов воздействия...

— О чем вы, Ефим Константинович?

— Я все объясню, разумеется. Но должен сразу сказать, Георгий Михайлович, — ваши надежды на меня не оправдались.

— А вы в этом уверены?

Лапин взял Ошканова за локоть, провел обратно в ком-

нату, усадил на диван и сам сел рядом. Поодаль на стуле застыла Ксения Марковна, все не сводящая глаз со своего ночного гостя.

— Что вы делали ночью в лаборатории? — спросил Лапин. — Зачем включили генератор?

Ошканов, насупившись, долго молчал.

— Я жил с единственной целью, — хрипло произнес он, — создать рабочую теорию революционных переворотов в науке и технике, на основе законов диалектики, прочно соединенную с математикой. Тогда, начиная любое исследование, ученый сможет заглядывать в будущее и заранее предусматривать все возможные последствия от своего творения. Куда там! Меня никогда не принимали всерьез. А ведь еще шестнадцать лет тому назад я на основе своей теории предсказал, куда ведет поиск отрицательных абсолютных температур.

— Куда же? — Лапин заглянул в лицо Ошканова.

— В область самопроизвольного возникновения тахионов, создание в пространстве замкнутого объема с обратным ходом времени.

— Ч-ч-черт! — Лапин хлопнул себя по коленям, вскочил и заходил по комнате. — Отрицательное-то время мы отнесли к категории мнимых величин, к чисто математической абстракции. Это значит — остановились на полдороге. Недотепы! Олухи! Но вы-то, вы, Ефим Константинович? Вы чего же во все колокола не били? Как могли вы спокойно сидеть у своего кульмана и чертить болтики-винтики, зная, что уже идут исследования, идет вторжение в мир отрицательных абсолютных температур?

Ошканов беспомощно развел руками.

— Я старался делать все, что было в моих силах. Писал статьи, которые расценивались как научная фантастика. Ходил по школам, старался рассказывать как можно интереснее. Тешил себя надеждой: вдруг зажгу хотя бы одну юную душу. Хотя бы одну! — Ошканов замер, сгорбившись так, что Георгий Михайлович перестал видеть его лицо. — Увы, природа обошла меня всем, в чем я так нуждался, — ни исследователь, ни лектор, ни публицист... В общем, полная бездарность. И вдруг... — Ошканов выпрямился, повернулся к Лапину. — И вдруг появились вы, Георгий Михайлович. Вначале я не мог поверить, принял за иронию судьбы.

Лапин перестал расхаживать по комнате, замер на месте.

— Вы создали установку, которая позволила вам пробить дно температурного колодца, — голос Ошканова неуловимо изменился, в нем послышалась не присущая ему твердость. — Ваша цель — получить новый источник энергии, эффективный и неисчерпаемый. Но вы, не чураясь диалектики, догадывались, что прорубаете окно в новый неизвестный мир, который откроет перед вами не только новые источники энергии. И вы понимали, что с помощью одной математики в это окно не заглянешь.

— Ну же, Ефим Константинович! — поторопил умолкнувшего Ошканова Лапин. — Не томите душу!

— Да что ж, ничего такого особенного. За два года, что я у вас протолкался, времени было вполне достаточно, чтобы сообразить, какие чудеса лежат хотя бы подле самого окна.

— Отрицательное время! — подхватил Лапин. — Неужели же вы доказали, что и оно — реальная сущность.

— Я пытался сделать это...

— Но как? Каким образом?

— Я пришел ночью в лабораторию и включил генератор. После этого я погасил свет в зале.

— Свет? Зачем?

— Я остался в полной темноте. А когда глаза мои привыкли, увидел в пространстве между торцом установки и экранной защитой оранжевое свечение.

— «Свечение Черенкова»?!

— Да. И я готов был вопить от счастья. Я считал, что сбылись мои прогнозы. Но чтобы окончательно утвердиться в своих догадках, я... я шагнул в это залитое светом пространство. Если там действительно имело место обратное течение времени, оно должно было как-то повлиять на меня. Но, как видите, увы, никаких последствий. Я шел к этой минуте всю жизнь, а она превратилась в минуту горького разочарования.

На лице Ошканова появилось отчаяние.

А Лапин смотрел на него восторженно и влюбленно. То, что сделал сегодня ночью Ошканов, выглядело до неправдоподобия просто: ему потребовалось всего лишь нажать кнопку, которая находилась даже не на пульте, а на косяке дверей в лабораторный зал. Ее, эту кнопку, каждый день в конце рабочего дня, убедившись, что все ушли домой, «вырубает» завлаб Миша.

Четыре года экспериментировать с генератором и не догадаться взглянуть на его работу в полной темноте. Вели-

кая тайна познания! Но путь Ошканова к маленькой кнопке у дверей длился долгие десятилетия поисков. По крупичкам собирал он новейшие факты из молекулярной биологии, ядерной физики, цитологии, теории относительности — и все это связывал в единый узел. Ах, Ошканов, Ошканов! Как же удалось все это тебе в одиночку, без друзей и единомышленников, оставаясь при том честным и добросовестным конструктором холодильных установок?

Вообразив себя в условиях такого раздвоения, Лапин поежился. Жесточайшее испытание! Чтобы выдержать его, нужна беспредельная одержимость, бесконечная вера в идею. Ошканов... Титаническая работоспособность и... феноменальная беспомощность в жизни.

— Ефим Константинович, дорогой вы мой! — обнимая Ошканова за плечи, воскликнул Лапин. — Да вы попробуйте сначала припомнить, как оказались в этой квартире.

— В самом деле... — стушевался Ошканов.

— Вы пришли сюда, поскольку эта квартира была когда-то вашей. Вы выросли в этих комнатах, здесь умерли ваши родители. Но прошло много лет и сегодня ночью сюда вернулся подросток, пятнадцатилетний Ошканов.

— Не хотите ли вы сказать...

Ошканов отстранился, чтобы лучше видеть Лапина.

— Ксения Марковна, — обратился Лапин к хозяйке квартиры, — расскажите-ка человеку о его ночных похождениях.

Выслушав рассказ Сычевой, Ефим Константинович долго молчал, раскачиваясь и потирая колени. Но в глазах его было несказанное счастье.

— Свершилось... — голос его был хриплым.

— Да, — подтвердил Лапин, — окно вы приоткрыли. Но теперь следует его распахнуть настежь. Не так ли, Ефим Константинович?

По дороге в институт, у выхода из липовой аллеи на площадь, Ошканов неожиданно схватил Георгия Михайловича за рукав.

— Боже правый! — простонал он. — Она еще здесь!

На крайней скамейке, откуда хорошо был виден вестибюль института, сидела Марина Давыдовна. Она подремывала, положив голову на спинку скамейки.

А время уже перевалило за полдень.

— Она проводила меня до самых дверей института, — в исступлении зашептал Ошканов Лапину. — Она могла бы

удержать меня, если бы захотела. И знала, что рискует потерять меня навсегда — ведь воздействие могло оказаться и стойким. И вот все ждет. Впрочем, как же так? Она должна была видеть того мальчика, который вышел из института. И она не могла не догадаться... Боже мой, каково ей было! Маринушка! Маринушка! — вдруг закричал он.

И с протянутыми руками устремился к жене.

ПОТЕНЦИАЛ РАЗРЯДА

1

Глеб Санкин отчаянно боролся со сном и потому не сразу услышал тревожное гудение зуммера. Взглянув на приборы, он с изумлением убедился, что отключено высокое напряжение.

Он поспешно снял телефонную трубку.

— В чем дело? — закричал он. — Что случилось?

— У нас ЧП, — отозвался ему спокойный голос дежурного диспетчера Энергоцентра. — Придется потерпеть до утра.

— Да вы с ума сошли?! Вы сведете на нет всю...

Не пускаясь в объяснения, диспетчер положил трубку.

Сна как не бывало. Тупо глядя на приборы, стрелки которых опустились на нулевые отметки, Глеб прежде всего с грустью подумал о том, что ему уже в который раз не повезло. И на этот раз, похоже, окончательно: чаша терпения заведующего лабораторией доцента Козицкого теперь окажется переполненной, он предложит Глебу подать заявление об уходе по собственному желанию. Это неважно, что Глеб ни в чем не виноват. Прежде получалось так же: стоило ему встать у пульта, как, пожалуйста, — то выйдет из строя какой-нибудь блок автоматики, то окажутся перепутанными провода датчиков, то приборы выдадут несусветную ерунду (хотя перед приходом Глеба работали безукоризненно). Каждая бригада исследователей дипломатично предпочитала обходиться без услуг Глеба Санкина, приписывая ему роль «черной кошки».

Что касается Козицкого, то за каждую неполадку он начинал разнос с Глеба, поскольку у того в это время бывала самая виноватая физиономия. Страшась, что его заподозрят в чужой оплошности, Глеб мучительно краснел, прятал глаза и лепетал в свое оправдание нечто невразумительное, чем приводил Козицкого в еще большую ярость.

Так из инженера-исследователя Глеб был постепенно

изведен до старшего, а затем и просто рядового лаборанта. Ему бы возмутиться, послать Козицкого ко всем чертям да уйти из лаборатории. Инженер-электроник, хоть и зеленый еще, везде нашел бы себе место. Увы, он никак не мог заставить себя решиться на такой шаг. И не только по мягкости своего характера. Его удерживало тайное желание стать свидетелем конечных результатов работ доцента Козицкого.

Дошло до того, что Козицкий поставил его на ночные дежурства у изотопной установки. В обязанности Глеба входило сидеть у пульта и не спускать глаз с приборов. И хотя тут всем управляла автоматика, однако мало ли что могло случиться.

До появления Глеба подле установки ничего не случилось.

За одиннадцать лет непрерывной работы установки производились лишь профилактические осмотры, но они, разумеется, в счет не идут.

И вот именно во время дежурства Глеба впервые отключили высокое напряжение.

2

Похожая на древнеегипетский саркофаг, окрашенная в ядовито-зеленый цвет, установка стояла в небольшом закутке просторного лабораторного зала, обособленно от всего прочего оборудования.

Через установку двигался непрерывный поток воды. В самой утробе ее, в сферической камере вода мгновенно обращалась в пар. Пучок лазерных лучей выхватывал из пара те молекулы воды, атом водорода которых имел массу 4.

Одна такая молекула приходилась на два с половиной миллиарда обычных протиевых молекул. Под воздействием сверхплотного электрического поля она увлекалась в кварцевый накопитель, небольшой цилиндр, заключенный в сложное нагромождение катушек и конденсаторов.

За одиннадцать лет непрерывной работы установки в накопителе осело около сорока кубиков уникальной жидкости.

Пятая часть стакана, три глотка за одиннадцать лет!

Современная наука пока ничего не знала о свойствах воды с изотопом водорода «4». Существовали гипотезы, строились догадки, порой граничащие с фантастикой. Но

реальных фактов, равно как и самой изотопной воды, в руках исследователей еще не было.

Козицкий руководил лабораторией, которая исследовала свойства воды вообще. Установка для получения изотопной воды была незаконнорожденным детищем Козицкого, она не входила в утвержденные ученым советом Гидрологического НИИ планы работы, и Глебу Санкину было известно, что доцент Козицкий немало убухал на нее из своей собственной зарплаты.

Случалось, около установки появлялись биологи из НИИ, что стоял напротив через площадь,—молодые, бородатые и громогласные парни. Тогда возникали ожесточенные споры вокруг проблем использования изотопной воды. Козицкий переставал походить на себя. Щеки его треугольного лица с глубокими складками и остреньким подбородком покрывались румянцем, глаза готовы были выскочить из орбит. Он размахивал руками, как ветряная мельница, его скрипучий голос подымался до визга.

Глеб убедился—в изотопной воде весь смысл жизни Козицкого. И теперь, будучи в роли обычного ночного сторожа при изотопной установке, Глеб считал, что ему повезло. Рядом было то главное, ради чего жил Козицкий,—вещество, способное совершить переворот в науке. Ну, может быть, и не переворот, но во всяком случае нечто такое, от чего все ахнут.

Теперь же все надежды Козицкого обращались в прах.

И это происходило на глазах Глеба Санкина, на которого доцент конечно же будет смотреть, как на главного виновника катастрофы.

3

Молекула воды с изотопом водорода «4» оказалась короткоживущей. Вне защитного поля она в течение тысячных долей секунды превращалась в молекулу обычной водопроводной воды. Краем уха Глеб не раз улавливал слова Козицкого о том, что он работает над проблемой сохранения изотопной воды вне установки. И не раз Козицкий растолковывал нетерпеливым биологам, что стоит включить установку, и через пятнадцать—двадцать минут от уникальных свойств изотопной воды ничего не останется.

Пятнадцать-двадцать минут!

Электронные часы на пульте еще не отсчитали первую

минуту после разговора Глеба с Энергоцентром. Глеб размышлял над тем, как ему следует поступить. Конечно же, полагается немедленно позвонить Козицкому, но это не спасет изотопную воду. Пока Глеб набирает номер телефона доцента, пока тот проснется и снимет трубку, будут потеряны драгоценные минуты. А что, собственно, сможет предпринять Козицкий, узнав о беде? Где Энергоцентр добудет для него высокое напряжение, если у них у самих ЧП?

Конечно же, никто завтра не осудит Глеба, если он возьмет сейчас устроится поудобнее в кресле да спокойно вздремнет до утра. Будь на его месте даже академик семи пядей во лбу, так и тот бы ничего не смог придумать.

Однако на сон больше не тянет. Наоборот, беспокойство за сорок кубиков воды в кварцевом накопителе становится все сильнее. Оно заставило Глеба заерзать в кресле, вскочить на ноги, озираясь по сторонам, будто в надежде увидеть кого-нибудь, кто смог бы подсказать, как следует поступить.

На глаза ему попал большой цветастый плакат, который биологи как-то притащили с собой и повесили на самом видном месте. Видно, специально для Козицкого. На плакате была изображена клетка. Она походила на большую чернильную кляксу салатного цвета. В центре ее располагалась клякса поменьше, черного цвета, — ядро клетки, обрамленное красной ломаной каемкой — мембраной. А между ядром и границами клетки плавала в салатной цитоплазме всякая всячина, из которой Глебу более всего запомнились митохондрии, напоминающие собой буро-коричневые перезревшие огурцы. Вот вокруг этих самых митохондрий и велись бесконечные дебаты между Козицким и биологами. Митохондрии выполняли в клетках роль энергетических станций. Именно им предстояло испытать на себе воздействие воды с изотопом водорода «4», чтобы в свою очередь вызвать в клеточной структуре двенадцатибалльный электрический шторм.

Что мог смыслить Глеб в этих «высших материях»?

Подперев кулаком подбородок и переведя глаза на зеленые, сменяющие друг друга цифры табло электронных часов, Глеб сделал еще одну попытку уговорить себя, успокоить свою совесть доводом, что все это не его ума дело, что никто не посмеет упрекнуть его, ночного сторожа, в нерадении. Даже Козицкий в своем безудержном гневе не

отыщет ничего унижающего достоинство рядового лаборанта.

Но нет, уже не это занимало сейчас Глеба Санкина.

Решение пришло как-то само собой, оно было до обидного простым, будничным, не походило на внезапное озарение, на итог мучительных размышлений.

Увы, у него всегда получалось не как у людей.

4

Теперь он мог позвонить Козицкому.

— Я слушаю...

Голос доцента как всегда был неприятно скрипучим.

— Максим Арсеньевич, — вздохнул в трубку Глеб, — тут такое дело получилось: Энергоцентр отключил высокое напряжение. Я пробовал возражать, но... Вы меня слушаете, Максим Арсеньевич?

— Слушаю... Не глухой...

— Так что мне теперь делать?

— Убираться домой.

— То есть... как домой?

— Ногами! Вот как, — гаркнул Козицкий.

И положил трубку.

Глеб озадаченно взирал на трубку в своей руке. Он не услышал ожидаемого вопля отчаяния, на который был способен единственный человек в НИИ — доцент Козицкий. На голову Глеба не обрушилась лавина проклятий. По голосу Козицкого вообще нельзя было сказать, что услышанное потрясло его, и это больше всего обеспокоило Глеба.

Но уходить Глебу было никак нельзя. Он должен был объяснить Козицкому свой поступок.

...Минут через сорок в коридоре слышались знакомые шаркающие шаги. Войдя в лабораторию и покосившись на Глеба, доцент на ходу освободился от своей волчьей дохи мехом наружу, швырнул ее на слесарный верстак, швырнул следом большую мохнатую шапку, шарф, перчатки. Все так же молча, только шумно дыша, он подошел к установке. Присев, открыл круглую крышку лючка. Ни в движениях его, ни на лице его Глеб не увидел ожидаемого крайнего возбуждения.

Козицкий извлек из установки кварцевый накопитель.

Он заглянул в цилиндр-стакан и не увидел в нем изотопной воды. Он замер, не веря глазам своим. Потом всем телом повернулся к Глебу.

— Где вода?

Глеб глотнул. Боже, как он ненавидел и как боялся этого человека! Но что было сделано, то уже сделано.

— Я выпил ее...

Превратившись в два стеклянных шарика, глаза Козицкого устремились на это сущее для него наказание, на эту «черную кошку», которая на каждом шагу перебегала ему дорогу.

— Я ведь как рассудил, Максим Арсеньевич, — презиравая себя за то заискивание, которое прозвучало в его голосе, пояснил Глеб, — изотопной воде конец. Вы же сами говорили: без защитного поля — пятнадцать-двадцать минут. А биологам важно знать, как изотопы водорода будут воздействовать на живые клетки. Вот пусть они на меня и воздействуют. Я согласен поступить в полное распоряжение биологов, пусть ставят надо мной любые эксперименты. Пожалуйста, сколько угодно.

Козицкий с трудом добрался до кресла. Опустившись в него, он обессиленно уронил руки, и кварцевый цилиндр, выскользнув из ослабевших пальцев, упал на бетонный пол и рассыпался на множество радужных осколков.

— Уходи, Санкин, — приказал Козицкий. — Немедленно!

Глеб поспешил ретироваться. *

5

Он добрался до дома, когда родители уже ушли на работу. Он долго стоял в прихожей, не зажигая огня. Перед глазами его все маячила согбенная фигура, так разительно непохожая на энергичного и подвижного Козицкого. Напрасно пытался Глеб постигнуть эту перемену в поведении доцента. Мысль, что того придавило сознание впустую потерянных одиннадцати лет, пришлось сразу же отбросить. Потрясению следовало произойти сразу, едва Козицкий снял телефонную трубку у себя дома. Так нет же, Козицкий вошел в лабораторию с таким же спокойствием, с каким всегда входил, сколько его помнил Глеб.

Глеб разочарованно вздохнул. Втайне он рассчитывал, что хоть на сей раз Козицкий по достоинству оценит поступок своего лаборанта. Ведь что ни говори, а выпить изотопную воду, не ведая о возможных последствиях, решился бы далеко не каждый в лаборатории. Тут все-таки какая ни на есть, а отвага требуется. Так нет же: «Уходи, Санкин! Немедленно!»

На кухонном столе мать оставила ему завтрак, заботливо прикрытый полотенцем. Несмотря на неприятности, Глеб поел с аппетитом, вымыл за собой посуду. Затем прошел в комнату и привычно включил телевизор. Он бы его, наверное, тут же и выключил, чтобы завалиться спать, но с удивлением увидел, как по экрану вместо изображения побежали стремительные разноцветные полосы.

Это уже была новая неприятность. Глеб знал, что мать без телевизора и дня прожить не может. Так или иначе, а устранять дефект предстоит ему. Не приглашать же мастера, если в доме есть свой специалист с высшим образованием.

Глеб переключился на другую программу, но и там было то же самое. В чем загвоздка: в самом телевизоре или в антенне? Глеб вышел в прихожую, чтобы позвонить по телефону знакомым, живущим поблизости, узнать, как там у них с телевизором.

Сняв телефонную трубку, он чуть не выронил ее — вместо привычных гудков вызова в ухо ему ударил оглушительный рев сирены. Поспешно положив трубку на аппарат, Глеб ошалело воззрился на него, затоптался на месте. Может, на телефонной станции по ошибке подключили телефон к осветительной сети?

Тут через открытые двери из прихожей в комнату он взглянул на телевизор и обнаружил, что с экрана исчезли радужные полосы, уступив место нормальному изображению.

Ну, хоть одна домашняя забота с плеч долой.

Глеб вошел в комнату, чтобы выключить телевизор и завалиться спать. По мере того как он приближался к аппарату, изображение начало расплываться, сдвигаться полосами, покрываться цветными трепещущими зигзагами.

Инженер-электроник Глеб Санкин не мог не догадаться, что за оказия происходит в квартире. Он пятился от телевизора обратно к дверям, и с каждым его шагом тускнели полосы, уступая место изображению.

Да, сомнений быть не могло: источником помех и для телевизора и для телефонного аппарата является он сам, а сделала его источником электрических помех выпитая им изотопная вода. Вот такая получается история.

Глеб услышал частое потюкивание собственного сердца, почувствовал озноб совсем такой же, какой был у него однажды, когда он схватил воспаление легких.

Изотопная вода в действии. Она действует и ее объект он, Глеб Санкин.

Он смежил глаза, и тут же перед ним возник плакат на стене лаборатории — большая салатная клякса, в которой плавали буро-коричневые перезревшие «огурцы»-митохондрии.

— Митохондрии! — произнес Глеб вслух, и не узнал собственного голоса.

В его ушах прозвучали голоса биологов и голос Козицкого во время одной из встреч в лаборатории. Как они ожесточенно спорили, обсуждая механизм воздействия изотопной воды на клетку! А Глеб слушал спорщиков и ловил себя на том, что многие словесные выпады легко перевести на язык математики. Ах, как хотелось ему каждый раз вмешаться, изложить все на бумаге аккуратными строчками уравнений! Да разве бы Козицкий позволил ему?

А теперь все это происходило в его теле. В нем шел реальный процесс взаимодействия изотопной воды и митохондрий клеток. Желает того Козицкий или не желает, а он, Глеб, превратился в главного участника уникального эксперимента.

Глеб не заметил, как очутился на кухне и принялся ходить в узком пространстве вдоль стола и газовой плиты. Здесь, в привычной тесноте, ему думалось свободнее, чем в просторной комнате.

Собственная значимость и обрадовала и перепугала его. Обрадовала, ибо теперь биологам невольно предстоит выслушивать Глеба. Перепугала, поскольку он никогда еще не проявлял самостоятельности, выполняя только указания Козицкого.

Глеб взглянул на часы: начало девятого. К биологам идти еще рано. У него есть время подготовиться к этой встрече, благо рядом нет Козицкого.

6

У него не было под рукой приборов, с помощью которых можно было бы определить напряженность созданного его телом электрического поля. Но на одной лестничной клетке с Санкиными жил Миша Юркин, молодой врач со «Скорой помощи» и страстный радиолюбитель-коротковолновик.

Миша оказался дома. Он был в одной майке, туго обтягивающей его богатырскую грудь, в пижамных штанах и тапочках на босу ногу.

— А! — обрадовался он Глебу. — Проходи, проходи! Покажу, с кем я нынче ночью связь установил. На другом континенте обитается, бизнесмен, вроде.

Глеб принял протянутую руку. В то же мгновение Миша, весивший никак не меньше девяноста килограммов, был отброшен невидимой силой в глубь своей квартиры. С глухим криком он опрокинулся на спину, с трудом повернулся на бок и попытался встать.

Глеб было собрался броситься ему на помощь, но чья-то рука легла на его плечо.

— Оставайся на месте, Санкин!

Да, это опять был Козицкий. Отстранив Глеба, он помог Мише подняться с пола.

— Могло быть хуже, — посочувствовал он. — Подите, выпейте воды.

— Что за дурацкие шутки, Глебка... — Миша с укоризной поглядел на Глеба. — Ведь это же тысячи полторы вольт.

— Да уж не меньше, — подтвердил Козицкий. — Но вы должны извинить своего друга, он сделал это по неведению. Впрочем, он все делает по неведению, — и, повернувшись к Глебу, сказал: — Я приехал за тобой, Санкин. Иди оденься, я жду тебя в машине.

7

Козицкий, нахохлившийся, как старый воробей, сидел за баранкой «Запорожца», старенького и изрядно обшарпанного, чем-то под стать своему хозяину.

— Садись, — Козицкий приоткрыл Глебу дверцу.

Глеб протиснулся на заднее сидение, забился в угол. Козицкий повернул ключ зажигания. Вместо деловитого урчания стартера послышалось его слабенькое всхлипывание. Мотор не запустился.

Козицкий чертыхнулся. Верный своей нервной натуре, ожесточенно, раз за разом, завертел ключом. Но всхлипывания стартера становились все слабее.

— Максим Арсеньевич, — подал голос Глеб, — так и это наверное из-за меня.

Доцент, не оборачиваясь, помолчал, осмысливая слова Глеба.

— Вылазь!

Глеб выбрался из машины, отошел подальше. И услышал, как тотчас же заработал двигатель. Убедившись, что

с мотором все в порядке, Козицкий выключил зажигание и вылез вслед за Глебом.

— Ты дома один?

— Один...

— Хорошо, идем к тебе, потолкуем.

Не оглядываясь на лаборанта, Козицкий поднялся по лестнице. В прихожей, не ожидая приглашения, повесил свою волчью доху, лохматую шапку, шарф. Прошел в комнату, по-хозяйски расселся на диване, кивком головы указал Глебу на стул напротив дивана.

— Ах ты, дурень, дурень, — выкаченными глазами он уставился на лаборанта. — Ведь изотопную воду я готовил для себя. Слышишь ли? Для себя! А ты взял и вылакал ее, как блудливый кот оставленную без присмотра сметану.

— Но ведь я же хотел как лучше! — зло вырвалось у Глеба. — Вы бы все равно ничего не успели сделать, чтобы спасти воду.

— С чего ты взял?

— То есть как это с чего взял? От вас слышал.

— Когда же я это говорил тебе?

— Ну, допустим, не мне...

— Биологам да, говорил. Биологи постоянно канючили у меня изотопную воду для своих экспериментов. Выпрашивали хотя бы пару кубиков, хотя бы полкубика... хотя бы каплю. Но мне были нужны все сорок кубиков. Сорок — и ни капель меньше.

— Значит, не пятнадцать-двадцать минут? — растерялся Глеб.

— Это время потери свойств одной каплей. Одной каплей, Санкин! Надо было слушать как следует. А для сорока кубиков полная потеря свойств потребует восемьдесят три часа. Теперь прикинь: напряжение отключили всего на два часа. Значит, для восстановления нужного количества до сорока кубиков мне потребовалось бы еще месяца три с небольшим. Месяца три, Санкин, а не одиннадцать лет. Я был почти у цели. Я держал ее, как жар-птицу за крыло. А ты... ты все погубил.

— У... у какой... цели? — упавшим голосом спросил Глеб.

Козицкий уставился в лицо лаборанта своими выкаченными глазами, словно пытался прочесть его потаенные мысли.

— Теперь я могу рассказать тебе, — он помолчал, все

приглядываясь к Глебу. — Теперь-то могу... Видишь ли, я копил изотопную воду, чтобы возвратить себе молодость. Да, да, ты не ослышался, Санкин, молодость...

8

С минуту Глеб переваривал услышанное, — оно показалось ему уж очень нереальным.

— Вижу, до тебя не дошло, — Козицкий удовлетворенно качнул головой. — Ну, лет-то мне сколько? Будто не знаешь? Все на кафедре любят о моих годах посудачить, а ты, значит, в неведении? Без малого восемьдесят мне, Санкин, вот какое дело. Начальство уже давненько намекает, что пора бы и честь знать, передать лабораторию кому помоложе. А я и сам чувствую—пора! Бессонница донимает, сердечко пошаливает, память уже не та... Но как уйти? Я же к исследованиям воды намертво прикипел. Оторвать меня от них, значит, убить.

Козицкий тяжело поднялся на ноги, шаркая по полу, прошелся по комнате.

— Да будет тебе известно, Санкин, — донеслось до Глеба от дальнего окна комнаты, — что лет четырнадцать тому назад я совершил открытие: я высчитал, что вода с изотопом водорода «4» способна совершить полное обновление организма. Нужно только точно сорок кубиков. Сорок, и ни капель меньше. Все недуги прочь, жизнь начнется сызнова. Нет, не сызнова, она продолжится. — Козицкий обошел стол, прошаркал обратно к дивану. Он смотрел себе под ноги и, казалось, разговаривал сам с собой. — Возвращенная молодость, извечная мечта человечества! Я смог бы подняться на такие вершины, о которых и мечтать не смею. И всего лишь сорок кубиков изотопной воды... Ты знаешь, Санкин, что такое молодость? Нет, этого знать тебе не дано. Вот когда доживешь до моих лет, тогда поймешь старика Козицкого в полной мере.

Он снова опустился на диван.

— Но в лаборатории появился ты, Санкин, и выпил все мои сорок кубиков.

Доцент неожиданно хлопнул себя по коленям и расхохотался. Глеб впервые видел его хохочущим. Неприглядное зрелище! Глаза его запали и потускнели, а приоткрытый рот походил на разинутый клюв хищной птицы.

— Но это же нечестно, Максим Арсеньевич! — вскипел Глеб. — Сделать открытие и хранить его для себя од-

ного. Какой же вы ученый? Да вы эгоист. Биологи, которые к вам приходили, просили воду для общего дела. И вы им не дали ни капли. Как же вам не стыдно?

Козицкий сразу перестал хохотать. В его глазах, устремленных на лаборанта, теперь не было столь оскорбляющей того снисходительности и равнодушия. Доцент смотрел теперь на Глеба с явным уважением.

— Сегодня мне впервые стало стыдно, Санкин, — признался он. — И в том твоя заслуга. Не понимаешь? Ну и ладно... А биологи, что биологи. Они стали бы проводить бесконечные испытания воды на лягушках, кроликах, крысах. Разве для того мы одиннадцать лет накапливали изотопы? Впрочем, что ты смыслишь в изотопах...

— Больше, чем вы думаете! — закричал Глеб и вскочил на ноги. — Это вы не давали мне настоящей работы, — он сжал кулаки. — А я... я мог бы смоделировать воздействие изотопной воды на митохондрии на ЭВМ. Я чувствую, что мог бы! Но и теперь я знаю, что мне делать. Я стану объектом изучения для биологов. Со мной вон какие чудеса происходят! Я же стал живым генератором высокого напряжения. Тут для науки на сто лет работы. И я... я тоже буду работать. С биологами! Но только не с вами. Я сию же минуту отправлюсь к биологам.

Козицкий шагнул к Глебу. Они оказались почти лицом к лицу.

— Ты не успеешь дойти до биологов, Санкин, — сказал Козицкий, уперевшись пальцем в грудь Глеба. — Выпив изотопную воду, ты подписал себе смертный приговор. Жить тебе, Санкин, осталось всего ничего.

— Какой... какой еще приговор? — заранее обмирая, пробормотал Глеб. — Чего вы еще такое придумали, Максим Арсеньевич?

— Увы, брат, это жестокая правда.

9

Козицкий помолчал, испытующе вглядываясь в Глеба.

— Изотопная вода, которую ты изволил с такой легкостью выпить, коварнейшее вещество. Попав в дряхлые клетки, она повышает энергоемкость митохондрий и тем возрождает жизнедеятельность клеток, делает их снова молодыми. Но оказавшись в клетках молодого организма, — палец Козицкого с силой надавил на грудь Глеба, угодив между лацканами пиджака, — изотопная вода при-

мется наполнять энергией и без того до отказа наполненные ею митохондрии. Тебе же известно, что произойдет с конденсатором, если его подключить на сверхрасчетное напряжение, — Козицкий сделал шаг назад, кашлянул в кулак. — Все сегодняшнее утро я переводил на язык математики твои предстоящие взаимоотношения с выпитой водой. И получилось, Санкин, что жить тебе после последнего глотка восемь часов и семнадцать минут. Секунды, разумеется, не в счет. Но пять часов уже минуло, вот ведь какое дело.

И Козицкий, потершись щекой о свое плечо, снова уставился на Глеба своими выкаченными глазами. И эти глаза были лучшим доказательством того, что каждое слово, сказанное доцентом, — правда.

Еще три часа жизни?

Как, всего три часа? А потом?

Да нет, это просто невозможно!

— Единственное, чем я могу утешить тебя, — будто смакуя слова приговора, продолжал Козицкий, — смерть твоя будет легкой и молниеносной. Ты вспыхнешь электрическим пламенем. Пшик — и нет тебя. Только вот бы не наделать пожара в квартире, — доцент озабоченно оглядел уставленную мебелью квартиру, — но... это уже твоя забота.

Козицкий сочувствующе вздохнул, отошел к окну. Потом снова возвратился к Глебу.

— А впрочем, — вкрадчиво произнес он, — у тебя есть шанс остаться в живых. И тебе как инженеру-электронике следовало бы самому догадаться. А, Санкин? Проще простого.

Глеб с ненавистью взглянул в выкаченные глаза доцента. Ему виделось в них все то же настороженное любопытство, заглядывание в самую душу. Все это расценивалось Глебом, как желание садиста насладиться предсмертными муками своей жертвы. Тем не менее смысл последних слов дошел до сознания Глеба.

— Разряд!!! — ахнул Глеб.

— Похвально, — Козицкий удовлетворенно наклонил голову. — Но не разряд на обычное заземление. Это также чревато для тебя гибелью. Нужен особый потенциал разряда — разряд на органическую материю, на живые клетки, на митохондрии.

— Как это понять?

— Ну, скажем, пойти и снова поздороваться с сосе-

дом. Только уже не отпускать его руки, пока... Ты понял меня?

Глеба передернуло.

— Вы с ума сошли? Я же убью его!

— Да, пожалуй, — бесстрастно согласился доцент. — Но никто ни в чем не упрекнет тебя. Ты оправдаешься своим неведением. Первому электрическому монстру все простят. Я же буду молчать, можешь положиться на меня.

По лицу Глеба пошли красные пятна.

— И как только у вас язык поворачивается...

— Стало быть, такой вариант отпадает. Ну что ж, имеется еще один, — понизив голос, доверительно произнес Козицкий. — Вот тебе моя рука, сожми только ее покрепче — у старческой кожи электрическое сопротивление побольше — да и делу конец. Ведь я для тебя самый неприятный человек на свете. А моя жизнь так и так уже ломаного гроша не стоит. Ну же, Санкин!

И рука Козицкого потянулась к руке Глеба. Глеб рванулся в сторону, опрокинулся вместе со стулом, опрокинул стол, ударился об его угол головой, но не почувствовал боли. Очутившись на другой стороне комнаты, он закричал:

— Да ну вас к черту, на самом деле! Чего вам от меня нужно? — и, отдышавшись, исподлобья глядя на доцента, взмолился: — Шли бы вы, Максим Арсеньевич, по своим делам, а я уж как-нибудь и без вашей помощи разберусь. Уходите, прошу вас!

Козицкий одобрительно качнул головой, губы его дрогнули в улыбке.

— Прости меня, Глеб, за неуместные шутки, — он впервые назвал Санкина по имени. — Забудь все, что я предлагал сейчас тебе. Конечно же, такое не для тебя. Но посоветую тебе немедленно обзавестись резиновыми перчатками, не то кого-нибудь из друзей на тот свет отправишь. Слышишь ли, что говорю?

— Да, да, слышу.

— А теперь главное...

Козицкий снова построжал, сжал свои тонкие бескровные губы. Его кругленькие глаза-стекляшки уставились в лицо Глеба.

— Сегодня я понял — ты совсем не таков, каким кажешься. Я рад, что ошибался в тебе. Я бесконечно рад, Глеб Санкин, можешь верить мне.

Сцепив руки за спиной, доцент прошелся по комнате.

— Быть тебе исследователем, настоящим большим ученым.

— Чего-о-о? — опешил Глеб. — Чего вы такое говорите?

Губы Козицкого опять дрогнули в улыбке.

— Тебе еще не раз придется лихо, уж очень ты несобранный человек. Ах, молодость, молодость... А сегодняшняя встряска ведь тоже кое-что значит, не так ли?

— Еще бы, — согласился Глеб.

— Я уже звонил биологам и они ждут тебя. А в моей лаборатории тебе делать больше нечего.

— А установка?

— Я отдаю ее тебе. Как устроишься у биологов, перетащишь ее к себе, — Козицкий помолчал. — Вот, пожалуй, и все. Пора, пойду.

Не глядя больше на растерянную, опрокинутую от счастья физиономию своего лаборанта, Козицкий вышел в прихожую, неторопливо одел свою волчью доху с мехом наружу, перед зеркалом поправил на голове большую лохматую шапку.

— Верю в тебя, верю, — он ободряюще кивнул Глебу и машинально протянул ему руку. Так же машинально Глеб принял ее. В то же мгновение его ладонь против его воли сомкнулась на пальцах Козицкого.

Все тело доцента содрогнулось от чудовищного удара электрического тока. Падая, он увлек за собой Глеба. От удара их тел распахнулась дверь квартиры. Глеб закричал. Из дверей напротив выскочил Миша и с великим трудом оторвал руку Глеба от руки Козицкого.

— Как же так... — бормотал Глеб. — Я не хотел... Ну как же так...

— Все! — сказал Миша. — Ему уже ничем не поможет.

ГОМУНКУЛУС, или История одного эксперимента

...Быть или не быть?
Вот в чем вопрос...

В. Шекспир. «Гамлет»

Такой жары, да еще в первой половине мая, не помнили даже старожилы города. Здесь, далеко на севере страны, температура в полдень была выше, чем за тысячи километров, на берегах Черного моря.

Члены ученого совета, рассаживаясь вокруг длинного, сверкающего лаком стола, обмахивались газетами, вытирали платками потеющие лица, шеи, лысины. В кабинете ректора, несмотря на распахнутые окна, было душно, как бывает накануне грозы.

Вадим Сергеевич, ректор института, невысокий упитанный мужчина с гривой седых волос и круглым мясистым лицом, устало поднялся на ноги. Он нетерпеливо поглядывал на тех, кто запоздало появлялся в дверях и медлил, разыскивая свободное место.

— На повестке дня нашего внеочередного заседания один вопрос, — произнес он рокочущим звучным голосом, — это беспрецедентный эксперимент, который сегодня ночью произвела старший научный сотрудник кафедры хирургии мозга Барботько Ася Давыдовна, — Вадим Сергеевич метнул недобрый взгляд в дальний угол кабинета, где сидела Ася Барботько. — Не прошло и недели после трагической гибели Софьи Николаевны Бельской, известного ученого и нашего товарища, а Барботько имела нескромность взять на себя руководство кафедрой. Хотя, должен сказать, у нас намечены более достойные кандидатуры.

— Руководство темой... — поправил ректора слабый голос Аси.

— Что вы сказали? — нахмурился ректор.

— Я возглавила руководство темой, а не кафедрой, — громче повторила Ася Барботько.

— Не считаясь ни с мнением ректората, ни с той принципиальной позицией, которую в этом вопросе занимает

наша научная общественность, — в голосе ректора зазвучал металл, — сегодня ночью, тайком, Ася Давыдовна произвела пересадку человеческого мозга.

Тишина установилась такая, какой еще не случалось на советах медицинского института. Прекратилось поскрипывание стульев, на которых поудобнее устраивались члены совета, смолкло шуршание газет, которыми они обмахивались. Не только все в кабинете, но, казалось, и Гарвей в золоченой раме на стене в изумлении уставились на Асю.

Тишина была столь напряженной, что Вадим Сергеевич должен был сделать паузу.

— Сейчас, в эту минуту, — продолжал он погодя, — в экспериментальной операционной кафедры живет существо, скроенное по методу безумного уэльсовского Мора.

Двадцать шесть пар глаз рассматривали Асю тяжело и недружелюбно, — так рассматривают человека, с которым годами делили хлеб-соль, а он вдруг отплатил тебе самой черной неблагодарностью.

Внешность Аси была самая заурядная, если не считать роста (последствие акселерации!) — спокойное, чуть продолговатое лицо, которое всегда оставалось невозмутимым, светло-серые спокойные глаза, коротко подстриженные под мальчика темные волосы. В студенческой среде Асю знали больше как незаменимого члена баскетбольной команды института, нежели научного работника.

На ней были коричневые брюки, легкая белая кофточка и ярко-красные лакировки на «платформе».

— Барботько втянула в свою авантюру студентов-выпускников, — достаточно громко заметил сидевший по правую руку от ректора проректор по научной работе. — Это вдвойне отягощает ее вину.

— Так уж сразу и вину... — усомнился профессор Гликин, заведующий кафедрой терапии, тучный мужчина, прозванный среди студентов за свою внешность «мистером Пиквиком». — А мне так по душе та страшная бомба, которую Барботько швырнула в реку познания. Представляю, сколько мудрой рыбешки всплывет пузой кверху.

— Михаил Соломонович! — нахмурился ректор.

— Нет, вообще-то я потрясен, — Гликин выпуклыми, почти черными глазами преданно уставился на ректора и пухлые губы его сложились в скорбную трубочку. — Но, согласитесь, Вадим Сергеевич, решиться на такое...

Его перебили возгласами:

- Нашли чем восторгаться!
- Да это же надругательство над личностью!
- Возмутительно!
- В воображении не укладывается!

Первой всеобщую растерянность преодолела заведующая кафедрой анатомии профессор Кетова, седовласая женщина с мужеподобным лицом, одетая, несмотря на жару, в синюю жакетку мужского покроя и строгую синюю юбку. В отворотах жакетки виднелись воротничок белой мужской сорочки и черный галстук.

Кетова властным жестом попросила у ректора слова, и еще прежде, чем получила его, встала, рассеянно вертя в руке нераспечатанную пачку сигарет.

— Буквально месяц тому назад, — произнесла она низким грудным голосом, — вот здесь, рядом со мной, сидела покойная Софья Николаевна. С каким восторгом рассказывала она успехи своей любимой ученицы Аси Давыдовны Барботько. Боже мой, она души в вас не чаяла, Ася Давыдовна. Знали вы это?

— Догадывалась... — отозвался слабый голос Аси.

— А знали ли вы, что Софья Николаевна была непримиримым противником идеи пересадки человеческого мозга. А, Барботько?

— К сожалению...

— Так как же вы решились предать своего учителя, осквернить то, что было свято и неприкосновенно для Бельской? Что же вы заходя в карманах камешки припрятывали?

— Камни, — с полной серьезностью уточнил Гликин, теперь преданно глядя на Кетову, — булыжники с мостовой.

Его одернули, зашикали, замахали руками. Профессор покаянно развел руками, приложил палец к своим губам — «молчу, молчу!» Однако его реплика сбила Кетову и та, обиженно поджав губы, села.

Со времени учебы в институте из всех преподавателей Ася с особой теплотой вспоминала Кетову. С каким вдохновением читала лекции эта седовласая женщина! У нее была слабость к истории медицины. В ущерб времени, отведенному на учебную программу, Кетова вводила своих слушателей в мир, полный драматизма, самопожертвования и неустанного поиска истины. И не странно ли, именно эти экскурсии в романтическое прошлое медицины и определили жизненный путь Аси Барботько. Нет, между

Кетовой и Асей не случалось душевных откровений. Кетова ни разу не выделила Барботько из среды ее однокурсников, и все-таки, сама того не ведая, она растревожила воображение девушки.

А теперь Кетова первой швырнула в лицо Аси слова гневного обвинения, и они особенно тяжело ранили молодую женщину. Глядя, как Кетова нервно комкает коробку с сигаретами, Ася с особой остротой ощутила всю горечь и возмущение этого беззаветно преданного медицинскому человеку.

После Кетовой выступления последовали одно за другим, все более гневные, обличающие. И каждый выступающий или выступающая не преминули обратиться к имени покойной Бельской, к ее общепризнанному авторитету ученого. Если некогда живую Бельскую эти люди ставили вровень с собой, то теперь склоняли головы перед ее громкой славой, смотрели на нее снизу вверх.

Незримая, но величественная Бельская вошла в кабинет ректора и села рядом с Кетовой, чтобы вершить суд над своей любимой ученицей.

.
Бельская...

Сорокапятилетняя женщина с пышными формами, с тяжелой копной русых волос, укладываемых в лучшем салоне города. Пышущая здоровьем, громогласная, любившая поболтать с друзьями и знакомыми. Красавица. И заботливая мама, не упускавшая случая похвастать:

— Я первый профессор медицины, родивший тройню!

Ученый с мировым именем, неперенный участник международных симпозиумов по восстановительной хирургии мозга. Это ей принадлежало сенсационное открытие неотторжимости пересаженного мозга. Любой пересаженный орган, будь то сердце, почка, легкое, железа, — испытывает несовместимость с телом реципиента. Даже кусочек пересаженной кожи отторгается чужим телом. Ничто пересаженное само по себе не приживляется. Ничто... кроме мозга! Коварная природа словно нарочно приоткрыла перед поборниками пересадок чудесную лазейку, зная наперед, что ни один, даже самый отважный исследователь не рискнет этой лазейкой воспользоваться.

Идея пересадки человеческого мозга завладела Асей на лекциях все той же Кетовой. Как пример величайшего подвига в медицине Кетова привела открытие Бельской,

приравняла его к бессмертному поступку Хавкина, ибо и то и другое сделано во имя человечества.

Пересадка мозга!

Вот ради чего стоит жить на свете. Ася выиграла подлинное сражение на конкурсных экзаменах в аспирантуру, которой руководила Бельская. И очень скоро заставила Бельскую обратить на себя внимание.

Тем сильнее было разочарование Аси Барботько, когда она, уже работая над кандидатской диссертацией, убедилась, что ее научный руководитель и не помышляет идти дальше опытов над животными. Более того — Бельская оказалась принципиальным противником самой идеи пересадки человеческого мозга.

Не странно ли?

Так блестяще решить все неясные стороны проблемы, накопить богатейший практический опыт, приобрести технические возможности и... отказаться от решающего шага.

Нет, Ася отказывалась верить. Что-то тут было не так. Очевидно, у Бельской оставались какие-то нерешенные вопросы, какие-то еще не преодоленные барьеры. Что ж, надо набраться терпения и ждать.

Нелепый несчастный случай оборвал жизнь Бельской. Переходя улицу и спеша к себе в клинику (Софья Николаевна всегда спешила), она угодила под машину.

Ася решительно возглавила серию экспериментов, не доведенных Бельской до конца. И не колеблясь, подобно своему учителю, совершила следующий решающий шаг.

Она поймала себя на том, что не слушает выступающих. К ней обращался ректор, о чем-то спрашивал ее.

— Простите, — спохватилась Ася, — я не расслышала.

— Мы хотели бы знать, какие мотивы побудили вас решиться на это подлинное безумство, пойти наперекор общему мнению?

— Ах, да, решиться...

Ася потеряла лоб кулаком, заставив себя сосредоточиться на происходящем. Она повернулась к своему соседу, аспиранту Аркаше, вместе с нею пришедшему на совет, хотя вызывали ее одну. Аркаша стал для Аси таким же беззаветно преданным единомышленником, каким она в свое время была для Бельской. Он принадлежал к той категории молодых людей, которых не смущают самые именитые авторитеты. А сейчас вокруг него сидели доктора наук, ученые, возглавляющие клиники и кафедры. «Пушкинские» бакен-

барды и короткие усики придавали Аркаше довольно воинственный вид.

Он извлек из кармана брюк соединенные скрепкой листки бумаги. Ася приняла их, бережно разгладила на коленях и подняла так, чтобы листки стали видны всем членам совета.

— Вот что побудило меня решиться на так называемое «безумство», — сказала она.

И молчала, пока профессор Персидский, заведующий кафедрой онкологии, сухонький и седенький, с остренькой бородкой и громовым голосом, всегда вызывавшим веселое оживление у студенческой аудитории, не спросил вежливо:

— Не завещание ли Софьи Николаевны это?

Ася утвердительно наклонила голову.

— Именно так я и мои друзья расценили этот документ. Здесь список, составленный Софьей Николаевной, — Ася говорила монотонно, растягивая слова. — В списке собраны умершие в нашем городе за одну наугад взятую неделю.

— Станный вид завещания, — фыркнул Гликин, — ни тебе дачи построить, ни тебе машины купить. Одно слово — мертвые души.

— Вы правы только наполовину, Михаил Соломонович, — вздохнула Ася. — Это список только тех умерших, кто мог бы стать донором мозга или реципиентом тела, — потершись щекой о плечо, она смотрела на Гликина так, словно пыталась припомнить, где встречала этого тучного и рыхлого, распираемого весельем мужчину. — Скрытно от всех нас, используя собственную методику анализа, Софья Николаевна в течение недели сумела отобрать девять пар потенциально способных к воскрешению жизней. Девять человеческих жизней — вы только вдумайтесь, товарищи! И всего за одну неделю. И только в одном нашем городе, — Ася тоскующе покосилась на застывшего в золоченой раме Гарвея. — Увы, эти жизни были традиционно преданы земле, отданы на съедение червям.

Члены совета настороженно поглядывали на листки бумаги, веером развернувшиеся в руке Аси. Тут сидели люди, потрясти которых фактом жизни и смерти было не так-то просто. И возраст, и профессия научили их не отдаваться во власть эмоций. Они прежде верили своему опыту, сверяли все новое со своими укоренившимися убеждениями.

И только Гликин, не скрывая своей заинтересованности,

подвинулся вместе со стулом, чтобы лучше видеть Асю. Да Вадим Сергеевич обеспокоенно переглянулся с проректором по научной работе, — все утро они вдвоем просидели над проектом решения совета. Все им казалось предельно ясным. Их убежденность возникла не вдруг, она выпестовывалась годами с того самого дня, как **вылупилась на свет** эта кощунственная идея пересадки человеческого мозга. Ее, эту идею, неоднократно пережевывали в печати. О ней стало модно судачить на медицинских конференциях. Она часто становилась темой застольных бесед. Но никто, ни один уважающий себя ученый (не говоря уже о медиках!) не осмелился высказаться в пользу подобной пересадки.

Что ж из того, что созрела техническая возможность? Проблема потянула за собой неразрешимые этические трудности. А, да что там говорить! Любой профан в медицине понимал, какими пагубными последствиями чреват столь вольный эксперимент над человеческой личностью.

И вдруг — нате вам! — кандидат медицинских наук, уже известный в городе хирург. Вадим Сергеевич с тревогой вспомнил тот день, когда под его председательством слушалась защита кандидатской диссертации Барботько. Защита прошла блестяще, прямо надо сказать. И он тогда с искренней радостью присоединился к общему мнению: талант!

Талант...

Расхлебывай теперь талантовы выкрутасы.

— Вы еще и рылись в бумагах покойной Софьи Николаевны, — подогревая собственное возмущение, заметил ректор. — В скромности вас не упрекнешь. А список, что список... Ваши домыслы, меня лично, не убеждают.

— Хотелось бы знать, — опираясь сухонькими кулачками в стол, профессор Персидский привстал, наклонился в сторону Аси, — чьим мозгом вы столь вольно изволили распорядиться? Если не секрет, разумеется.

— Какие же тут могут быть секреты, — не вставая, пожала плечами Ася, — мы использовали мозг Софьи Николаевны Бельской.

Помедлив, она повторила с вызовом:

— Мозг НАШЕЙ Софьи Николаевны.

И покосилась на Гарвея в бронзовой раме, будто именно от него ожидая самую неприятную реакцию.

Ответ Аси более всего поразил Гликина. Красноречие впервые изменило этому остряку. В его выпуклых почти

черных глазах, устремленных на Асю, застыла смесь ужаса и восторга.

Профессор Персидский обессиленно плюхнулся на стул, пожаловался сидевшей напротив него Кетовой:

— Для моего сердца это слишком...

Старик кривил душой, он до сих пор принимал участие в лыжных кроссах (в группе своего возраста, разумеется).

Выражение гадливости на лице Кетовой заставило похолодеть Асю. Молодая женщина испытала искушение бежать вон из кабинета, отказаться от этой непосильной борьбы, не быть в фокусе устремленных на нее гневных, изумленных, полных презрения глаз.

Ася знала, что ожидает ее на совете, готовилась к самому худшему, но ощущение этого всеобщего, слитого всеедино гнева ужаснуло ее. Никто не кричал на нее, никто не бросал ей в лицо обидных и оскорбительных слов. Выступающие терпеливо ждали своей очереди. Речь каждого была краткой, сдержанной, корректной. Но тем весомее оказывались наносимые удары, ибо они были точно рассчитанными, бьющими в самое уязвимое место.

Асю обвиняли в осквернении общечеловеческой морали, и это походило на правду. Ее обвиняли в измене основным канонам медицины, и возразить против этого ей было нечего. Никакие словесные оправдания, доводы не помогли бы сейчас Асе Барботько. Границы допустимых экспериментов на человеческом мозгу определились в процессе многовекового развития понятия гуманности. Лучшие умы человечества вновь и вновь восставали против попыток вольничанья в святая святых тела человеческого: в обители разума.

А она решилась перешагнуть эти границы. И увлекла за собой таких же увлеченных, как и она, молодых служителей медицины. Она заставила и себя и их поверить, что пришла пора пересмотреть каноны.

И, значит, отступить ей не дано.

Вадим Сергеевич поднял руку, властно требуя тишины. Ждать ему пришлось довольно долго. И даже когда он заговорил, возмущение глухим рокотом еще продолжало перекатываться по кабинету.

— Уважаемая Ася Давыдовна! — произнес ректор, и жесткие предостерегающие нотки в его голосе заставили насторожиться Асю, — вы же отлично понимаете, что все мы не вдруг и не только что восстали против пересадки

человеческого мозга. Сколько раз каждый из нас осмысливал и переосмысливал подобную возможность! И не мы одни, здесь сидящие, против. Все человечество решительно не желает создания гомункулусов. Да, да, Ася Давыдовна, я не оговорился: именно гомункулусов, этого фантастического бреда средневековых алхимиков, — Вадим Сергеевич помолчал, переживая возникший в кабинете шум. — Вы знаете, я никогда не участвовал в диспутах подобного рода, считая их бессмысленной тратой времени. — Он с сочувствием всматривался в лицо Аси. — Теперь я жалею об этом... У меня есть что сказать вам, Ася Давыдовна. Вам и вашим единомышленникам. Уверен — то же самое сказала бы вам и Софья Николаевна, будь она жива. — Ректор помолчал, встряхнул своей гривой седых волос. — Зайди вы ко мне потолковать по душам, возможно, не было бы и сегодняшнего совета. Скажите, Ася Давыдовна, а тело... чье?

— Позавчера, — сухо и официально ответила Барботько, — на строительстве спортивного комплекса произошел несчастный случай.

— Кто она?

— Сварщица. Почти одних лет с Бельской, чуть моложе, но подходит по всем показателям. Вообще-то довольно известная сварщица, о ней как-то писали в областной газете: Верещагина Клавдия Семеновна.

— Благодарю за информацию. Она, что, так же хороша, как и наша покойная Софья Николаевна?

— Увы, нет... к сожалению.

— Так я и полагал.

— У нас не было выбора. Вы же знаете — мозг не выдерживает длительной консервации.

Теперь многие заметили волнение ректора.

— Ваш самый непростительный просчет, Ася Давыдовна, в пренебрежении законами диалектики, — Вадим Сергеевич поглаживал край стола, давая себе возможность собраться с мыслями. — Медицина может многое. Но что она для нас без диалектики? Вы полагаете, что даете вторую жизнь Софье Николаевне. Но так ли это в действительности?

— Как?! — поразилась Ася. — Вы считаете иначе?

— Позвольте, позвольте, — забеспокоился Гликин, — да разве же личность не определяется тем, что заключено в сей коробочке?

И он суставом пальца постучал по собственному лбу.

— Личность, созданная природой, — да, — снисходительная улыбка тронула побледневшие губы ректора, — но не личность, созданная скальпелем хирурга. Пусть даже очень талантливого хирурга, — Вадим Сергеевич снова перевел глаза на Асю. — Я уже не говорю о том, что воскресни Софья Николаевна именно Софьей Николаевной, она бы не очень-то обрадовалась своей новой внешности. Мы-то помним ее отменной красавицей. Вы, Ася Давыдовна, не подумали о том, что мозг Бельской непременно вступит в конфликт (он не может не вступить!) с телом... телом этой...

— Верещагиной... — машинально подсказала Ася, с тревогой ловя каждое слово ректора. Она-то знала, чего стоит мнение этого маститого ученого.

— Мозг и тело... — Вадим Сергеевич глядел поверх головы Аси, словно разговаривая уже с самим собой. Но Ася знала, чувствовала, что он говорит сейчас для нее одной. — Единство и борьба противоположностей — помните? Отторжения не произойдет, пусть так. Но... — ректор перестал поглаживать край стола и принялся изучать собственные пальцы, — но мозг Бельской примется перестраивать всю функциональную деятельность тела Верещагиной, менять его формы, пропорции, походку, темп движений... даже естественные отправления. Однако и тело Верещагиной не останется пассивным исполнителем команд чужого мозга — оно станет упрямо отзываться лишь на привычный код сигналов, всеми силами принуждая мозг менять свой «голос», — Вадим Сергеевич рассерженно мотнул головой. — В конечном счете мозг и тело поладят друг с другом, только... только единство это будет достигнуто переходом организма в иное качественное состояние. Исчезнет Бельская, такая близкая и понятная нам. Исчезнет Верещагина, известная и уважаемая в городе работница. Появится... гомункулус. Гомункулус, Ася Давыдовна, и ничего тут, голубушка, не поделаешь.

Теперь ректор остро взглянул прямо в глаза Аси, и она, не выдержав его взгляда, опустила глаза. Она вдруг и совершенно отчетливо поняла, почему колебалась Бельская, не решаясь на пересадку. Если бы это знать заранее...

— Позволю себе закончить свою мысль, — ректор колебался: продолжать бить поверженного противника или дать ему оправиться и глубже вникнуть в содеянное, познать всю глубину падения. Но, нет, Вадим Сергеевич уже не

мог остановиться. — Самое ужасное, Ася Давыдовна, будет в дальнейшем. Бельская (я называю это имя условно), возвратившись на кафедру, испытает необъяснимое равнодушие к своей исследовательской работе. Попытается продолжать (допустим и такое) и убедится в своей полной никчемности. Ее пальцы станут пальцами Верещагиной, никогда не бравшими в руки скальпель. Возможно, ее вдруг потянет к физическому труду, на стройку. Но какой же из Бельской сварщик? Так что ни Бельской, ни Верещагиной больше не существует. Останется ГОМУНКУЛУС, раздражаемый противоречивыми желаниями.

— Вы упустили самое главное, Вадим Сергеевич, — вмешалась Кетова, швыряя на стол окончательно истерзанную да так и не распечатанную пачку сигарет, — вы ничего не сказали о взаимоотношениях этого гомункулуса с близкими людьми. Какая из двух семей станет семьей этого несчастного существа? Какой муж будет ее мужем? А дети? А ведь и у Бельской и у Верещагиной еще живы отец и мать, я узнавала.

И снова тишина, тугая, точно огромный ком резины. Тишина, в которой умудренные жизненным опытом люди осмысливали все сказанное ректором, пытались примерить к себе ту небывалую и никому еще неизвестную трагедию раздвоения личности.

Тишину нарушил негромкий голос ректора.

— Что вы можете возразить, Ася Давыдовна? — спросил он.

Ася пожала плечами — возразить ей было нечего, хотя мозг ее упрямо искал возражения.

— Что ж, давайте принимать решение, — обратился Вадим Сергеевич к членам совета. — Событие, свидетелями которого мы стали, наверняка приобретет самую широкую огласку. И от нас, товарищей Барботько, прежде всего потребуют принципиальной оценки ее поступка. Мы ведь не просто ученые, мы — советские ученые, коммунисты. С этих позиций нам и следует отнестись к выпавшей на нашу долю ответственности... Кто имеет слово?

Первой была Кетова. Прежде чем заговорить, она снова принялась терзать пачку с сигаретами. Из уголков коробки посыпались на стол крошки табака.

— Считаю, — Кетова брезгливо покосилась на Асю, — что Барботько не имеет более ни морального, ни юридического права продолжать исследовательскую работу. А тем более заниматься преподавательской деятельностью. Коро-

че говоря, — в глазах Кетовой был лед, — я предлагаю ходатайствовать перед ВАКом о лишении Барботько ученого звания и степени.

Кто-то уточнил ее словами ректора:

— Звания советского ученого.

Ректор начал персональный опрос: «Профессор Охрин?», «профессор Легачева?», «доцент Смолич?»... Одни безоговорочно присоединялись к Кетовой, другие пытались как-то смягчить решение, ссылаясь на молодость Барботько, на ее неопытность, предлагали отстранить от исследовательской работы, но позволить продолжать педагогическую и врачебную — все-таки Барботько приобрела известность как хирург.

На старике Персидском произошла заминка. Персидский гаркнул «Нет!», и, нахохлившись, решительно отказался привести мотивы отказа.

Последним был Гликин. Устремив глаза в потолок и барабанив пальцами по губам, сложенным трубочкой, он не сразу отозвался на вопрос ректора.

— А не спешим ли мы? — усомнился он. — Коли уж заговорили языком диалектики, отчего бы и не поразмыслить. При такой-то суете можно споткнуться на самом очевидном и расквасить себе нос. Все взяли на себя роль прокуроров. А кто же защитник?

И он всем телом повернулся к Асе, испытующе глядя в ее лицо. Ася встрепелась. В словах Гликина вдруг вспыхнуло яркое пятнышко света, в котором замаячило нечто такое, что ускользало от всех, здесь сидящих. Даже от Вадима Сергеевича. Ася словно вдохнула солидную порцию нашатырного спирта. И все в ней разом возмутилось против самой возможности сложить оружие. Здесь, в этой комнате, решалась не просто ее судьба ученого, но и правомерность решения проблемы. Ей предстояло одним ударом разрубить гордиев узел, ибо времени на раздумье не осталось.

Но как? Как?

— Насколько я понял, — резюмировал Вадим Сергеевич, — профессор Гликин воздерживается. Странная позиция, на мой взгляд. Ну что ж, прошу выслушать проект решения.

И тогда, опережая проректора, поднялась Ася.

— Вадим Сергеевич, — она предостерегающе подняла руку, — разрешите прежде небольшую справку.

— Она, что, имеет какое-то значение? — нахмурился ректор.

— Безусловно!

— Даже так? Любопытно... Говорите, Ася Давыдовна.

— Видите ли, — Ася поежилась, увидев, с какой надеждой смотрит на нее старик Персидский, — видите ли... я... все мои друзья знали, как совет отреагирует на наш эксперимент. Нет, нет, я не собираюсь оправдываться! — предупредила она нетерпеливый жест Вадима Сергеевича. — Просто, прежде чем пойти на совет, я распорядилась обессточить все жизнеобеспечивающие установки, — Ася сделала многозначительную паузу, краешком глаза уловила, как понимающе заблестели глаза Аркаши. — С вашего позволения, эксперимент с созданием гомункулуса закончен летально. Уродливого существа, скроенного по методу уэллсовского Моро, как изволил сравнить наш уважаемый Вадим Сергеевич, не существует.

Ах, опять эта многозначительная томительная тишина! А как вытянулось лицо Персидского, как медленно выпрямилась Кетова, как застыл Гликин с губами, сложенными трубочкой! Ася села, поправив брюки на коленях. Рядом с нею чуть слышно, но облегченно и восторженно вздохнул аспирант Аркаша...

Ее попросили уточнить: «Вы что, сняли давление в барокамере?», «Как?! Вы прекратили подачу крови?», «А биостимуляторы? Надеюсь их-то вы не выключили?»

— Да они попросту убили ее! — развела руками Кетова.

— Я окончательно отказываюсь понимать вас, Ася Давыдовна, — в явном замешательстве пробормотал Вадим Сергеевич. — Вы что, действительно сделали это?

— Мы вот что сделали, — вместо Аси отозвался аспирант Аркаша и большим пальцем руки принялся нажимать воображаемые кнопки на пульте, — все красненькие. А затем вот, — он извлек из кармана брюк длинный ключ с двойной замысловатой бородкой и повертел им, закрывая воображаемый замок двери, — на всякий случай, знаете ли, чтобы кто-нибудь из нашей братии не передумал да не включил снова. А разве мы сделали неправильно, товарищ ректор?

Аркашу довольно вежливо осадили, попросив не забываться и помнить, где он находится. Аркаша, соглашаясь,

вежливо наклонил голову, прижал руку к сердцу, чем окончательно восстановил против себя членов совета.

— Чудовищная непоследовательность!! — загремел Персидский. — Я готов был возвести вас на пьедестал, черт вас дери, а вы, оказывается, мелкая душонка!

Его бас потонул в шуме голосов. На этот раз привычная выдержка изменила членам совета. Остановить человеческое сердце, сознательно оборвать человеческую жизнь! Вот уж подлинное неприкрытое варварство, измена святой святым медицины, ее незыблемым принципам гуманности.

Кетова, кривя губы в презрительной улыбке, обронила: — Вы — чудовище, Барботько. Вы — врач-убийца!

Ася встала, терпеливо пережидая, пока сможет говорить.

— Уважаемые члены совета, — произнесла она своим ровным бесцветным голосом, — извините меня, но только никаким высшим принципам медицины я не изменяла. Просто мозг одной умершей женщины мы пересадили в мертвое тело другой женщины. А с каких это пор стала возбраняться работа над трупами?

Гликин сочувствующе покосился на ректора. «Не хотел бы я сейчас оказаться на вашем месте...» — сказали его глаза. И он не ошибся — у Вадима Сергеевича появилось ощущение, будто он проделал длительную, изнурительную и, как оказалось, никому не нужную работу. Все разом перепуталось, перемешалось. Ректор словно впервые увидел Барботько, начал догадываться, какой самоотверженный, умный и сильный прстивник скрывается под внешней флегматичной личиной этой молодой женщины. Нет, он не ошибся, назвав ее некогда талантливой. Справиться с нею будет делом далеко не простым.

В кабинете теперь по-настоящему разгорались страсти. Вот когда на Асю обрушился подлинный шквал гнева! Ее не желали слушать, швыряли ей в лицо такое, чего в другое время не позволили бы себе произнести. А над всей какофонией выкриков властвовал бас Персидского.

Старика словно подменили. Обманутый в каких-то своих ожиданиях, он стал похож на злобного взъерошенного зверька.

— Мерзкая отступница! — он изобличающе тыкал скрюченным пальцем в сторону Аси. — Побоялась нас, старых индюков. — Он брызгал слюной, заставив поморщиться и отстраниться Кетову. — Вы — нуль! Вы инородное те-

ло в медицине. Теперь-то вам доподлинно нет места в науке. Гнать! В шею!

Кто-то со смешком произнес:

— Герострат... Герострат XX века.

Гликин поморщился, оценивая это определение. Потом уточнил:

— Чего там Герострат. Форменный каннибал.

И тем самым обесцветил такую казалось бы хлесткую реплику. Более того—после этого замечания Гликина шквал выкриков сразу стал утихать.

— Вадим Сергеевич, — обратилась тогда к ректору Кетова, — мы напрасно тут рвем себе нервы. Поступок Барботько может теперь быть передан в органы прокуратуры. Налицо самое настоящее убийство, любой из нас может засвидетельствовать это.

— Правильно! — поддержал ее неистовствующий Персидский. — Судить! За решетку! Но прежде гнать из науки. В шею! К чертовой матери!

— Адам Феоктистович! — укоризненно покачал головой ректор, — утихомирьтесь, пожалуйста. Вы же на учебном совете.

Затем он взглянул на Асю.

— Знаете, Ася Давыдовна, — сказал он, — я еще мог понять вас как ученого, когда вы воскрешали человеческую жизнь, пусть уродливую, противопоказанную нормам этики, но... все-таки жизнь. Но обрывать ее, гасить собственными руками... Как хотите, а это действительно преступление.

— И мне не место в науке?

— Безусловно! Я не задумываясь поставлю свою подпись под ходатайством о лишении вас ученого звания.

Ася покаянно наклонила голову, и только Гликин успел заметить шальные огоньки в ее глазах.

— Уважаемый Вадим Сергеевич, — вздохнула она огорченно, — но ведь вы только что собирались изгнать меня из науки за попытку создать эту уродливую жизнь. Битых два часа вы, все сидящие здесь, внушали мне, что я не имела ни морального, ни юридического права превращать мертвое в живое. Когда же выяснилось, что мертвое осталось мертвым, то есть таким, каким вы желали его видеть, вы навешиваете на меня ярлык уголовного преступника. Да какой же советский суд согласится с таким, мягко говоря, логическим противоречием?

Да, будучи сам большим ученым, ректор сразу уловил,

как весь ход ученого совета с разгона, можно сказать, влетел в тупик. Теперь он с интересом и уважением приглядывался к Барботько. По глазам членов совета он видел, что далеко не он один оказался в затруднительном положении.

И ректор сделал еще один ход, пытаясь выбить оружие из рук своего достойного противника.

— Давайте прежде всего разберемся с логическими противоречиями в ваших собственных поступках, Ася Давыдовна, — сказал он. — Вы с этакой легкостью совершили пересадку и достигли своей цели. А затем с неменьшей бездумностью остановили сердце, которое сами же заставили биться. Стало быть, у вас вообще не было никакой цели. Во имя же чего вы занимались воскрешением человека?

— Гомункулуса, — поправил его Аркаша.

— Что? — смешался ректор.

— Воскрешением гомункулуса, — выразительно глядя в глаза ректору, повторил Аркаша. — С вашего позволения это не одно и то же.

«Фанатики! — с уважением подумал Вадим Сергеевич. — Фанатичная вера в свою правоту. Откуда она у них, еще желторотиков?»

— Товарищи, дорогие! — взмолилась Ася, прижимая руки к груди, — раз уж вы меня так осуждаете, дайте же мне в таком случае исправить свою ошибку и устранить логические противоречия своих поступков. Экспериментатор имеет право на ошибку. Разве каждому из вас не приходилось переживать горечь неудачи? Я знаю, что даже Вадиму Сергеевичу приходилось менять свои убеждения. Помните, Вадим Сергеевич, вы рассказывали нам, первокурсникам?

— И каким же образом вы мыслите исправление своего промаха? — не скрывая своего смущения и любопытства, поинтересовался ректор.

— Элементарно, Вадим Сергеевич, — Ася встала, покосилась на великолепные электронные часы, украшавшие стену напротив Гарвея. — Если совет разрешит... у нас еще есть время возвратиться в операционную, включить установки и восстановить процесс жизнедеятельности.

— В самом деле! — Гликин так оглушительно хлопнул ладонью по столу, что заставил вздрогнуть Кетову. — Все же очень просто, Вадим Сергеевич, а? Не превращаться же нам в соучастников убийства. Ну, если и не убийства, —

поспешил поправиться он, — то что-то в этом роде. Да гоните же вы ее в шею, Вадим Сергеевич! Гоните, пока не поздно!

— Я полностью солидарен с Гликиным, — громыхнул Персидский, посмотрел на часы на стене, и все невольно последовали за его взглядом.

— Так что же вы сидите? — закричал Гликин на Асю. — Идите же, черт побери, к вашему гомункулусу и пусть всем нам будет лихо!

Ася вопросительно посмотрела на ректора, с удивлением заметила ободряющую улыбку в его глазах.

— Идите, — коротко произнес Вадим Сергеевич. — Идите...

Члены совета еще некоторое время взирали на закрывшиеся за Асей и ее единомышленником двери. Их привел в себя смех, сухое старческое клохтанье. Профессор Персидский, откинувшись на спинку стула и потирая свои сухонькие ладошки, подрагивал всем телом.

— Адам Феоктистович, — поморщился ректор, — что с вами?

— Ах, Вадим Сергеевич, голубчик! — простонал Персидский, — да неужели вы не догадываетесь, что никаких установок эти бестии и не думали выключать? Не собиравшись — голову даю на отсечение!

— Вы считаете, Барботько дурачила нас? — потемнел Вадим Сергеевич.

— Отнюдь, отнюдь! — Персидский живо вскочил на ноги и протестующе замахал кулачком. — Барботько здесь, в этом кабинете, показала, чего стоит ее поколение. Нашей же диалектикой да нас по носу! Разве не так? — старик победоносно оглядел сидевших вокруг. — А ведь я когда-то на экзамене по онкологии ей трояк вlepил. Каково, а? Да еще изволил мораль прочесть: так, мол, и так, толкового врача из вас не получится. Старый близорукий индюк! Не сумел разглядеть ростки подлинного исследователя, нашего советского исследователя, черт подери! Ну, да ладно, то прошлое... А ныне, коллеги, я безмерно счастлив: ведь Барботько в какой-то мере и моя ученица. Разве не мы втолковываем нашим студентам необходимость дерзания, самозабвенного служения науке? Чего же мы все так перепугались? Это же плоды наших поучений. Разве не так? Ась? — Персидский приложил ладонь к уху, чтобы лучше слышать ответ, но в кабинете царила тишина. —

Так идут в науку они, — Персидский простер руку в сторону закрывшихся дверей, — наши продолжатели. Мы шли иначе, и это пора понять.

— Но гомункулысы, — сказала Кетова, — разве вас не пугает появление этих моральных недочеловеков? Что, если они станут гнойной язвой на здоровом теле нашего общества?

— А на основании какого опыта возникают у вас подобные сомнения? — вскинулся Персидский. — Я осмелюсь утверждать, что синтез мозга и тела может дать как раз обратный результат — появление более совершенного и во всех отношениях одаренного человека. А самое главное — это борьба за жизнь. Жизнь — черт побери! Разве не ради нее существует медицина?

— Никто с вами и не спорит, — сухо заметил Вадим Сергеевич. — Важно теперь правильно сформулировать решение совета. И я думаю, это должно быть решение в защиту проблемы пересадки человеческого мозга, в защиту нашей Барботько. Или кто-то теперь думает иначе?

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Выхваченный из темноты ночи лучами автомобильных фар, старый, сложенный из серого уральского камня, двухэтажный дом медленно оседал. Стены его, внезапно потерявшие прочность, перекашивались, вспучивались в стороны. Оконные переплеты сжимались, из них со звоном вылетали лопнувшие стекла. Попад в полосу света, осколки стекла вспыхивали яркими разноцветными блестками.

Одиноким в ночи и казавшийся потому ослепительно белым, дом походил на сказочный замок, который вдруг подвергся нашествию колдовских разрушительных сил. Дом пытался выстоять, он изнемогал в борьбе. Но нет, разрушающее начало медленно, но верно одолевало.

Вероятно, подобная аналогия пришла на ум и тем, кто находился здесь, перед гибнущим домом. С самого начала эксперимента никто из них не проронил ни слова.

Главный инженер строительно-монтажного управления Лев Кириллович Горелик стоял на краю полосы света и, хотя был тучен и ростом невелик, тень от него дотянулась до стен дома. Его крупную лысую голову прикрывала кепчонка-блин. Он широко расставил ноги в кирзовых сапогах и засунул руки в карманы брезентовой куртки.

Рядом с ним, но уже в тени, переступал с ноги на ногу весельчак Байдин, прораб нулевого цикла, ростом на голову выше, а годами вдвое моложе. Сдвинув набекрень свою короткополую шляпу, он, как и Горелик, онемел от представшего его глазам необычайного зрелища.

По другую сторону полосы света, подле аппарата — высокого ящика-тумбочки, над верхней панелью которого минометным стволом смотрела в сторону дома широкая труба, находились еще трое: кандидат математических наук Зенцова, женщина лет тридцати пяти, и ее два помощника, студенты четвертого курса электротехнического факультета. Зенцова в брюках, в темном халате стояла, руки ее сжимали рукоятки на конце трубы, как руки пулеметчика сжимают рукоятки «максима». Из трубы, не касаясь ее

стенок, сантиметров на десять выступало сопло и выбрасывало тонкую, в палец толщиной, струю воды. Прямая, как натянутая струна, сверкающая зеркальными бликами, струя била в стены дома, совершая ту удивительную работу разрушения, за которой с таким напряжением следили Горелик и Байдин.

Ни одна капля воды не отражалась от камня, словно это был не камень, а жадно поглощавшая воду губка. Впрочем, вода поглощалась не только камнем, но и всем, что она встречала на своем пути: деревом, железом, штукатуркой, стеклом, и все это мгновенно обращалось в тестообразную массу, медленно сползающую на землю.

Женщина управляла полетом струи, захватывая стены от края до края. Ее помощники-студенты, присев на корточки, следили за показаниями приборов на двух маленьких пультах, расположенных по обе стороны ящика. Иногда они подкручивали лимбы настройки.

Вскоре с домом было покончено. Не встречая более препятствий, лучи автомобильных фар устремились в открытое пространство, вдоль размятой колесами самосвалов улицы. Но улица была мертва. Лишь кое-где на ней виднелись полуразбитые стены одно- и двухэтажных домов. Улица умерла, чтобы превратиться в строительную площадку.

Горелик, а за ним и Байдин приблизились к серой застывающей массе. К ним присоединились Зенцова со своими помощниками.

— Ну и ну! — восторженно выдохнул Байдин. — Такой домище и как корова языком слизнула. Да нам бы его на три-четыре смены хватило.

— Разрешите поздравить вас, Антониды Дмитриевны, — голос Горелика звучал официально, но дружелюбно. — Я знал, что увижу, и тем не менее потрясен, честно признаюсь...

Несколько минут все пятеро молчали, глядя на то, что осталось от дома — серую, разлившуюся у их ног массу. Байдин нагнулся, чтобы потрогать ее пальцем, но один из студентов схватил его за руку, зловеще прошептал:

— Жить надоело?

— Байдин, — распорядился Горелик, — помоги ребятам погрузить аппарат в «газик», пока мы тут еще потолкуем.

Горелик и Зенцова остались вдвоем.

Зенцова вдруг коротко рассмеялась.

— Да знаете, вспомнила, как вы смотрели на меня, ко-

гда я пришла к вам впервые со своей идеей. За маньяка приняли, признайтесь.

Горелик утвердительно мотнул своей большой головой.

— Не скрываю, было такое, глубокоуважаемая Антонида Дмитриевна. Теперь же отдаю должное вашей настырности. Сколько раз я выставлял вас из своего кабинета?

— Четыре, Лев Кириллович.

— Гордитесь! Такой чести удостоивались весьма немногие.

Теперь засмеялись оба, дружелюбно поглядывая друг на друга. А Горелик, глядя на женщину, уже в который раз задавался вопросом: где он уже встречал ее много лет тому назад, задолго до того, как она появилась в его кабинете? Но где и при каких обстоятельствах, так и не мог припомнить.

— Что здесь будет строиться? — поинтересовалась Зенцова.

— Вот на этом месте, — Горелик указал на серый тестообразный наплыв, — мы завтра начнем класть фундамент под Дворец культуры швейников. А вон там, — он указал рукой в сторону останков улицы, — там расположатся корпуса швейного комбината, самого крупного на Урале. И с помощью вашей изотопной воды мы существенно сократим так называемый нулевой цикл строительства. Весьма существенно! Позвольте еще раз от всего сердца поблагодарить вас, Антонида Дмитриевна.

И Горелик, церемонно, по-старинному склонившись, поцеловал руку молодой женщине. Темнота скрыла густой румянец, заливший щеки Антониды Дмитриевны.

* * *

Впервые Антонида Дмитриевна вышла из дома с таким легким и радостным ощущением. Все минувшие годы ее успехи растворялись в потоке последующих поражений. Неудачи преследовали ее и в личной жизни, и в исследовательской работе. Ее идея возможности перевода обыкновенной воды в изотопное состояние с феноменальной растворяющей способностью долгое время всерьез никем не воспринималась.

Обыкновенная вода!

Что могла она, ассистент кафедры математики, добавить к тому, что уже было известно о воде в мире науки?

Вода не просто аш два о? Старо, как мир. Теперь и школьник знал, что изотопы водорода и кислорода способны образовать сорок два возможных сочетания, и каждое со своими специфическими свойствами.

Вода — универсальный растворитель?

И это не ново. Да, в воде практически растворяются все известные науке вещества, — одни за доли секунды, а для растворения других нужны годы и даже века.

Антонида Дмитриевна уже и сама не помнила, когда ей втемяшилась навязчивая мысль отыскать среди сорока двух возможных сочетаний то единственное, которое будет не просто растворять все, но растворять с одинаковой феноменальной скоростью.

Способностями Тоня Зенцова похвастать не могла, на физмат поступила лишь после второго захода. Училась трудно. Надежды остаться при кафедре физики, где можно было бы экспериментировать с водой, не оправдались. После окончания университета она преподавала математику в средней школе. Спустя четыре года повезло — прошла по конкурсу на должность ассистента в политехнический институт.

Одного в ней было хоть отбавляй — упрямства. Она и на кафедре математики занималась поисками своей прозрачной воды, благо в ее распоряжении находилось изрядное разнообразие ЭВМ. А сколько бумаги она изводила! Сколько времени отнимала от сна, продираясь сквозь джунгли ультрасовременных понятий квантовой механики! Считала снова и снова, составляла одно уравнение хлеще другого.

А годы шли. Антонида Зенцова постепенно превращалась из миловидной мягкосердечной девушки в волевою, рассудительную женщину. Провалив защиту кандидатской диссертации, она долго и упрямо добивалась права на повторную защиту.

И доказала-таки принципиальную теоретическую возможность перевода обыкновенной воды в изотопное сверхрастворяющее состояние. Пришла пора создавать действующую установку. Но какую установку! — с использованием криогенных генераторов, сверхплотных магнитных полей, сверхпроводимости... А она-то и обыкновенным паяльником никогда в жизни не пользовалась, к осциллографу не знала с какой стороны подойти.

Ученый совет ее заявку посчитал несерьезной и в план исследовательских работ не включил. Это значило, что она

не получит ни копейки и может не рассчитывать на рабочие площади...

После мучительных раздумий Зенцова не нашла ничего лучшего, как обратиться за содействием в... строительно-монтажное управление! Ее намерение вызвало веселое оживление на кафедре. И декан, и проректор, к которым она обратилась за рекомендательным письмом, со всей возможной тактичностью пояснили ей, почему не могут подписаться под таким документом: ее затея равносильна предложению заводу комбайнов внести свою лепту в изготовление скрипок.

Тогда Антонида Дмитриевна на свой страх и риск отправилась к инженеру управления. Тот, нетерпеливо выслушав ее (его ждали дела!), не выбирая мягких выражений, указал на дверь.

И только когда она принесла чертежи установки (выполненные ею не очень качественно, без всякого соблюдения стандартов), когда положила перед ним на стол экономические расчеты, этот грубиян и сухарь, вдруг ни слова не говоря, не урезая ни одного рубля из довольно приличной запрашиваемой ею суммы, размашисто подписался на проекте договора, Антонида Дмитриевна, конечно, знала — не из своего кармана будет оплачивать главный инженер расходы на исследования, есть в управлении особая статья расходов на заключение договоров с разными НИИ. Но знала она и другое — у строительной организации куча других, более насущных проблем, нежели ее гипотетическая изотопная вода. Горелик же предпочел Зенцову.

Более того, сам переговорил с ректором института, и Зенцовой выделили в институте не большую, не очень удобную, но отданную в ее полное распоряжение комнатушку. В дальнейшем каждая ее заявка на получение материалов, инструментов, аппаратуры удовлетворялась немедленно, стоило только получить визу Горелика.

Подсознательное чувство нашептывало Антониде Дмитриевне, что этот человек, живущий прозаическими потребностями сегодняшнего дня стройки, не ради собственной прихоти снизошел на такие милости. Похоже, он угадывал в ее изотопной воде такие возможности, о которых она и в мечтах своих не помышляла.

Единственное, что постоянно угнетало Антониду Дмитриевну, так это грубость и невыдержанность главного инженера. Как человек он стал ей неприятен с первых же минут общения. Она по возможности избегала его. А в ду-

ше испытывала несказанную признательность — подобно могучему грейдеру, Горелик раздвигал перед Зенцовой все препятствия, которые ей в одиночку с ее уступчивой и сговорчивой натурой никогда бы преодолеть не удалось.

Получив в свое распоряжение расходную статью, Зенцова смогла сколотить маленький штат исследователей, пригласив в качестве совместителей научных сотрудников с кафедры низких температур и с кафедры электроники.

За все время, пока создавалась установка, Горелик ни разу не заглянул в лабораторию, ни разу не потребовал от Зенцовой отчета. И только при встрече сквозь сильные стекла очков на нее пристально поглядывали по-детски светлые голубые глаза.

И вот испытание установки прошло более чем успешно. Оно на взгляд Антонида Дмитриевны превзошло все ее самые смелые ожидания. У нее прямо-таки дух захватывало, все в ней пело, и как она ни старалась оставаться внешне невозмутимой, улыбалась и встречным, и своим мыслям, и своему отражению в зеркале. Не будучи тщеславной, она все-таки подумывала и о той известности, которую принесет ей изотопная вода.

Итак, все шло самым наилучшим образом.

* * *

Придя на кафедру, Антонида Дмитриевна тотчас села к телефону, чтобы позвонить Горелику, как они вчера условились.

Вместо Горелика ответила его секретарша.

— Льва Кирилловича срочно вызвали на строительную площадку, — сказала секретарша, — туда, где вы вчера проводили с ним испытания.

— Что-нибудь случилось? — насторожилась Антонида Дмитриевна.

— Похоже на то. Во всяком случае, Лев Кириллович прямо рвал и метал, вас поминал недобрым словом.

Антонида Дмитриевна попросила заменить ее на лекции, вызвала такси и отправилась на строительную площадку. Там вокруг серого наплыва, похожего при дневном свете на разлитый и застывший бетон, стояли самосвалы, ковшовый экскаватор, два грейдера и клин-баба. На самом наплыве отчаянно галдели строители, человек восемь или десять во главе с Гореликом и Байдиным.

— Явилась не запылилась, — зло приветствовал ее главный инженер. — Радуйтесь на свою работу.

Он потопал сапогом по поверхности наплыва, и подкова его каблука зазвякала, будто била по металлу. Прораб нулевого цикла Байдин, часто моргая белесыми ресницами, пояснил:

— Камешек образовался, Антонида Дмитриевна, ой-ой! Ни грейдер, ни ковш, ни даже клин-баба не берут. А нам же котлованчик рыть нужно. Без котлованчика, ну никак нельзя.

Горелик собрался что-то добавить к словам Байдина, но бешенство его было так велико, что он только остервенело разрубил воздух кулаком и, повернувшись спиной, пошел прочь.

Антонида Дмитриевна внутренне похолодела. Не обладая достаточным опытом исследователя, особенно в такой нетронутой области, она слишком поспешила. Следовало пригласить химиков, проанализировать свойства осадка, а не выходить сразу на строительную площадку. Но ей так не терпелось предъявить Горелику обещанную сверхэкономию.

Присев, она провела ладонью по шероховатой поверхности наплыва. Да, под нею лежал монолит, довольно приличная глыба, о размерах и прочности которой она могла только догадываться. Где уж тут было справиться грейдеру или экскаватору...

«Думай! — приказала себе Зенцова. — Думай, дуреха, не губи всю свою работу. Должен же быть какой-то выход». Вот чего не умела Антонида Зенцова, так это находить молниеносные решения.

— Товарищ ученый, — присев рядом с ней на корточки, зашептал Коля Байдин, — а что, если всю эту штуковину еще раз полить вашей волшебной водичкой?

«Вторичное растворение! — эхом отозвалось в голове Антонида Дмитриевны. — Как же, тютя, ты сама не сообразила?»

— Попробуем, — согласилась она вслух. — Вы умница, Коля!

— А то! — подмигнул ей Байдин. — Со мной не пропадете. Сейчас, мигом!

Он нагнал Горелика, начал ему что-то доказывать, отчаянно жестикулируя. Видимо, получив согласие, замахал Антониде Дмитриевне, приглашая ее в «газик».

Через час аппарат уже снова был на строительной площадке. Часто моргающий и улыбающийся Байдин быстро и точно выполнил указания Зенцовой: расставил бригаду

И намеки ей по дороге, что в ее ученых забавах мы более нужды не испытываем. Лучше в цирке Кио посмотрим. Ну, чего топчешься? Ну?!

* * *

К таким бессонным ночам ей было не привыкать. Закрывшись в комнате, она выключила свет и, забравшись с головой под одеяло, съежилась в комочек. Прежде исходила слезами до того, что вся подушка становилась мокрой. С годами сердце оделось в панцирь, глаза оставались сухими, а чисто женское отчаяние сменилось холодным и рассудочным самобичеванием. В своих поражениях Антонида Дмитриевна винила себя одну, свою никчемность, свою бесталанность, беспомощность. Низводила себя до полного ничтожества, испытывая безмерное презрение к своей серенькой натуре. Шептала: «Так тебе и надо! Мало, мало еще тебе!»

К утру все это перекипало. Отчаяние и беспомощность постепенно отступали перед более властным — перед неистовым желанием добиться своего, понять причину неудачи, во что бы то ни стало решить хотя бы частицу проблемы.

После каждой подобной ночи Антонида Дмитриевна появлялась на кафедре с плотно сжатыми губами и распахнутыми улыбающимися серыми глазами. Оставаясь на редкость выдержанной, корректной, даже в спорах не повышала голоса. И одежда на ней была под стать ее манерам, в темно-серых тонах, отменно сшитая и ладно сидящая. В отвороты жакетки выглядывала ослепительно оранжевая кофточка, на шее поблескивала золотая цепочка с медальоном — подарок матери.

Едва освободившись от лекций, Антонида Дмитриевна захватывала свободный столик с компьютером и погружалась в бесконечные, ей одной ведомые, расчеты. Медленно, страшно медленно подвигалась она вперед, по крупницам добывала секреты возможного перевоплощения воды. Боялась одного: вдруг не хватит жизни? Жизни хватило, даже осталось наперед. К завершающему этапу Антонида Дмитриевна подошла буднично, не вдруг, дыхание от ощущения совершенного открытия нехватило. Как занозы из собственного тела, извлекала она из моря математических соотношений одну неточность за другой. Уравнения становились все краше, компактнее. И наконец вот она, вершина, — коротенькая, до обидного простая формула: два безразмерных коэффициента, три степенных величины и куби-

ческий корень. А в них вся жизнь, все чаяния и горести, бессонные ночи и работа... работа... работа до одури. Где-то в самой глубине души, спрятанная от себя самой, трепетала нескромная искорка надежды, что когда-нибудь эту формулу назовут «формулой Зенцовой»...

Антонида Дмитриевна пыталась поделиться своей находкой с товарищами по работе, но ее объяснения были столь сумбурны и бесцветны, что никто формулу изотопной воды по достоинству не воспринял.

Да, увы, возвестить о победе оказалось не так-то просто.

Единственным человеком, понявшим ее, оказался главный инженер строительно-монтажного управления, бездушный грубиян, затюканный текущими заботами о бетоне, стекле, арматуре, плитках, унитазах... И он же устроил ей такой поворот от ворот, какого еще никто не устраивал. Теперь предстояло скандальное расторжение договора, постыдное объяснение перед ученым советом института, отстранение от руководства исследовательской работой. Очевидно, встанет вопрос и о возможности дальнейшего пребывания на кафедре...

Нет, на этот раз с самобичеванием у нее определенно не получалось. Она задыхалась от гнева уже не на саму себя, а на этого Топтыгина, на этого хама, на этого... этого... У нее просто слов не хватало для исчерпывающей и уничтожающей характеристики Льва Горелика.

Боже, как она, оказывается, могла ненавидеть!

Незаметно для себя Антонида Дмитриевна задремала. Телефонный звонок пробивался в ее сознание звоном разрушенных частей экскаватора. Боковины ковша раскачивались на шарнирах и бились друг о друга, о стрелу, о трос...

И только голос матери возвратил ее к бытию.

— Разве ты не слышишь, Тоня? — мать стояла в приоткрытых дверях. — Телефон же у тебя под ухом. Звонит и звонит!

Антонида Дмитриевна, не открывая глаз и позевывая, на ощупь разыскала трубку.

— Какого черта! — загремел голос Горелика. — Битый час звоню!

— В чем дело, Лев Кириллович? — холодно и враждебно отозвалась Зенцова. — Что вам еще от меня нужно?

— Да вы что, на самом деле спали? Взрывы-то хоть слышали?

— Какие еще взрывы?

— Что за человек, черт вас поберет! — рассвирепел Горелик. — Весь город слушал, а она розовые сны смотрела. Ваш чертов камешек рвали. Я саперов из гарнизона пригласил. И могу вас поздравить — все оказалось впустую, хоть бы кусочек отвалился. Каково, а? Саперы даже взмокли от пота, ни одного шурфа не пробили, где там! Пришлось рвать просто так, сбоку, — и не давая Зенцовой вставить хотя бы слово, орал, словно с глухой разговаривал: — Прочность-то какова, прочность? А? Прочность, говорю! Взрывчатки столько извели, что хватило бы весь город на воздух поднять. Саперы уехали посрамленные. Ну, что скажете?

— От меня-то вы еще чего хотите? — зло прошипела в трубку Антонида Дмитриевна. — Чего? Скажите на милость?

— Чтобы вы немедленно одевались и ждали меня. Я сейчас заскочу за вами на машине. Потом прихватим Байдина — и в институт за вашим чудо-аппаратом.

— Вы должно быть совсем спятили, Лев Кириллович! Времени-то четыре ночи. Какой вам к лешему аппарат? И вообще у меня нет ни малейшего желания...

Но Горелик уже положил трубку.

Пока Антонида Дмитриевна размышляла над тем, как ей следует поступить, под окном уже требовательно запел автомобильный гудок. О том, что он будит весь дом, Горелик тревожился меньше всего.

* * *

— Объясните-ка мне, куда исчезла ваша изотопная вода, когда вы начали вторично поливать этот... ну, назовем его «супербетоном», что ли? — набросился Горелик на Зенцову, едва та опустилась на сидение «газика». О том, что прежде следовало бы попросить извинения за прошлую бестактность, ему, видимо, и в голову не пришло.

— Вода легко прошла сквозь намытую прежде массу, — делая над собой усилие, пояснила Антонида Дмитриевна, — своеобразная сверхпроводимость, если хотите.

— А пройдя наш монолит, воздействовала на почву под ним, — подхватил Горелик, — и тем самым только непрерывно утолщала его?

— Совершенно верно, — Антонида Дмитриевна пока ничего не понимала, но она уже достаточно хорошо знала

Горелика — тот не станет вести беспредметные разговоры. — Но вам-то от этого не легче.

— Какую предельную глубину монолита можно получить с помощью вашей изотопной воды? — Горелик почти вплотную приблизил свое лицо, на котором подпрыгивали огромные очки, к лицу Антонида Дмитриевны. — Понимаете, туда, вниз! — он потыкал пальцем в сторону пола кабины.

— Ну-у... теоретически неограниченную...

Горелик издал протяжный стон и хлопнул себя по коленям. Теперь его физиономия светилась счастьем. В стеклышках очков Зенцова увидела откровенную влюбленность. И ей вдруг пришло на ум, что она уже когда-то, давным-давно, встречалась с этим человеком. Где? При каких обстоятельствах? Этого, пожалуй, уже не вспомнить...

— Извольте объяснить, для чего вы подняли меня в такую рань с постели? — сухо потребовала Антонида Дмитриевна. — Я вам не девочка, чтобы вы могли мной командовать. И я не собираюсь ваши капризы...

— А, бросьте!

Горелик пренебрежительно отмахнулся. Затем он включил двигатель и так рванул машину с места, что Антонида Дмитриевна вцепилась в него обеими руками. Он гнал «газик», не притормаживая на поворотах, благо улицы были пусты.

Так же внезапно он затормозил.

— Минуту! — крикнул он, выскакивая из кабины и исчезая в подъезде четырнадцатизэтажного дома.

Возвратился Горелик в сопровождении Коли Байдина, заспанного, отчаянно зевавшего и так же отчаянно улыбающегося. Затем «газик» помчался к институту. Вахтер отказался впустить их в институт, и Горелик, не долго думая, тут же, из вестибюля позвонил ректору. Видно, они знали друг друга, потому что от ректора последовало разрешение на вынос аппарата.

Погрузив аппарат, они понеслись по улицам спящего города, миновали его и оказались на строительной площадке. На этот раз фары «газика» выхватили из темноты ночи забор, которым успели обнести место строительства Дворца культуры. На воротах висел замок внушительных размеров и фанерная дощечка с грозным, наверняка рукой Байдина выведенным предупреждением: «Не входить! Опасно для жизни!»

Байдин открыл ворота и, пропустив «газик», снова за-

крыл их. Антонида Дмитриевна увидела вокруг намытого ею монолита выровненную грейдером площадку. В лучах фар возникли двойные ряды колышков, которые очерчивали прямоугольник так, что в одном из углов его оказался монолит. Вдоль сторон прямоугольника были проложены рельсы и на них стояла тележка.

— Значит, так, — Горелик взял Зенцову под руку и подвел к тележке, — на этот транспорт мы с Николой водрузим ваш аппарат и начнем вас катать по контуру. Вы же станете обрабатывать водичкой грунт между колышками со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Фундамент!! — ахнула Антонида Дмитриевна. — Монолитная коробка! Да вы... вы просто умница, Лев Кириллович!

— Само собой, — самодовольно хмыкнул Горелик.

— Мадам догадлива, — весело откликнулся Байдин.

Враждебность, которую всю дорогу подогревала в себе Зенцова, мгновенно улетучилась. Подобные решения всегда вызывали в ней благоговейную зависть. Взрыв! Вспышка! Разумеется, Гореликом руководила будничная необходимость — не выйти из графика стройки, но как бы там ни было, он спас ее, Зенцову, спас ее открытие. Враждебность сменилась чувством искренней признательности. Если не сказать большего...

Горелик возвратился к машине. Вдвоем с Байдиным они поволокли аппарат к тележке.

— Осторожно, черт белобрысый! — ругался Горелик. — Куда, куда тебя заносит? Смотри, урони его у меня!

Когда аппарат установили на тележку и присоединили к нему достаточно длинный шланг от колонки, Горелик, шумно дыша, снял кепку-блин и долго вытирал ею вспотевшие шею, лицо, лысину. Сердечко-то у главного инженера было не ахти какое крепкое.

* * *

Солнце давно взошло, и стройка за забором ожила. Рыкали моторами самосвалы, ухала где-то машина, забивавшая сваи, слышался скрежет металла о металл.

До предела вымотанная, Антонида Дмитриевна забилась в уголок на заднем сидении «газика» и закрыла глаза, мечтая только об одном: уснуть! Горелик сел за руль и поздравил Байдина.

— Значит, так, — словно сквозь вату, закрывавшую уши, донесся до Зенцовой голос Горелика, — нулевой цикл

Дворца считай в кармане. Сегодня выберем грунт, а завтра начнем кладку стен. На сколько график перекрыли — чуешь?

— Еще бы, сэр! — хохотнул Байдин. — Неделькой пахнет!

— Поболе того, Байдин, поболе, не скромничай. Ну, ладно. Мы с тобой еще потолкуем. А сейчас так: мы с Антониной Дмитриевной прокатимся до института, заберем ее помощников и обратно. В нашем распоряжении еще сутки.

— Берегитесь, мадам, — Байдин изобразил на своем лице неподдельное участие, — этот человек уморит вас и глазом не моргнет.

Антонида Дмитриевна только вяло отмахнулась, а на лице ее появилась вполне счастливая улыбка.

— Сумеем ли мы до завтра довести глубину коробки до двадцати метров? — повернулся к ней Горелик. — Мне нужны двадцать метров, Антонида Дмитриевна. На первое время, конечно. Двадцать — и ни метром меньше.

Женщина окончательно открыла глаза и прямо перед собой увидела очки Горелика, а за толстыми стеклами непомерно увеличенные, окруженные светлой и чистой голубизной зрачки.

«Такое впечатление, будто мы с ним уже сто лет знакомы, — снова мелькнуло в ее голове. — Что за наваждение?»

— Послушайте, Лев Кириллович, — сказала Зенцова, — я, разумеется, мало смыслю в строительном деле, однако мне ясно, что под трехэтажный Дворец культуры вовсе не требуется фундамент двадцатиметровой глубины. Да еще такой сверхпрочности.

— Математичка, а до чего догадлива! — весело изумился Байдин.

— Ладно, ладно, — проворчал Горелик. — Смотри, чтобы выемка грунта до вечера была закончена. Не успеешь — голову сниму! И посторонних на площадку никого. Понял? А теперь открывай ворота, черт белобрый!

* * *

Пока выбирались со стройки, лавируя между попутными и встречными самосвалами, Горелик тяжело пыхтел, а иногда в такт своим мыслям покачивал головой.

— Так зачем же вам двадцатиметровая глубина коробки? — повторила свой вопрос Зенцова.

Главный инженер отозвался не сразу.

— А ведь мы с вами уже когда-то встречались, — его глаза улыбались Зенцовой в зеркале заднего вида. — И только сегодня ночью я наконец вспомнил, где и когда. Это случилось в Ярославле почти десять лет тому назад. В одном строительном НИИ перечеркнули мое творение, проект, которым я предполагал открыть новую эру в градостроительстве. Мне показалось тогда, что рухнуло все, жизнь потеряла для меня всякий смысл. Всю ночь я слонялся по улицам города. А под утро встретил одиноко бредущую молодую женщину. Заглянув в ее лицо, я убедился, что могут быть дела и похуже моих.

Зенцова грустно улыбнулась — да, именно почти десять лет тому назад в ее жизни была такая страшная ночь. Она провалила защиту кандидатской диссертации. Один из этапов борьбы за признание изотопной воды закончился жесточайшим провалом.

— Что же это был за проект, Лев Кириллович? — заинтересовалась Антонида Дмитриевна.

Ворошить прошлое было не в характере главного инженера, но тут, к собственному удивлению, он почувствовал потребность выговориться перед этой женщиной, которая становилась ему все ближе и понятней.

— Видите ли, Антонида Дмитриевна, — вздохнул Горелик, — началось-то это давным-давно. А когда именно, теперь и сам не припомню. Видимо, где-то на пороге юности, в пору внезапных откровений. Короче говоря, вошла в мою голову странная мысль: до каких пор будет расти число этажей в домах? Когда-то город был сплошь одноэтажным, и всех это устраивало. Потом люди сообразили, что два этажа под одной крышей строить куда выгоднее, чем два отдельных одноэтажных дома. Так и пошло-поехало — пять этажей... десять... двадцать... сто... А что будет завтра? Через десять, сто лет?

— Действительно, — опешила Зенцова, — мне как-то и в голову не приходило. Не могут же дома расти до бесконечности.

— То-то и оно! — Горелик удовлетворенно мотнул головой. — Теперь вы должны понимать, почему я избрал стезю строителя. Стройфак — ничего боле! А в институте, штудировав диалектический материализм, я почерпнул убежденность в своем предвидении: количество не может расти, не приводя к качественным изменениям. Я этот закон повторял про себя, как гимн.

Горелик помолчал, отдуваясь. Солнце начинало припекать и заглядывало в кабину сбоку, так что загородиться от него было нечем.

— И я утвердился в мысли: придет время, когда дальнейший рост количества этажей станет невозможен. Уже и сегодня построить небоскреб в сто этажей — проблема. Но развитие города не остановишь, как и развитие вообще. Известно ли вам, что такое урбанизация городов? Так, население Мехико скоро перевалит за тридцать пять миллионов. Тридцать пять миллионов в одном городе! Это же население приличного государства, — глаза Горелика улыбались в зеркале заднего вида. — А жить-то этим людям где? Значит, этажи все-таки должны расти, и никуда тут не денешься. Чувствуете, какое возникает противоречие? Рост невозможен, но должен продолжаться. Ох, сколько лет оно терзало меня, будь оно неладно! И только когда я стал прорабом нулевого цикла, на меня снизошло откровение. Ну, как вам это нравится?

Антонида Дмитриевна откинулась на спинку сидения, чтобы лучше видеть Горелика. Ей и верилось и не верилось. Сейчас перед ней сидел совсем другой человек — и ближе и понятней. Его слова находили странный отзвук в ее сердце. В тех прошлых терзаниях Горелика проглядывало что-то сходное с пережитым ею самой.

— Какой же выход нашли вы из этого противоречия? — спросила Антонида Дмитриевна.

— Я коммунист, Антонида Дмитриевна. Я коммунист до мозга костей своих, — голос Горелика звучал жестко и, пожалуй, торжественно. — Я безоговорочно верю в законы диалектики. И именно эта вера привела меня к разгадке качественного скачка в грядущем градостроительстве. Наступит день, когда человечество вынуждено будет отказаться от дальнейшего увеличения высотности зданий. И тогда...

— Тогда? — эхом отозвалась Зенцова и резко подалась вперед, чтобы снова увидеть в зеркале лицо Горелика.

— Тогда оно обратит свой взор туда, вниз.

Отняв правую руку от баранки, Лев Кириллович простер ее к полу кабины.

— Подземные города! — ахнула Антонида Дмитриевна. Но тут же разочарованно вздохнула: — Под землей, насколько мне известно, уже давным-давно строят...

— Строят, дорогуша, строят. Но только не города, а этажи. Я же говорю о городах под городами. Сто этажей

вверх и триста вниз. Площади, проспекты, стадионы, парки наверху. Но еще более впечатляющие площади, проспекты, стадионы и парки внизу.

— Вверху солнце...

Горелик фыркнул.

— Эка невидаль — солнце! Да внизу его будет еще больше. Даровые источники тепла будут превращены в море света. Светиться будут стены домов, улицы, купола над стадионами, набережные подземных прудов. И еще неизвестно, где будет больше комфорта, вверху или внизу.

* * *

Горелик, словно устыдившись собственной душевной слабости, умолк.

— И вы принялись за проект первого подземного города, — подсказала Антонида Дмитриевна.

— Да, представьте, — глаза Горелика встретились с ее глазами в зеркале. — Вся жизнь была в нем. Работал по ночам, в выходные, в праздники, убивал на него отпуска. Семейой обзавестись было некогда. И что бы вы думали? В том НИИ, о котором я поминал, произвели экономический расчет моих «высотных» подземных домов, и легко, как дважды два четыре, доказали полную несостоятельность проекта. Оказалось, что каждый этаж вниз обойдется во много раз дороже, чем соответствующий этаж вверх, в небо.

— Открытие эпохи не состоялось... — с горечью посочувствовала Антонида Дмитриевна.

— Да, тогда, десять лет назад, увы, не состоялось. Но я ни на один день, ни на один час не переставал ломать себе голову над решением этой чертовой проблемы. И как только не свихнулся. Крепкоголовым оказался, видно.

— И что же?

— Моя трагедия, глубокоуважаемая Антонида Дмитриевна, оказалась в том, что я собирался строить подземные города будущего по той же технологии, по которой строятся современные наземные города. Это все равно, что на автомобиль ставить тележные колеса. Мой сегодняшний навык строителя для строителя будущего станет всего лишь историей. Поверив в законы диалектики, я безбожно грешил против этих законов. Как воздвигается сегодняшнее здание? Снизу вверх! — снова отняв правую руку от бранки, Горелик потряс ею над головой. — Фундамент... пер-

вый этаж... второй... десятый... Снизу вверх! — повторил он, как заклинание. — И только вчера, проклиная созданный вами и не подвластный ни машинам, ни взрывчатке камешек, я нашел истинное решение. Если бы не вы, Антонида Дмитриевна, посланные мне самой судьбой, я бы до конца дней своих так бы и протоптался на месте.

— Я?! Вот даже как! — искренне удивилась Зенцова. — Ваши подземные города и вдруг... я. Чудно что-то, Лев Кириллович.

— Мы с вами будем строить подземные города будущего. И не снизу вверх, а наоборот — сверху вниз, — рука Горелика, энергично описав в воздухе дугу, вновь устремилась в пол кабины. — Сверху вниз — вот ключ решения проблемы. И единственную возможность для этого дает ваша изотопная вода, ее способность обращать грунт в сверхпрочное вещество. Мы поведем стены вниз, этаж за этажом, ярус за ярусом, улицу за улицей. Но... это, конечно, в будущем. А пока... — сжав губы, Горелик помолчал, — пока нам с вами предстоит не менее трудная задача: доказать вышестоящим товарищам, что нам под силу за одну ночь создать стены шести цехов швейного комбината.

— Я не совсем понимаю...

— На верхнем основании коробки мы выложим стены Дворца культуры, а вниз, этаж за этажом, упрячем швейный комбинат. Чувствуете, какую площадь сохраним для города? Вместо цехов мы разобьем на ней парк, создадим искусственный пруд, построим стадион. Но... но на все это нужно согласие сверху, нужно, чтобы нас поняли, поддерживали.

Антонида Дмитриевна зачарованно взирала на Горелика, но уже не в зеркале, а привстав и отодвинувшись к стенке кабины, чтобы можно было видеть его всего.

— Непостижимо! — вырвалось у нее. — Вы — главный инженер СМУ и вдруг... такой мечтатель.

— А что, уж главным инженерам СМУ нельзя быть и мечтателями? — с притворной обидой отозвался Лев Кириллович. — Я-то ведь думаю и о тех городах, которые нам предстоит строить на Луне, на Марсе, на спутниках Юпитера. Там наверняка придется уходить в глубину, и без вашей изотопной водички никак не обойтись.

Зенцова обессиленно откинулась на спинку сидения.

— Кто бы мог подумать, что моей изотопной воде открываются такие возможности... — выдохнула она со стоном. — Ах, если бы я могла предвидеть это хотя бы десять

лет тому назад... насколько бы легче мне было переживать поражения.

— Антонида Дмитриевна, голуба, — сказал Лев Кириллович, — да вы же сами отказались от такой возможности. Вспомните ту ночь в Ярославле. Я пытался тогда вызвать вас на откровенность. Да я и сам тогда нуждался в вашем сочувствии. Наша взаимная искренность могла бы еще десять лет назад привести к объединению наших усилий, наших замыслов. Но... увы, вы весьма недвусмысленно дали понять, что не нуждаетесь в моем обществе. Сделайте милость, припомните.

Антонида Дмитриевна коснулась кончиками пальцев плеча Горелика.

— Лев Кириллович, дорогой, — выдохнула она, — я никогда не бывала в Ярославле.

Горелик озадаченно поглядел на нее в зеркало, поправил очки.

— Вот даже как... — пробормотал он. — Вот оно что... И сокрушенно помотал своей большой головой.

Антонида Дмитриевна потерлась щекой о свое плечо. Нескрываемое огорчение на лице Горелика развеселило ее. Еще никогда она не чувствовала себя такой счастливой.

И тут им обоим пришла в голову одна и та же мысль: они показались друг другу знакомыми лишь потому, что давным-давно жаждали встречи, нуждались в ней.

Но такие мысли вслух до поры не произносятся.

ИХТИАНДР НА ЧАС

1

Над городом, еще не остывшим после вчерашней жары, взошло солнце. В лучах его вспыхнули золотом окна верхних этажей политехнического института. Проснулся ветер, зашелестел в листве подстриженных тополей, шеренгой стоявших вдоль корпуса, подхватил и погнал по асфальту старые, брошенные студентами троллейбусные билеты, завертел их, закружил, а наигравшись, принялся ощупывать окна полуподвального этажа — хорошо ли закрыты. Уже в самом конце здания под его напором вдруг поддалась створка, сначала медленно, потом стремительно распахнулась, со звоном ударила по рефлектору на штативе, стоявшему на столе и оставленному вчера здесь кем-то из лаборантов.

Опрокинувшись, штатив достал ободком рефлектора до пульта — большой вертикальной панели с множеством кнопок, тумблеров, сигнальных ламп и измерительных приборов. Ободок скользнул сверху вниз по пульта, зацепился за головку одного из тумблеров и увлек ее за собой.

Над тумблером тотчас вспыхнула красная сигнальная лампа, возвестившая о включении системы.

Его Величество СЛУЧАЙ.

Событие, вероятность которого бесконечно мала. Сколько на свете лабораторий, сколько в них окон? Везде бывает ветер и всюду может распахнуться окно. Но чтобы вот так опустить рычажок командного тумблера — сколько необходимо для этого самых невероятных совпадений

Однако вот же случается.

Раз в тысячу лет, но, увы, случается...

2

Крышка люка бесшумно скользнула вниз по направляющим пазам и с глухим стуком опустилась на гидравлические демпферы. Тотчас же сработал гидравлический за-

мок. В камере, металлической коробке длиной в шесть, шириной четыре и высотой около трех метров, стало настолько темно, что Валентин перестал различать окружающее. Полированная матрица, которую он выверял, исчезла из поля зрения. Только спустя минуту-две при слабом свете, едва проникавшем сквозь дюймовый кварцевый глазок, Валентин смог различить тусклый блеск металла.

— Э! — закричал Валентин. — Что за дурацкие шутки!

И забарабанил кулаком по крышке люка, открыть которую можно было только извне, нажав одну из кнопок на пульте. Никто не отозвался. По другую сторону стальных стен камеры царила тишина, если не считать гула заработавшей насосной установки.

Пол мелко завибрировал под ногами.

Он еще не хотел верить в нелепость происходящего. Все это походило на чью-то неумную шутку, и пошутивший, похоже, теряет чувство меры. Но когда из сопла над самым полом ударила тугая струя воды, он с ужасом начал убеждать в слепой неотвратимости событий. Час ранний, в лаборатории, кроме него, ни души. К тому же, придя в лабораторию, Валентин замкнул за собой двери на ключ.

Самовключение?

Немыслимо! Невероятно!

Между тем струя воды, прямая, отливающая сталью, била в противоположную стену с такой силой, что скоро вся камера наполнилась тончайшей водяной пылью, и эта пыль, точно росой, покрыла одежду, волосы, лицо Валентина, оптиметр, который он держал в руке.

Остановившимися глазами глядел Валентин на струю, зная, что всего сорок минут потребуется ей, чтобы заполнить камеру по самую крышу.

Но ведь в камере находился он, Валентин!

Дело принимало комический по своей сути и страшный по возможному исходу оборот. Если в течение ближайших сорока минут никто не появится в лаборатории...

Но ведь даже появившись, нужно сообразить, что в гидрокамере находится человек. Да нет, это просто дикость какая-то! Захлебнуться в воде, стать утопленником, и где — в лаборатории автоматизации сварочных работ, в самом безопасном месте политехнического института. Сюда и инспекторы по технике безопасности никогда не заглядывают.

Вода между тем закрыла пол, полилась через края туфель, отвратительно холодя ноги. От этого холода Вален-

тин содрогнулся всем телом и, теряя самообладание, забарабанил по стальной крышке люка зажатым в руке оптиметром, хрупким и чрезвычайно ценным оптическим прибором. Он опомнился только тогда, когда в руке его осталась одна рифленая пластмассовая рукоятка с острыми, ранищими ладонь обломками корпуса.

А разум все отказывался воспринимать неотвратимость происходящего. Оно походило на горячечный бред, на кошмарное сновидение. Отшвырнув ручку оптиметра, Валентин прильнул глазом к отверстию в стене, забранному кварцем. Он увидел нацеленный на него объектив газового лазера, справа едва попадало в поле зрения распахнутое окно (странно, когда он пришел, все окна были закрыты), в которое уже падали слепящие лучи солнца, слева — стена с электронными часами и стоящими вдоль нее сварочными автоматами. И двери. Наглухо закрытые. В лаборатории не было ни души.

А вода уже поднялась до уровня сопла, пытаясь накрыть породившую ее струю. И струя, встретив препятствие, непримиримо взывала, взвихрила воду, разбрасывая ее клочками пены. К ногам Валентина липли намокшие брюки, в камере становилось душно.

Конечно же никто не придет ему на помощь. В институте, кроме вахтера, дремлющего у входа в вестибюль, ни души. А вестибюль от лаборатории все равно что на другом конце Вселенной.

Впервые Валентин Звягинцев раскаялся в том, что после защиты дипломного проекта дал уговорить себя остаться на кафедре. Его ждали на заводе, где все было надежнее, безопаснее.

А во всем виноват был внезапный и прилипчивый интерес к воде...

3

Вода, вода!

Самое обыкновенное, самое распространенное вещество на Земле. И вместе с тем самое аномальное по всем своим физическим свойствам, чем ставило в тупик еще древних мыслителей. Рог изобилия, из которого и в наши дни исследователи выуживают одну проблему за другой.

Водой занимаются атомщики, биологи, медики, гидравлики... В воде скрыта загадка происхождения живого. Во-

да — основа деятельности мозга, нервной системы, каждой клетки нашего организма.

О, нет, вода не только утоляет жажду всего животного и растительного мира. Она приводит в движение турбины, превратив наш век в век электричества. В ней неиссякаемый источник энергии будущего — энергии термоядерного синтеза. На протяжении уже не одного тысячелетия вода несет на себе речные и морские суда.

Во все века вода оставалась основным рычагом технического прогресса!

Валентин и сам не мог вспомнить, с чего начался его интерес к воде. Скорее всего с тех школьных уроков по химии, на которых говорилось об ее удивительных свойствах.

Вначале интерес Валентина Звягинцева к воде не выходил за рамки обычной любознательности. Ему, будущему инженеру-сварщику, и на ум не приходила возможность общения с водой в сфере его чисто профессиональной деятельности.

И каково же было его изумление, когда он узнал, что как раз на той кафедре, которая является выпускающей по его специальности, занимаются исследованиями сварки... с помощью воды! Точнее, с помощью гидравлического удара в воде. Скачок давления, возникающий в момент удара по ее поверхности, передавался внутрь, сжимая погруженные в нее детали с такой силой, что они мгновенно приваривались друг к другу.

Вот так и случилось, что темой дипломного проекта Валентина Звягинцева стала установка для сварки с помощью гидравлического удара в воде. Разумеется, подобные конструкции уже существовали в технике. Единственное, что он делал, так это связывал свою судьбу с водой. Но если в его дипломной работе источником удара являлась обыкновенная взрывчатка, то в аспирантуре ему предложили просто захватывающую перспективную тему: использование луча лазера. Взрывчатка позволяла создавать тысячи атмосфер. Луч лазера порождал в воде миллионы!

Кафедра заключила договор с самолетным заводом на разработку ванны для ударной сварки частей крыла и фюзеляжа. И первая опытная ванна была изготовлена по чертежам Валентина Звягинцева, собрана при его участии и проходила испытания под его руководством.

Теперь он сам находился в этой ванне...

Вода, вода!

Ледяными обручами кралась она все выше уже по бедрам Валентина. Струя била где-то под ногами, неслышимая, но по-прежнему сильная, легко простреливающая всю толщу воды. Освобожденная от пены поверхность была теперь вся исчерчена водоворотами.

Напрасно Валентин, человек в общем-то веселый и словоохотливый, пытался успокоить себя комизмом своего положения, пытался внушить себе, что вся эта нелепая история закончится благополучно, что иначе она закончиться и не может. Нет, страх леденил сердце. А липкое и холодное прикосновение мокрой одежды, ползущее все выше по телу, этот страх удваивало.

Вода Творец!..

Разве Валентину не было известно, что вода и жестокий разрушитель? Вода порождает ржавчину, она поедает стенки труб, лопасти турбин и насосов. Вода — это цунами, сметающие с лица земли целые города и обращающие в пустыни прибрежные страны. Вода — это грозные штормы, похоронившие в море неисчислимое количество кораблей вместе с теми, кто на них находился.

Вода — это, наконец, ливни, тысячелетие за тысячелетием размывающие гранитные громады горных хребтов. Медленно, но верно уносят реки на дно океанов обращенные в песок материки. Вода неумолимо приближает тот день, когда Земля, превратившись в гладкий каменный шар, окажется сплошь покрытой многокилометровой толщей океана.

Быть может, именно вода заставит человечество покинуть свою родную планету...

...Все это тягостным видением промелькнуло в голове Валентина.

Вода поднялась выше пояса. Валентин потерянно бродил от стены к стене, для чего-то ощупывая ладонями их влажные и холодные поверхности. И все ждал чуда, ждал, что вот сейчас кто-нибудь появится в лаборатории, бросится к пульту, нажмет заветную кнопку.

Единственным человеком, способным в такую рань появиться в лаборатории, был лаборант Прокопий Михайло-

вич, авиационный техник-лейтенант в отставке. Ему бы сидеть дома на пенсии да возиться с внуками. Так нет, видите ли, не желает. Страдающий хроническим радикулитом, поминутно хватающийся за поясницу, Прокопий Михайлович тем не менее и минуты не оставался без дела, все что-то чистил, ремонтировал, регулировал, подтягивал, заменял...

Валентина он откровенно недолюбливал. Привыкший в авиации к чувству ответственности, Прокопий Михайлович по пятам ходил за болтливым и безалаберным аспирантом, ворча, подбирал за ним разбросанный инструмент, выключал оставленные невыключенными насосы, выговаривал за небрежное отношение к электронике. И вслух ужасался тем бедам, которые мог бы натворить Звягинцев, допусти его к обслуживанию самолета.

Опека старого лаборанта не то чтобы выводила из себя весельчака Звягинцева, но часто мешала сосредоточиться. Именно желание поработать в одиночестве, не чувствуя на себе недреманного ока Прокопия Михайловича, и заставило Валентина прийти в лабораторию пораньше.

А теперь Валентин молил судьбу, чтобы она согнала старого технаря с постели. Ведь случалось же, что так и не уснув от терзающего его радикулита, Прокопий Михайлович вместо положенных девяти часов появлялся в лаборатории в пять-шесть часов утра, потешая своей бессонницей отменного здоровья Валентина Звягинцева.

6

Вода, вода... Что же ты делаешь, вода? Ведь именно с тобой были связаны все лучшие, все самые честлюбивые помыслы Валентина. А теперь ты ползешь все выше, уже подбираешься к самому горлу...

Валентину пришлось запрокинуть голову, приподняться на носки. Из рта его рвались стоны. Еще немного, и он взвывает от разрывающего сердце отчаяния.

Вода закрыла кварцевый глазок и от темноты в узком, еще свободном пространстве между поверхностью воды и потолком камеры, Валентину стало не просто страшно. Ужас, мутящий сознание, заставил его забиться, рвануться вверх, вверх! Головой он так ударился о металл, что во рту ощутил соленый вкус крови. Он закричал, но вода попала ему в рот. Он закашлялся, хлебнул еще больше.

Это был конец.

Вместе с воздухом в легкие хлынула вода, наполняя грудь разрывающей болью...

...Придя в себя, Валентин никак не мог сообразить, где он и что с ним. Он только ощущал непосильную тяжесть в груди. Странное чувство: внутренности словно спрессовало в единый свинцовый комок, и этот комок вот-вот оборвется и своей тяжестью расплющит кишечник.

Перед глазами сначала была непроглядная тьма. Но постепенно в ней стала проглядывать зеленоватая зыбь. Слабый рассеянный свет падал откуда-то сверху.

Первое, что вспомнил Валентин, — агонию, безумное желание жить! жить! жить! И острую боль, рвущую на части носоглотку и легкие, боль, которая погасила сознание. Сейчас боли не было. Было только тягостное ощущение свинца в сердце, в легких, во всей груди. Но что все это значило в сравнении с радостью спасения, сознанием, что он снова жив.

Жив! Жив, черт возьми!

Он жив, значит, все страшное позади.

Вот только странная темнота. Почему нет солнца? Почему нет ветра, пьянящего, вливающегося в легкие воздуха? Валентин пошарил вокруг себя, убедился, что лежит на плоском металлическом полу. И тут же ощутил спиной знакомую вибрацию, — это продолжала работать насосная установка.

Значит... значит он по-прежнему в ванне?!

Опершись руками в пол, Валентин сел. И пока садился — всем телом, кожей лица, даже волосами на голове ощутил воду. Вокруг была вода. Он озадаченно поводил рукой, и рука встретила знакомое сопротивление, какое он испытывал, плавая в бассейне. Да, сомнений не оставалось: он находится в ванне, в ванне, заполненной водой! Он сидит на металлическом полу живой и целехонький.

— О, черт! — хотел выкрикнуть Валентин.

Но вместо привычных звуков изо рта его вырвался каскад пузырьков. Цепочкой, один за другим, пузырьки устремились к потолку камеры, и потрясенный Валентин замер, следя за их полетом.

Ему казалось, что он сходит с ума. Он ощупал лицо, и, конечно же, не обнаружил ничего такого, что снабжало бы его легкие воздухом. И тем не менее он дышал — иначе как объяснить, что он не чувствует признаков удушья? Однако ему не приходилось делать усилий, чтобы напол-

нять легкие воздухом. Воздух наполнял их как-то сам по себе. Валентину казалось даже, что он ощущает его животворное движение в крови, токи его под кожей, в мозгу.

Не выдержав, Валентин вскочил. Небольшого усилия ног оказалось достаточно, чтобы его тело отделилось от пола и, невесомо покачиваясь, стало медленно подниматься. Мимо проплыл кварцевый глазок, словно маленькое солнышко, ослепил на миг отвыкшие от света глаза Валентина. Вскоре головой он коснулся потолка. Боль пронзила его до самых пяток. Он осторожно ощупал израненную, избитую о металл голову, вспомнил агонию, страстное желание жить...

И вот он жив.

Жив, вопреки всем законам природы. Он принял горизонтальное положение. Сердце-свинец колотилось редкими, едва ощутимыми толчками. Казалось, оно вот-вот — и совсем остановится. Чем яснее Валентин осмысливал свое необыкновенное, совершенно противоестественное состояние, тем в большее смятение оно приводило его, путало его мысли.

7

Вода!

Вода выкинула с Валентином Звягинцевым такое, чего и в самом дурном сне не привидится. Он жил в воде не вопреки законам природы, а, наоборот, в полном соответствии с ними.

Вода охотнее любой другой жидкости поглощает кислород из окружающей среды. И чем давление среды выше, тем больше его растворяется в воде.

Клетки человеческого организма более чем на три четверти состоят из воды — обстоятельство, сделавшее барокамеру надежным союзником медиков там, где кровь перестает доставлять организму кислород в нужном количестве. Под воздействием высокого давления плазма клетки приобретает способность поглощать его непосредственно из нагнетаемого в камеру воздуха.

Но точно так же плазма клеток может поглощать кислород и из воды. Причем легче, чем из воздуха, гораздо легче! Что нужно для этого? Достаточно высокое давление. Идея дыхания в воде без помощи каких-либо технических средств давно волновала физиологов.

Однако решиться на подобный эксперимент, то есть

взять и погрузить человека в сжатую под большим давлением воду, никто не решался, слишком много было сомнений.

Случай сам пришел на помощь к исследователям. Правда, случилось это не в лаборатории физиологов, а в лаборатории автоматизации сварочного производства. Но... чего не бывает на свете! — инженеру-сварщику Звягинцеву довелось стать первым Ихтиандром XX века.

Приступ дикой неиспытанной радости захлестнул Валентина. С веселым остервенением принялся он освобождаться от одежды. Кувыркаясь, пошли на дно желтые лаковые туфли. Следом за ними медленно оседали цветастые носки. Брюки и голубая нейлоновая рубашка отказывались тонуть и Валентину пришлось их топить насильно.

Обнаженное тело обрело неожиданную гибкость, стало скользким, не испытывающим сопротивления воды. И хотя Валентин плавал весьма посредственно, тут он почувствовал себя, как рыба в воде (в полном смысле этого слова!). Сильным движением рук бросил он свое тело от одной стены к другой, и, не дав себе коснуться металла, круто изменил направление движения, скользнул под самым потолком, устремился вниз и снова вверх. Он вращался штопором, выделял пируэты, недоступные самому заядлому аквалангисту. И вопил, вопил от восторга, от сознания своего чудесного перевоплощения, выбрасывая из гортани вместо звуков фонтаны пузырьков.

Ему вдруг безумно захотелось оказаться в необозримых просторах океана, в бездонной и безграничной пучине. Он мог бы достичь любых глубин, сегодня еще скрытых от взора человека. Он смог бы мчаться и мчаться без усталости, обгоняя косяки рыб, проносясь над подводными хребтами и ущельями, проникая в таинственные лабиринты пещер...

Утомившись, Валентин приблизился к кварцевому глазу. Здесь было светлее, уютнее. Привычный дневной свет помог ему унять нервное возбуждение. Над эмоциями постепенно начал брать верх уже чисто познавательный интерес к происходящему.

Прежде всего Валентин в полной мере оценил возможные последствия своего невольного перевоплощения. Пройдет какое-то время — и тысячи, нет, миллионы ихтиандров, подобных ему, Звягинцеву, начнут подлинное покорение морских просторов. На дне океанов возникнут чудо-города, раскинутся плантации морских окультуренных водорослей.

В ущельях будут пастись косяки ценных пород рыб. Геологи-ихтиандры получают подлинную возможность разработки недр дна океанов.

Необозримые, необжитые просторы!

Климат с ровной и не зависимой от времени года температурой, свободный от капризов погоды. И кто знает, не принесет ли человечеству жизнь в воде освобождение от многих ныне неизлечимых недугов, не даст ли ему столь желанное долголетие?

«Да, да, именно так все и будет, — согласился с собой Валентин. — Но все-таки, почему я остался жив? Ведь была же агония, был конец... и вдруг нате вам — воскрес из мертвых. Прямо как в священном писании!»

О сути священного писания Валентин знал тоже понаслышке.

Он призвал на помощь весь свой опыт логического осмысливания эксперимента. Итак, сказал он себе, все дело в способности воды поглощать кислород из воздуха. Чем больше давление, тем больше в ней кислорода. Наши насосные установки обеспечивают пятьсот атмосфер. Это равносильно тому, как если бы меня затолкали на глубину в пять километров. Солидно, ничего не скажешь! Почему же меня не расплющило? Увы, такое ошибочное убеждение существовало, пока не было опрокинуто наблюдениями над китами. Те ныряют на глубину в три-четыре километра, а остаются целехонькими. Все дело в том, что ткани живого организма состоят в основном из той же, практически несжимаемой воды? Легкие и кишечник? Они до отказа заполнены водой, которой я нахлебался, пока отходил в мир теней. Сердце? Кровеносные сосуды? По строению и составу почти сплошная вода.

На первый взгляд все выглядело просто: кислород из воды проникает в его, Валентина, тело. И прежде всего он проникает в те ткани, которые имеют прямой контакт с водой, — это кожный покров тела, это поверхности заполненных водой бронхов, желудка, кишечника...

Но нет, не торопись с выводами, Валя. Разве история кораблекрушений не знает случаев, когда корабли исчезали в таких пучинах, где давление несколько не меньше, чем сейчас в камере? А может быть, и больше. Однако море ни разу не возвратило к жизни хотя бы одну свою жертву, не сделало счастливого исключения, не совершило чуда.

Ни разу!

Стало быть, все гораздо сложнее. Дело не только и, может быть, не столько в давлении насосов, сколько в чем-то еще таком, что пока ускользает от его, Валентина, внимания.

Эмоции окончательно уступили место научному поиску. Ихтиандр XX века стал снова аспирантом.

8

Нетерпение поиска заставило Валентина снова пуститься в плавание по камере. Он скользил вдоль стен, уже не наслаждаясь невесомостью тела. Рядом была загадка, которая встречается на пути исследователя раз в сто лет. А может, и того реже.

Закрыв глаза, Валентин пытался «увидеть» процесс поглощения кислорода клетками. И с огорчением убедился, что картина получается туманная, весьма приближенная, — уж очень скудными были его познания в области молекулярной биофизики. А в области цитологии он вообще был профаном. Впрочем, даже совершенное знание того и другого навряд ли помогло бы ему. Тут природа выкинула такой фокус, который не укладывается ни в одну из этих наук.

Что же случилось после того, как он потерял сознание? Судя по всему, какая-то пустяковина. Мысленно перебирая устройство камеры и схему работы всей аппаратуры, Валентин снова и снова убеждался в том, что никаких новых, неизвестных ему явлений в камере произойти не могло.

Не могло, а произошло.

Что за дикое противоречие!

Постепенно у него крепло убеждение, что разгадка совсем рядом, на самом виду. Нужно только по-настоящему напрячь мозговые извилины, вдуматься, сосредоточиться, взглядеться.

Но, нет, ничего не получалось. Вот когда Валентин познал подлинные муки поиска! Он знал — покинув ванну, он навсегда потеряет надежду на успех. Возможно, кто-нибудь другой разгадает секрет его превращения. Кто-нибудь другой, но уже не он. Не ОН — вот в чем вся трагедия. Валентин желал найти САМ!

Он натыкался на стены, забывал, где он и что с ним. Он стонал от непосильного напряжения. Иногда ему казалось, что вот сейчас, сию минуту, наступит озарение. Открытие, как забытое, но хорошо известное слово, витало

совсем рядом. Все в Валентине напряглось, сжалось в тугой болезненный комок.

Последнее усилие — и...

Тщетно!

Так можно было промучиться всю жизнь и ничего не открыть. Отказавшись от поиска, Валентин начал обессиленно опускаться на дно камеры. Мимо него проплыл кварцевый глазок, сверкнув маленьким солнцем.

А из глазка, отражая линзами блики солнечного света, глянул на миг объектив нацеленного в камеру лазера.

Дальше все походило на взрыв. Валентин разом понял все до конца. В тот момент, когда камера была заполнена и сознание Валентина погасло, сработала автоматика. Согласно заданной Валентином же программе, лазер дал положенное количество вспышек. На тысячные доли секунды давление в камере с пятисот атмосфер подпрыгнуло до двух миллионов.

Удар в два миллиона атмосфер, способный соединить в одно целое два куска самого сверхтвердого металлического сплава! Не обладая достаточными познаниями по молекулярной биофизике и цитологии, Валентин с полным основанием мог утверждать, что конструкция клеток тела не могла остаться безучастной к столь мощному воздействию. В его тонкостях разберутся специалисты. Валентин же получал возможность раскрыть его только в главном: способность клеток поглощать кислород мгновенно и тысячекратно возросла, и он живительным потоком хлынул в тело. Луч лазера выполнил роль своеобразного «искусственного дыхания» и возвратил Валентина к жизни. Приобретая новые свойства, клетки тела продолжают их сохранять уже под воздействием пятисот атмосфер. Стало быть, способность дышать в воде надежно зафиксирована.

Так Валентин Звягинцев совершил научное открытие.

9

Теперь Валентина обуяло нетерпение другого рода.

К людям! Скорее к людям!

Возвестить о своем открытии!

Пусть узнают все в институте, в городе, в стране, во всем мире. Конечно, ему помог счастливый случай, но разве это умаляет значение открытия?

Когда же наконец появится в лаборатории этот брюзга, этот чертов педант от авиации Прокопий Михайлович?

Валентин снова прильнул к глазку, через который мог видеть часы на стене: двадцать семь минут восьмого. Случалось, старик приходил куда раньше. Видно, сегодня ему крепко спится и видятся розовые сны.

Представив себе изумленную физиономию старого технаря в тот момент, когда тот откачает воду из ванны, откроет люк и увидит там Валентина, аспирант пришел в неопиcуемый восторг. Он хохотал, корчась и извиваясь всем телом, хохотал до изнеможения, выбрасывая из широко, по-рыбьи разинутого рта тучи пузырей.

И вдруг осекся.

То мгновение, когда Прокопий Михайлович нажмет заветную кнопку на пульте, станет последним мгновением в жизни Валентина Звягинцева.

Только сейчас Валентин ощутил, как зверски холодна вода...

Если водолаза слишком быстро поднимают с большой глубины, он погибает от так называемой «кессонной болезни». Кровь водолаза, освобождаясь от растворенного в ней кислорода и азота, вскипает. И чем быстрее идет подъем на поверхность, то есть чем быстрее падает давление, тем более бурно протекает вскипание крови.

Валентин находился на «глубине» в пять километров. Он будет поднят на поверхность мгновенно. Кессонная болезнь не может стать даже отдаленным сравнением с тем, что произойдет в теле Валентина. В нем вскипит не только кровь, но и плазма каждой клетки.

Вскипит...

Нет, не то слово. Он не учитывает те два миллиона атмосфер, которые добавил луч лазера. Они, эти два миллиона, насытили клетки громадным запасом потенциальной энергии, и теперь, рванувшись вон, она, эта энергия, обратит в прах, в пыль органическое вещество клеток.

10

По улице, ведущей к политехническому институту, неторопливо вышагивал Прокопий Михайлович. Он шел выпрямившись, по его собственным словам, «аршин проглотивши». Увы, это не было бравой выправкой кадрового авиационного технаря. Просто Прокопий Михайлович боялся неосторожным движением разбудить притаившегося в поясице зверя.

Минувшая ночь прошла на удивление спокойно. Ворочаясь с боку на бок, Прокопий Михайлович ни разу не испытал прострела от поясницы к ступне, подобного выстрелу из скорострелки Шпитального.

А проснувшись и взглянув на часы, непотребно обругал себя. Еще с вечера он заприметил тайную подготовку Звягинцева, его намерение поэкспериментировать в одиночестве. А для возможности такого уединения остается только раннее утро. Зная безалаберность Звягинцева, его безответственное отношение к аппаратуре, его неряшливость в обращении с инструментом, Прокопий Михайлович не стал завтракать и заспешил в институт. По дороге он вспомнил, что вчера получил со склада присланный из Москвы оптиметр, точнейший и чувствительнейший прибор для выверки плоскости матрицы. А что если Звягинцев решит воспользоваться этим прибором? С него ведь станет.

Уже не на шутку забеспокоившись, лаборант шагнул шире. В пояснице его так стрельнуло, что он застыл на месте, обратившись в каменное изваяние. Даже дышать перестал.

— Ах, ты, Валя-краля! — зло зашипел он, имея в виду, однако, не радикулит, а все того же аспиранта, которого не выносил уже за один немисливо клетчатый, по-женски пестрый и яркий пиджак — Чтоб тебе из пике не выйти! Чтоб тебя на взлете заклинило!

И уже тихохонько, гусиным шагом двинулся дальше.

Валентин сидел под кварцевым глазком, подобрав под себя ноги. Оставалось покорно ждать роковой развязки. Единственное утешение — все произойдет настолько быстро, что и боли почувствовать не успеешь. Тело его исчезнет, растворится в таинственном, вечно загадочном веществе — воде.

Валентин усмехнулся при мысли, что он, или, вернее, то, что было им, долго еще будет циркулировать по трубам замкнутой лабораторной системы, и Прокопий Михайлович не раз чертыхнется, обнаруживая на фильтрах грязь. Разве же ему придет на ум, что эта грязь — прах бесследно исчезнувшего, неудачливого аспиранта Звягинцева?

Вода, вода...

Вода — мечты. Вода — горечь разочарований. Вода —

неиспытанная радость открытия. И вода — обращающая тебя в ничто.

Вдруг Валентина словно обожгло изнутри: открытие! А что же будет с его несказанным чудом, с откровением природы, сделавшей его единственным обладателем этого откровения? Неужели все исчезнет вместе с ним?

Он потерянно закружил по камере.

Говорят, человек перед смертью способен за одно мгновение заново пережить все прошлое, увидеть дорогие ему лица, перебрать все свои удачи и неудачи. Ничего этого не было с Валентином. Мысль, что люди ничего не узнают о его удивительном открытии, привела его в полную протрацию. Если бы ему раньше сказали, что творческая неудача может так потрясти человека, он бы только посмеялся. И вовсе бы не поверил, что она способна заслонить собой ужас перед близкой гибелью.

И тем не менее все так и было сейчас.

Валентин Звягинцев... Это позднее люди поставят твое имя в один ряд с теми, кто не колеблясь первым испытал на себе вакцину бубонной чумы, кто первым взмыл в воздух на хрупких и ненадежных крыльях, первым проник в тайну атомного ядра, вырвался в космическое пространство. Все это были подлинные ИСКАТЕЛИ. Их не останавливала в поиске та высокая цена, которой, возможно, придется расплачиваться за крупницы добытой истины — цена собственной жизни. Они попросту не задумывались над необходимостью подобной расплаты. Им было не до того — они искали!

Прокопий Михайлович поднимался со ступеньки на ступеньку, как едва научившийся ходить годоводок. Перед тем как открыть дверь вестибюля, он достал носовой платок и вытер выступившую на лбу испарину.

В вестибюле Прокопий Михайлович задержался подле вахтера, своего сверстника и товарища по несчастью, тоже страдающего радикулитом. Выслушал о новых апробированных лекарствах, сетования на врачей, многочисленные советы...

Узнав, что Звягинцев давным-давно в лаборатории, Прокопий Михайлович чертыхнулся и заспешил по коридору. Тут на него налетела девчушка, видать по всему, первокурсница, ойкнула, извинилась и помчалась дальше. А Прокопий Михайлович схватился за поясницу, зашипел рассерженным гусакom.

Здание оживало, наполнялось молодыми голосами, топотом ног, хлопанием дверей.

Минуты превратились в секунды. Время стремительно бежало к роковой развязке. В злом бессилии Валентин продолжал кружить по камере. Он постанывал от рвущего сердце страха, не в силах найти способа сообщить людям о своем открытии.

До восьми часов оставалось менее десяти минут. В восемь наверняка появится Прокопий Михайлович, позже он еще никогда не приходил. В восемь будет ровно час с той минуты, когда луч лазера воскресил Валентина.

Он разыскал свои брюки, вывернул карманы — там были кошелек с размокшими рублями и трешками, носовой платок да удостоверение с отклеившейся фотографией и расплывшейся подписью проректора. А записная книжка и шариковая ручка, как он и предполагал, остались там, на пульте. Да и будь они здесь, как бы он сумел ими воспользоваться?

Если бы можно было, он написал бы собственной кровью. Зубами разодрал бы себе кожу, хотя всю жизнь не переносил физической боли. Сколько раз совали ему под нос нашатырный спирт в зубо врачебном кабинете!..

И тут Валентин увидел кровь. Из царапинки на локте выкатывались крошечные капельки и легкими дымными облачками повисали в зеленоватой зыби. Чем это он так изодрался? Ведь полированные стены не имеют даже малейших заусенок. Ах да, об обломки оптиметра, разбросанные по матрице.

С минуту Валентин бездумно взирал на темные, почти черные дымки, оставленные им тут и там в тесном пространстве камеры. Затем, безмолвно ахнув, камнем упал на дно. Не рассчитав усилия, он лицом ударился об угол матрицы. Но уже не обращая внимания ни на боль, ни на кровь, хлынувшую из рассеченной губы, принялся шарить по дну.

С острым металлическим обломком в руке Валентин ринулся к стене под кварцевым глазком. Его била дрожь нетерпения. Он страшился взглянуть на часы, где бесконечной чередой цифры сменяли друг друга. И без того знал — время подошло к роковой черте, истекали последние секунды.

Он должен успеть!

Он не может, не имеет права не успеть!

Вероятно, это было самое краткое изложение сути научного открытия...

Рука Валентина была остановлена внезапной ослепительной вспышкой света. Вслед за тем неведомая и неодолимая сила подхватила его и с бешеным ускорением увлекла в бесконечную черную бездну. Ни боли, ни страха Валентин испытать не успел...

13

Прокопий Михайлович убрал с дороги стул с наброшенным на спинку клетчатым пиджаком, так намозолившим ему глаза. Не увидев в лаборатории Звягинцева, он покачал головой: оставить включенной установку и где-то разгуливать — это уж ни в какие ворота не лезет. Правда, его смутили брошенные на пульте ключ от двери, часы, снятые с руки, и записная книжка с шариковой ручкой. А ведь дверь-то была замкнута.

Не в окно же он вылез?

Увидев открытое окно, старый технарь часто и недобро задышал. Полный гнева, он выключил установку. Выждал — сейчас прибежит Звягинцев и услышит пару ласковых словечек.

Звягинцев не появлялся. Чувствуя все растущее раздражение, Прокопий Михайлович, не глядя, нащупал на пульте кнопку. Откинулась крышка камеры.

Желая знать, какие детали сваривал Звягинцев, лаборант заглянул в камеру. Никаких деталей на плоскостях матрицы он не увидел. Но прежде чем он успел выругаться, в глаза ему бросились металлические и пластмассовые обломки, рассеянные по полу камеры.

Морщась, кряхтя и щадя поясницу, Прокопий Михайлович протиснулся в отверстие люка. Подняв несколько обломков, к ужасу своему он убедился, что в его руках то, что еще вчера вечером было ценнейшим и современнейшим оптиметром.

Он застонал от горя и негодования. Но тут же заметил в дальнем углу камеры еще какие-то предметы. Осторожно нагнувшись, Прокопий Михайлович узнал лакированные туфли Звягинцева. Его изумление возросло еще больше, когда из-под туфель он извлек нейлоновую рубашку и цветастые носки.

С ума, что ли, сошел этот Звягинцев?! Одежда в ванне — с чего ради? Что он, другого места для нее не нашел? А сам где? Отправился через окно гулять по улицам города нагишом??

С нарастающей тревогой, полный самых дурных предчувствий, Прокопий Михайлович принялся внимательно оглядывать стены камеры. И на одной из них, под кварцевым глазком, различил торопливо нацарапанные острым предметом строчки.

Первые же прочтенные им фразы заставили его забыть о своем радикулите и, выскочив из камеры, с хриплым возгласом броситься к телефону.

Я проснулся от прикосновения чего-то нестерпимо горячего, опалившего мне спину. Я заорал так, что разбудил добрую половину общежития. Колька, чья кровать стояла у дверей, включил свет, и мы увидели, как из трубы, к которой была присоединена батарея отопления, с шипением вырывается тонкая, но сильная струя кипятка и падает прямо на мою кровать.

Мы отодвинули кровать, а потом посмотрели друг на друга: что делать? Тут в дверях появились сначала девочки. Кутаясь в халатики, они, перебивая друг друга, принялись подавать советы один чепуховее другого. Парни оказались практичнее — они притащили слесаря, заспанного и, похоже, не совсем трезвого. Слесарь потоптался у батареи, зачем-то постучал по ней разводным ключом, а потом заявил, что нужно спуститься в подвал и перекрыть стояк, но ключ от подвала у коменданта, а комендант уехал в гости.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы в комнате не появился Денис Турчак. Хотя мы с ним и учились уже третий год в одной группе, но взаимных симпатий не испытывали. Широкоплечий, медлительный, с большой лохматой головой и вечно мрачной физиономией, он всегда был мне неприятен. К тому же он прослыл на курсе отменным тугодумом, ни одна сессия не обходилась у него без завалов, хотя все свободное время он протирал штаны над учебниками. Да как протирал! Сиживал в читальном зале до самого закрытия, а потом еще в общежитии хватывал, до двух-трех часов ночи.

Не в пример Турчаку я учился легко, трояков у меня не случалось, а в этом году меня удостоили повышенной стипендии. Я заглядывал далеко вперед — подумывал об ученом звании.

Так вот, этот самый Турчак не очень вежливо растол-

кал девчонок своими широченными плечами, отобрал у слесаря разводной ключ, подошел к трубе и... словно по волшебству струя исчезла. У всех в комнате вырвался вздох облегчения. То, что на мой взгляд выглядело в данный момент неразрешимой проблемой, оказалось решенным в считанные секунды.

Я приблизился к трубе и безмолвно ахнул: все оказалось до дикости просто — в отверстие Турчак вколотил крошечный деревянный клинышек, обломок карандаша — только и всего!

— А, — пренебрежительно отмахнулся Турчак в ответ на восторженные возгласы, — чего говорить. Я таких шпильков успел вдоволь навтыкать, — он сунул ключ обратно в руки отчаянно зевающего слесаря, проявлявшего полное безразличие к происходящему. — А твоя кровать теперь за неделю не просохнет, — повернулся Турчак ко мне. — Пойдем, что ли, к нам досыпать? Валерка с Димкой к родителям смотались, я один кукую.

Приведя меня к себе в комнату, Турчак достал из тумбочки блюдо со сливочным маслом.

— Мажь, где обожгло, — посоветовал он. — Помогает, по себе знаю. А не то завтра комаринского заплешьешь.

— Разве с тобой такое тоже случалось? — удивился я.

— А, — отмахнулся Турчак, — чего говорить. У нас же вся семья водопроводчики: и дед, и отец с маманей, и обе сестренки. Одна бабка молоком торгует. Я только школу кончил, отец меня сразу в ремжилуправление определил, каникулы догулять не дал. Так что, брат, я три годика на ремонте теплотрасс и водопроводов, как миленький, вкалывал. Майку-то сними, замаслишь. А спину давай я натру.

Доверительная откровенность Турчака, его искреннее желание прийти на помощь озадачили меня. Надо же — три года учиться в одной группе, жить на одном этаже общежития и только сейчас убедиться, что это совсем не такой человек, каким ты привык его считать.

Закончив процедуру с маслом, я лег на свободную кровать. Турчак погасил свет и тоже лег. Но мне уже не спалось, меня разбирало любопытство. Еще бы — я заново открывал Турчака.

— А чего же ты сразу после школы в институт не подался? — спросил я.

— А, — донесся из темноты глухой бас Турчака, — чего говорить. Не имел желания. Я в армию хотел, в десантники. Так, понимаешь, какое-то дурацкое плоскостопие об-

наружили. И признали меня вроде инвалида. Это меня-то!

Последнюю фразу Турчак закончил таким зауспокойным голосом, что я невольно заулыбался. У этого типа с мрачной физиономией внутри сплошной хохот, жизнелюбия ему не занимать.

— И что, трудно в ремжилуправлении было? — не унимался я.

— А, чего говорить... Представляешь, как эти чертовы трубы ржавеют, да как их всякой пакостью забивает? Вот все три года я только тем и занимался, что дома от трухлявых труб освобождал. Менял, то есть... — Турчак шумно, по-бычьи, вздохнул. — В одном доме меняешь, а уж в соседнем караул кричат: прорвало! топит! А пока меняешь, весь дом стонет. И не только потому, что пару недель без воды сидят. Со старыми трубами гору кафеля соскребешь, дефицитные обои посдираешь. А стояки видел как выворачивают? Ну, ничего, в понедельник в своей комнате насмотришься. Неделью будете постели от бетонной пыли вытряхивать. Да еще стены сварочной горелкой распишут — двумя побелками не замажешь.

Такой биографии ни у кого из моих друзей не было. Денис рассказывал неторопливо, обстоятельно. Его допекла не работа сама по себе, а сознание переливания из пустого в порожнее. Ржа поедает трубы — ты их меняешь. А новые тоже ржавеют, их забивает каменнопрочным осадком. И так идешь из дома в дом по замкнутому кругу. Об уличных магистралях и говорить нечего — там не дом, не два, а бывает, весь район без воды сидит.

И это в наш век научно-технической революции!

— Не выдержав, ты смотался в институт! — понимающе хохотнул я.

— Ну да, чего говорить, — простодушно согласился Денис. — Давить меня стало страшенно. Никакого тебе удовлетворения, понимаешь. А перейти на другую работу... — Денис вздохнул, как целое бычье стадо. — Ну, против отца я, может быть, и устоял бы, а вот против деда да против сестренки... Однако мою тягу к высшему образованию вся семья единогласно одобрила. Правда, с условием...

Турчак выдохнул так, словно лопнул туго накачанный волейбольный мяч.

— С каким же? — я даже приподнялся на кровати.

— Да чтобы стал спецом по водопроводным сетям.

— Бог ты мой! — всплеснул я руками. — Да ведь наша-то будущая специальность все равно что на другом конце

Вселенной. Нехорошо облапошивать близких людей, Денис!

— А, да чего говорить... — мрачно отозвался Денис.
И, видимо, не захотел больше продолжать разговор.

2

Поскольку на нашем курсе оказался урожай на Денисов, к Турчаку после той «кипяточной» ночи с моей легкой руки приклеилось прозвище Водопроводчик. Он не обиделся, только посопел немного и помотал своей кудлатой головой.

Я и сам не мог понять, что именно теперь привлекало меня в Турчаке. Скорее всего его простодушие, полная неспособность обижаться.

А порядочен он был до щепетильности. Займет рубль до стипендии и каждый день спрашивает: не последний ли отнял? А чтобы в своей комнате у товарища кусок хлеба съел? Упаси господи!

Смена антипатии на симпатию была во мне настолько неожиданной и необратимой, что я решился предложить Турчаку вместе пробиваться в науку. В сговорчивости его я имел возможность убедиться. К тому же его теперь прямо-таки распирало от чувства дружелюбия к моей особе. И еще должен признаться — от Турчака веяло таким несокрушимым спокойствием и такой физической силой, что и я рядом с ним чувствовал себя куда увереннее.

Мое предложение усугублялось тем, что в этом году у нас начались спецпредметы и заведующий нашей выпускающей кафедрой ультразвуковой дефектоскопии профессор Благов заметил как-то на лекции, что не прочь допустить пару-другую студентов к научно-исследовательской работе.

Сама судьба подавала мне руку!

В ответ на мое предложение Денис только отмахнулся, посчитав мои слова за шутку. Когда же я стал настаивать, он не на шутку перепугался, засопел и дня два старался избегать меня.

Но в меня вселился бес упрямства. Я внушил себе, что только вместе с Денисом могу по-настоящему проявить себя. Чепуха, конечно. Будто у меня не было других, более башковитых друзей. Ну, как бы там ни было, а я и через два дня заговорил с Денисом о том же.

И только когда я начистоту признался, что всю жизнь

мечтал попасть к Благову, да вот только вместе с ним, Денисом, смогу решиться на такой шаг, он мрачно пробормотал:

— Ладно, чего говорить...

Высокого роста, худой, с остроносым лицом нездорового землистого цвета Аркадий Алексеевич Благов встретил нас, как докучливых родственников.

— Ба! — удивился он. — И Турчак пожаловал!

— Чего говорить, — засопел Денис, — если нельзя, могу и уйти.

— Помнится, основы ультразвуковой техники вы изволили сдать после второго захода?

— Третьего... чего говорить...

— Виноват, запамятовал, — Благов взглянул на меня и лицо у него чуточку подобрело. — Вот Ковина я по ответам на олимпиаде запомнил, толковые были ответы, всяма толковые. Ну что ж, извольте приобщаться.

— А я? — Денис волком смотрел на Благова.

— И вы. Викентий Семенович! — крикнул он в глубину лаборатории, — принимай пополнение в науку.

...Когда поздно вечером мы покинули лабораторию Благова, Денис заметил:

— На ладан дышит...

— Ты о ком? — не понял я.

— Да о ком же еще, о нашем профессоре, — Денис кивнул на двери лаборатории, из которых мы вышли. — Видал, какое лицо у него? У нас в рембригаде один мужик от рака помер, так у него такое же мучное лицо было.

— Типун тебе на язык, Денис! — возмутился я.

3

С нашего третьего курса в лабораторию пришли шесть человек, самый цвет успеваемости, если не считать Турчака, конечно. На первых порах нам, студентам, доверяли несложные обязанности: снимать показания приборов, чертить форматы для записей эксперимента, что-то присоединить, отсоединить. И так по два вечера в неделю. К концу марта я первым научился читать «язык» осциллографов, и Благов решил доверить мне заполнение опытных карт. Данные для карт я собирал у всех участников эксперимента. На следующий день эти карты я отнес в вычислительный центр института, а еще через два дня получил оттуда кипу бумажных лент, свернутых в рулоны.

Когда я положил рулоны на стол перед Благовым, тот пальцем поманил Дениса.

— Думается мне, Турчак, — сказал профессор, серьезно глядя в лицо моего друга, — что эта работа будет как раз по тебе. Садись и слушай внимательно.

Я остался стоять за спиной Дениса.

Благов развернул одну из лент — на ней сверху вниз тянулись нескончаемые колонки восьмизначных чисел. Море чисел! Да нет, что там море — океан! Безбрежный, бездонный. И числа эти Денису предстояло переписать, группируя их уже в иной последовательности.

— И упаси тебя бог, Турчак, перепутать хотя бы пару строчек, — предупредил Благов. — Тогда придется начинать все сызнова.

Я внутренне содрогнулся. Задание, полученное Денисом, показалось мне прямым издевательством со стороны Благова.

— Пошли ты его ко всем чертям, — посоветовал я Денису, когда мы остались вдвоем. — В криогенной лаборатории для нас тоже место найдется.

Денис удивленно уставился на меня.

— Ха! Чего говорить... Думаешь, с трубами меньше было канители? И потом, я же сам напросился. Труса играть не по мне.

И он засел над этим океаном чисел. Над первой лентой он просидел четыре вечера. Пыхтел проколотым мячом, волком смотрел на каждого, кто пытался выразить ему сочувствие.

Приняв работу Дениса, Благов ничего не стал проверять, не сказал ни слова. Он подозревал меня.

— Теперь твоё слово, Ковин, — он испытующе оглядел меня. — Вот по этим группам чисел, кои выписал Турчак, ты построишь кривые. Во-первых, мы получим возможность проверить добросовестность твоего дружка. А во-вторых... — Благов прищурился, — а во-вторых, по кривым ты попробуешь получить математические зависимости и тем покажешь, что из тебя выйдет в будущем.

— А я? — спросил Денис.

— А ты бери следующую ленту.

Да, я получил такую работу, о которой пока и мечтать не смел. Показания приборов, до той поры абстрактные и ничего нам, новичкам, не говорящие, сливались теперь передо мной в реальный физический процесс. И я, третьекурсник, получил возможность самостоятельно вывести форму-

лу этого процесса. Все во мне прямо-таки запело, я почувствовал себя на седьмом небе от предвкушения грядущих свершений. Мне ли было не знать, что история науки пестрит случаями, когда зеленые новички совершали большие открытия! Отчего бы и Ковину не стать одним из таких счастливицков?

Мои радужные надежды были омрачены тяжелым сопением Дениса, который за одним столом со мною одолевал очередную ленту. Один лист бумаги за другим он заполнял аккуратными колонками чисел. Числа... числа... числа... Даже у меня, глядящего на них со стороны, рябило в глазах. А каково же было самому Денису? Я все ждал, когда у него лопнет терпение и в знак солидарности с ним готов был поступиться своими надеждами.

Но Денис, к моему огорчению, продолжал стоически пыхтеть над числами. Закончив вторую ленту, он получил третью. Иногда он часами не разгибался над столом. Случалось, я уходил в общежитие один, не дождавшись Дениса.

А однажды среди ночи, выйдя в туалет, я увидел свет в комнате для занятий. Было любопытно, кому это не спится, и я, проходя мимо, приоткрыл двери. Я увидел... Дениса! В полном одиночестве он пыхтел над знакомой мне развернутой лентой с числами. Он старательно переписывал числа... нет, куда бы вы думали? — в общую тетрадь.

— Денис, ты чего? — опешил я.

— А, чего говорить... — Денис был явно смущен, — интересная штука, понимаешь, оказалась.

— Что интересное? Числа интересные? Да ты, что, спятил, Денис?

Денис, не отвечая и пряча от меня глаза, только запыхтел сильнее. Я видел — мое присутствие тяготит его, и, потоптавшись в дверях, отправился спать.

4

Теперь о самом главном.

Нам, третьекурсникам, пришедшим к Благову, повезло. Мы оказались свидетелями (и в какой-то мере участниками) создания уникального ультразвукового дефектоскопа. За несколько лет до этого Благов был удостоен Государственной премии за открытие многократного внутреннего отражения ультразвукового луча в кристаллических структурах элемента гольмия. Ему удалось разработать принцип

ультразвукового лазера, и на основе этого принципа спроектировать аппарат для выявления пороков в деталях машин не только на макро-, но и на микроуровне.

Само по себе ультразвуковое просвечивание использовалось уже в промышленности, но аппарат Благова обещал получить на экране изображение кристаллической структуры детали, увидеть взаимное расположение атомов, изъяны в кристаллической решетке.

Начиная с первых чисел апреля шла доводка отдельных узлов дефектоскопа. К середине апреля узлы собрали в один агрегат. Дефектоскоп установили в утробе специального стенда, и пошла подготовка к завершающей стадии исследований — снятие основных параметров аппарата.

В эти дни на бледном лице Благова более резко обозначились скулы, а глаза запали и в них поминутно вспыхивало нетерпение. Он, уже не таясь, на ходу глотал какие-то таблетки, не успевая запивать их водой, срываясь, кричал на своих именитых коллег. И только к нам, студентам, относился хотя и не очень ласково, но с удивительной терпимостью.

Работы в эти дни всем хватало. Мы, студенты, тарировали датчики, паяли, монтировали приборы, чертили схемы. Особенно много чертили. И только Денис, закончив последнюю ленту, оказался не у дел. Мрачно поглядывая на окружающих, он слонялся по лаборатории, рассматривал схемы, разложенные на столах. Однажды он так увлекся разглядыванием схемы излучающего узла, что не заметил остановившегося рядом Благова.

— Интересуешься, Турчак?

— Интересуюсь...

— Ну и как тебе?

— Чего говорить... — Денис пожал своими широченными плечами, — не будет работать.

— Это как же понять — не будет?

Я незаметно приблизился к Денису, подтолкнул его локтем, чтобы он не лез, куда не следует.

— Ковин! — прикрикнул на меня Аркадий Алексеевич, — не мешай беседе двух ученых мужей. Ну, так я слушаю, Турчак?

— Чего говорить, — Денис шумно выдохнул, — в излучателе появится вода и вся ваша электроника накроется.

Благов уже всем телом повернулся к Денису, молча и сумрачно всматривался в его лицо. Денис сразу заерзал,

ему стало не по себе от этого рассматривания. Он что-то еще пробормотал и заспешил вон из лаборатории.

Я догнал его уже на лестнице.

— Какая муха тебя укусила, Денис? — набросился я на него. — Что за воду ты еще придумал? Или у тебя от твоих чисел ум за разум заскочил. Одно слово — «водопроводчик»...

Впервые Денис улыбнулся широко и добродушно. Но при этом он смотрел поверх моей головы и видел что-то недоступное моему пониманию.

Махнув на него рукой, я возвратился в лабораторию.

5

На следующий день начались так называемые ходовые испытания дефектоскопа. С нашего курса я стал единственным, кого Благов включил в бригаду испытателей, и мне пришлось ради этого пропустить лекции.

Пульт, за который мне предстояло встать вместе с научными сотрудниками кафедры, был огромен. В виде подковы, он занимал всю торцовую стену лабораторного зала. Я оказался почти рядом с Аркадием Алексеевичем, и хотя мне предстояло всего лишь записывать показания температурных датчиков, я чувствовал себя так, словно мне доверили установить контакт с инопланетной цивилизацией.

Я видел, как Благов нажал кнопку, и сразу, подчиняясь приказу автоматики, пришли в движение нити приборов, заматались змейки на экранах осциллографов, замигало многоцветие сигнальных ламп.

Все началось привычно и буднично. Я мог бы заранее сказать, какие результаты мы получим. И тем не менее меня не покидала восторженность, непривычная приподнятость. Я такого еще не переживал. В голову лезли всякие непрошенные мысли. «Сегодняшний эксперимент, — внушал я себе, — твоя стартовая площадка для полета в будущее. В сверкающее будущее! И это неважно, что оно пока скрыто в тумане и ты еще не представляешь, в какой именно области науки проявишь себя. Важно, что ты рожден для этого. Твое участие в сегодняшнем эксперименте — лучшее тому доказательство...»

Если бы такие слова в моем присутствии произнес кто-то другой, они бы рассмешили меня своей напыщенностью, дутым самомнением. А во мне они звучали, как музыка.

Это неважно, что у меня нет конкретной цели, облеченной в страстную мечту. Мне было известно, что многие гениальные ученые уже в ранней юности имели такую цель. Я же походил на путешественника, который отправляется в неведомые края, где он никогда не бывал. Он еще не знает, что увидит там. У него страстное желание — увидеть! И его уже не останавливают ни возможные трудности пути, ни даже смертельные опасности...

Мои непрошенные мысли были прерваны тревожным гудением зуммеров. Казалось, чья-то не видимая, но сильная рука встряхнула весь огромный пульт, и приборы чутко отреагировали на эту встряску: нити непозволительно далеко рванулись по шкалам, на экранах осциллографов каждая змейка распалась на спутанный змеинный пучок.

Впрочем, все это длилось секунду-две. Я даже не успел испугаться, как все вновь успокоилось, пришло в норму.

— Ничего, ничего, — услышал я глуховатый голос Благова, — продолжаем.

— Что это было? — шепотом спросил я у стоявшего рядом старшего научного сотрудника. Но он только пожал плечами.

Я увидел, как Аркадий Алексеевич щелкнул переключателем, переводя дефектоскоп на более напряженный режим работы. И в тот же миг снова заматались нити приборов, на этот раз яростно и непримиримо. В глазах у меня прямо-таки зарябило от мигания сигнальных ламп.

И тут я почувствовал, как туфли мои наполняются водой.

Нет, мне положительно везло на водные приключения! Взглянув себе под ноги, я обомлел: из-под панели пульта падали на пол крупные и неторопливые капли. На полу у моих ног образовалась уже изрядная лужа.

— Вода! — сдавленно вырвалось у меня. — Смотрите, вода!!

Все разом повернулись в мою сторону.

— Выключить! — приказал Благов. — Всем! Немедленно!

Мы защелкали тумблерами, принялись нажимать кнопки, уподобляясь заправским пианистам. Приборы сразу успокоились, нити обессиленно легли на нулевые деления, экраны осциллографов погасли...

Нет, вы только вообразите себе — вода среди сплошной электроники! Здесь в каждом углу стояли аппараты для

поддержания строго постоянной сухости воздуха. И пол в этом зале не мыли, а только протирали, не оставляя следов влаги. Никаких водопроводных труб здесь не проходило.

Чтобы лучше понять нелепость происходящего, представьте себе, что вы включили электрический утюг с намерением погладить белье, ждете, когда он нагреется, но вдруг видите, как из него по всему разъему начинает течь вода.

Да нет, что там утюг! Включили ультрасовременный телевизор, ждете появления звука и изображения, а вместо того и другого появляется... вода! Вода все обильнее капает через все нижние стыки панелей, на полу образуются лужи, которые растекаются вширь, грозя затопить живущих под вами.

Вряд ли что-нибудь подобное случалось в истории электроники.

Невероятно? Фантастично?

И тем не менее именно это предстало перед нашими глазами, когда лаборанты сняли верхнюю панель пульта и мы смогли видеть дефектоскоп. Из него (дефектоскопа!) текла вода! Она текла по всему нижнему основанию аппарата, крупными каплями падая на пол. Капли кошунственно переливались всеми цветами радуги и шлепались в лужу, издавая пренеприятнейшие звуки.

6

Я уходил последним, поскольку мне пришлось помогать лаборантам вытирать лужи.

— Ковин! — неожиданно окликнул меня Благов. — Задержись, пожалуйста.

Времени было около трех часов ночи и мне дьявольски хотелось спать. Я прислонился к косяку двери, наблюдая, как Благов, кончив возиться с дефектоскопом, снимает халат. Видно было, как бесконечно велика его усталость. Выключив свет в зале, он закрыл двери на ключ и, не глядя на меня, стал подниматься по лестнице. До самого вестибюля он не проронил ни слова. На улице, запрокинув лицо к звездному небу, он жадно вдохнул прохладный ночной воздух.

— Я хочу видеть Турчака, — произнес он. — Немедленно!

— Вы думаете, это он подстроил с водой? — ужаснулся

я. — Нет, нет, Аркадий Алексеевич, это невозможно. Денис честнейший человек!

Благов усмехнулся.

— Так уж и честнейший? Друзья вы с ним, что ли?

— Лучшего друга у меня и в детстве не бывало.

— Но... очень уж вы непохожи...

— Ну и что ж?

— Да в принципе-то конечно.

...Оставив Благова в комнате для занятий, я отправился будить Дениса. А это оказалось не так-то просто. Но и открыв глаза, Денис долго и бессмысленно таращился на меня. Наконец мои слова дошли до него. Шумно сопя, всем видом своим выражая крайнее неудовольствие, он натянул на себя брюки и, отчаянно зевая, шлепая босыми ногами по крашеному полу коридора, поплелся за мной в комнату, где нас ждал Благов.

— Во сне-то чего видел? — набросился на него Аркадий Алексеевич. — Вода небось снилась?

Он швырнул плащ на спинку стула, сел и повелительным жестом приказал Денису сесть напротив. Я устроился поодаль, но поближе к своему другу, чтобы в случае нужды поддержать его.

— Рассказывай, Турчак, рассказывай!

— А чего рассказывать? — Денис зевнул, как бегемот, не прикрывая рта.

— Про гольмиевый детектор, про ионную проводимость, про воду.

Сон с физиономии Дениса как ветром сдуло.

— А! — ухмыльнулся Денис. — Стало быть, вы тоже догадались?

— Представь себе, — Благов церемонно поклонился моему другу, — и я тоже. Но тебя-то, простофилю, кто надушил? Кто?

Не обижаясь на «простофилю» и благодушно сопя, Денис запустил пятерню в свою взлохмаченную шевелюру.

— Ваши ленты, кто же еще.

— То есть как это ленты?

— Так чего говорить... Пока переписывал — присмотрелся. Гляжу и глазам не верю — вода!

Благов отодвинулся вместе со стулом, чтобы лучше видеть Дениса.

— Ты переписывал абстрактные, ничего не говорящие сами по себе числа, — сухо возразил профессор. — Чтобы эти числа заговорили, по ним прежде следует построить

кривые, а по кривым вывести математические зависимости. А может, вы тут с Ковиным подпольные исследования организовали?

Аркадий Алексеевич с ухмылкой взглянул на меня.

— Что вы! — запротестовал я. — Зачем нам это?

— Вот и я думаю — зачем? А ты, Турчак, случаем никаких записей не делал?

— Чего говорить... Делал.

— Покажи!

— Так они там, в комнате.

— Принеси. Я не тороплюсь.

Денис, все позевывая, сокрушенно мотая головой, отправился в свою комнату. Возвратился он со знакомой мне общей тетрадью в руках. Благов буквально выхватил у него тетрадь, раскрыл и... вытаращил глаза на Дениса.

— Но тут... тут все те же числа?!

— Те же, да не совсем, — нахмурился Турчак. — Тут только описание гольмиевых кристаллических структур, их взаимодействия с плотными полями и ультразвуковым лучом.

Благов уронил руку с тетрадью на угловатые колени.

— Турчак! — взмолился он. — Скажи честно: ты не морочишь мне голову?

— Была нужда...

Последние слова моего друга окончательно выбили профессора из колен. Он взглянул на меня, словно надеясь прочесть на моем лице разгадку поведения Дениса. Но я и сам ничего не понимал, я не мог оторвать глаз от раскрывшейся в руке профессора тетради: там на всех страницах были числа, одни числа, сверху донизу и от края до края. Прямо кабалистика какая-то!

— Вот чего он не умеет, — пробормотал я, — так это морочить голову...

Благов беспомощно улыбнулся.

— Ребята, — сказал он, — я уже достаточно пожил на белом свете и кое-что смыслю в науке. Читать числовую запись машины, как открытый книжный текст, еще не доводилось ни одному исследователю. А Турчак не просто читал, он еще и появление воды разглядел. Ты-то, Ковин, когда кривые строил, видел эту проклятую воду? Не видел, можешь не отвечать. И ни одна душа, кроме меня и... этого типа, не видела. Ты, что, феномен, Турчак? А может, ты с другой планеты свалился, где уже все знают?

Турчак безразлично пожал плечами.

С минуту Благов собирался с мыслями.

— Ладно, — сказал он, — попробуем, Турчак, с тобой согласиться. Допустим, природа одарила тебя способностью читать числа, как книжный текст. Других таких людей до сих пор на земле не бывало. Ладно... И давно с тобой происходит такое?

— Чего говорить... сам я как-то не придавал этому значения, — промямлил Денис, — пока вот с вашими лентами не связался. А вообще-то у меня еще в школе бывало: если задача в одних числах, у меня сразу ответ в голове появлялся. А вот как к буквенным обозначениям перешли, забуксовал малость.

— Хорошо, — Благов хлопнул себя по коленям Денисовой тетрадью, встал, прошелся по комнате, — ладно, пусть так — ты оказался способным сразу «разговаривать» с машиной на языке чисел. Ладно, с этим пусть разбираются психологи. Воду-то как угадал?

— Чего говорить... — Денис, сидевший в одной майке, начал мерзнуть, потирать свои плечи. — По числам и угадал. Гляжу в них и вдруг — батюшки! — вода!

— Вон как просто, — Благов сунул тетрадь обратно Денису, — пришел, увидел, победил. Ну, а если членораздельнее?

— Сначала-то я увидел ионную проводимость, — принялся растолковывать Денис, — ну, ту самую, про которую вы нам еще в прошлом семестре рассказывали. Еще заставили подчеркнуть — помните? — фразу такую, — Денис провел в воздухе воображаемую волнистую линию, — «...поток ионов качественно отличен от потока электронов. Поток ионов — это уже поток самого вещества. Так, например, если движутся ионы меди, значит по проводу течет сама медь...» Правда, пока никому не удалось изготовить провода с ионной проводимостью, да ведь теория о твердых веществах с ионной проводимостью уже существует. И профессор Благов ее горячий приверженец, чего говорить...

Такого многословного выступления я от Турчака еще не слышал. Весь курс знал его, как примерного молчуна.

— Ишь ты! — развеселился Благов. — Прямо хоть его трояк в зачетке на пятерку исправляй. Ладно, Турчак, ионная проводимость. А тебе-то что до нее?

— Да как же, Аркадий Алексеевич! Ваш гольмиевый детектор — все равно что кусочек провода. В вашем излу-

чателе под воздействием ультразвуковых колебаний на периферии его сосредоточились ионы кислорода, а в сердцевине — ионы водорода. Электрическое поле привело их в движение. На выходе из детектора ионы соединились и... образовалась вода.

Благов удовлетворенно наклонил голову. Остановившись напротив Дениса, он приказал:

— Возьми лист чистой бумаги и сядь к столу.

Денис, не понимая, что от него хотят, вырвал из тетради лист и вместе со стулом придвинулся к столу. Благов швырнул ему на стол шариковую ручку.

— Пиши! — палец профессора вытянулся в сторону листа бумаги, — пиши: «Проректору по научной работе такому-то от такого-то...» Написал? Так, хорошо. Ниже: «Заявление». Есть? «Прошу Вашего разрешения зачислить меня на должность младшего научного сотрудника кафедры ультразвуковой дефектоскопии...» Пиши, пиши, чего ворон ловишь?

— Вы извините меня, Аркадий Алексеевич, — не глядя на Благова, Денис осторожно скомкал лист бумаги, а ручку так же осторожно подвинул к краю стола, — вы извините меня, но только мне это уже никак не подходит.

8

Я смотрел на Дениса и видел перед собой совсем незнакомого мне человека. От его простодушия не осталось и следа. А я-то считал, что теперь знаю его как облупленного...

Турчак-тугодум...

Турчак-водопроводчик...

Передо мной сидел человек, вторгшийся в неведомую мне область науки. Он сумел предсказать то, что смог увидеть только профессор Благов. Но у профессора за спиной была целая жизнь, отданная науке. А у Турчака?

И я невольно позавидовал Денису — почему природа именно его, а не меня, сделала своим избранником? Я бы сейчас не отказался от предложения Благова — ведь тот распахивал перед Денисом путь в большую науку.

— Может, я тебя чем обидел, Турчак? — отрезвил меня голос Благова. — Ну?

— Да нет, что вы, Аркадий Алексеевич! — Денис шумно, по-бычьи, выдохнул и виновато поглядел на Благова. —

Вовсе вы меня не обидели, чего говорить. Просто мне нечего делать у вас на кафедре.

— А куда ты вообще хочешь, чудо гороховое? — взорвался профессор, и я испуганно оглянулся на открытые двери в коридор — чего доброго все общежитие проснет-ся. — Нет, вы только полюбуйтесь на этого субчика, как он выпендривается. Вон Ковин, твой дружок, не тебе чета, но я из него душу вытрясу, прежде чем возьму простым лаборантом. А ты основы ультразвука умудрился дважды завалить. Цифры читает, какая невидаль!

— Вы не даёте мне сказать, — насупился Денис. — Я к вам потому не хочу, что вообще ухожу из института. Проректор мне уж и заявление подписал, обрадовался даже, что одним хвостистом будет меньше.

— Как уходишь? — ахнул я. — Шутишь, Денис?

— Чего говорить, Вадька... — Денис заерзал на стуле, — такое дело, понимаешь, получается: вроде с обрыва в реку прыгнул, в такую, что вроде Ниагары. Поджилки трясутся. А решил сразу, чтобы не дать себе опомниться, на попятную пойти. Ну, ты-то меня знаешь, Вадька. Меня отговорить, что в лужу плюнуть. Вон Аркадий Алексеевич теперь, словно обухом по башке. Это меня-то на кафедру, сейчас. Тут же с ума сойти можно...

— Куда же ты уходишь?

— Да вот с Североуральским политехническим списался. На водоснабжение прошусь. Вроде не возражают.

— Куда-а-а?!

Я даже подскочил на стуле.

— А, чего говорить...

— Да ведь ты же... Нет, вы только подумайте, Аркадий Алексеевич, — закричал я и замахал руками, — он же... этот Турчак специально в наш институт поступил, чтобы не работать сантехником. Он же там, дома, свою возню с трубами ненавидел. Не чаял, как сбежать от них. И вот теперь снова к трубам?

— Чего говорить, сбежал... — виновато вздохнул Денис. — Думал, сбежал — и точка. А они, проклятые, стали мне по ночам сниться. Вот и сегодня, пока ты не разбудил, я все муфты подвертывал. Я подвертываю, а вода всё дорогу находит. Я подвертываю, а она течет, чертова мельница. И потом дома-то, на трубах, дед, отец, сестренки, друзей сколько. Знаешь, как они вкалывают? Будь здоров. И получается — никуда мне от этих труб не деться.

— Ну-с, а как же тогда с ионной проводимостью? —

кривя губы в усмешке и неторопливо надевая плащ, подковырнул профессор Дениса. — Для чего же мы фразу подчеркивали?

— Так в том-то и все дело! — Турчак поднялся на ноги. — У меня же теперь своя идея появилась, цель какая-никакая.

— Да? Любопытно, какая, если не секрет?

— Попробую избавить человечество от труб.

Благов так и застыл с наполовину застегнутым плащом.

— От каких еще труб? Чего ты мелешь, Турчак?

— Да вот же, чего говорить, на которых я работал. Ну, по которым вода течет. От водопроводных то есть. Вы представляете, сколько их на земле? А сколько их каждый год из строя выходит? Сотни тысяч тонн металла, сотни тысяч магистральных километров. Их ржа поедает, всякой пакостью забивает. На одной только замене миллионы людей работают.

— Постой! — властным жестом Благов прервал словоизлияние Дениса. — Постой, Турчак, не тараторь. Ты, что же, собираешься избавить человечество от водопроводов?

— Не-е-е, что вы! Не от водопроводов, а от труб.

— Позволь, но без труб... А как же вода потечет?

— По проводам, — я впервые видел Дениса жестикулирующим. — По проводам с ионной проводимостью, — уточнил он.

Профессор обессиленно опустил на стул, на его землистом лице выступила испарина. Мы с Денисом подскочили к нему, но он властно остановил нас ладонью.

— Ничего, со мной это бывает. Сейчас отпустит... Так я слушаю тебя, Турчак, — подавив приступ боли, Благов осторожно выпрямился, голос его окреп. — Говори же, говори. Ну?

— Так поток ионов же...

— Не мямли, Турчак!

— Когда я работал с лентами и увидел воду, я и подумал: поток ионов — это поток самого вещества. Как вы тогда на лекции говорили, помните? Остается решить эту проблему практически, заставить воду течь по проводу. Вот она сегодня и потекла в вашем дефектоскопе.

Благов окончательно справился с приступом боли. Он нашарил в кармане и торопливо проглотил таблетку, поискал глазами, нет ли в комнате воды. Воды не было. Он перевел глаза на Дениса и в них было столько дружелю-

бия, столько теплоты, что я снова остро позавидовал своему другу.

— Как тебе все это нравится, Ковин? — неожиданно обратился ко мне Благов. — Ожидал ты что-нибудь подобное от этого лоботряса?

Я только пожал плечами.

— Да ведь он и сам не догадывается, на что замахнулся, — в голосе профессора звучали металлические нотки. — Этот вахлак собирается совершить техническую революцию в снабжении человечества водой. Только и всего. А говорит так, словно собрался вагон с капустой разгружать.

На минуту в комнате воцарилось молчание.

— Я ведь что еще подумал, Аркадий Алексеевич, — первым заговорил Денис, — ведь каким бы ни был запованенным и засоленным источник, а по проводам потечет к людям чистейшая водица. Отпадет нужда в очистных сооружениях, так же? Ионную-то проводимость можно сделать сколь угодно избирательной. А во сколько раз будет проще и дешевле тянуть кабели, нежели прокладывать трубы! И никакой тебе ржи, никакой замены!

— Ишь ты, размечтался, — поморщился Благов. — Вот я сейчас спущу тебя с небес на землю. По твоим-то проводам потекут ионы. Ионы, дорогой! — Благов назидательно поднял палец. — Соединяясь на выходе, они породят капли воды. И когда-то ведро накапает... А? Что скажешь?

— Чепуха, чего говорить, — отмахнулся Денис. — Вы забыли о скорости, с которой потекут ионы, — она будет в десятки тысяч раз выше скорости движения воды по трубе.

Благов, сдаваясь, поднял обе руки.

— Но у ионной проводимости будет еще и другое преимущество, — снисходительно продолжал Денис, — она позволит качать воду непосредственно из воздуха. Ведь, собственно, что произошло сегодня в вашем дефектоскопе? Ваш гольмиевый детектор поглощал ионы водорода и кислорода из воздуха, а на выходе соединял их друг с другом, превращал в воду.

— Довольно, Турчак, довольно!

Благов медленно поднялся на ноги, постоял напротив Дениса, глядя ему прямо в глаза. Я видел, что он порывается что-то сказать, да никак не может заставить себя. Губы у него вздрагивали, а глаза сияли. Профессор не походил на привычного нам Благова — вечно раздраженного, перемогającego свою болезнь. Сейчас он словно исцелился

от всех своих недугов, стал будто выше и шире в плечах, стал воплощением неведомого для меня торжества.

Так ничего и не сказав, профессор ткнул Дениса кулаком в плечо, повернулся и направился к дверям. Уже в дверях он оглянулся на Дениса.

— Зайди проститься, — буркнул он. — Слышишь?

Денис утвердительно мотнул головой.

Благов растворился в темноте коридора. Мы остались вдвоем с Денисом и долго молча смотрели вслед профессору. Нас окружало безмолвие спящего студенческого общежития.

Врач пришел после полудня. Это оказалась невысокая, крепко сложенная молоденькая женщина с остреньким подбородком и с большими очками в металлической оправе, спокойная, неторопливая. Сильно увеличенные толстыми стеклами очков, зеленые глаза ее излучали такую доброту, такое участие, что от одного только этого взгляда Андрей почувствовал несказанное облегчение.

Мать, вошедшая следом, стала обстоятельно отвечать на вопросы врача: когда Андрей занемог, какая температура держалась ночью, что принимал? Прослушав Андрея и затолкав фонендоскоп в свою порядком потертую сумочку, врач пересела к письменному столу, чтобы выписать бюллетень и рецепты. Сквозь горячечный туман Андрей видел, как стремительно побежала шариковая ручка в ее длинных розовых пальцах.

И вдруг ручка замерла.

Андрей не сразу сообразил, что внимание участкового терапевта привлекла стопка листов бумаги, лежавшая тут же на столе. Это были теоретические исследования магнитного пульсирующего луча, попытка обосновать своеобразный магнито-лазерный эффект, вольное увлечение Андрея Бармина, младшего научного сотрудника НИИ Электромашиностроения. Сохранилось еще школьное пристрастие к математическому анализу, к тем его разделам, в которых не очень сведушими оказывались учителя в школе и его научные руководители в НИИ.

С кровати он мог видеть, как женщина острием ручки приподняла несколько верхних листов. Тонкие губы ее приоткрылись, как это случается с детьми, пытающимися осмыслить нечто непонятное. А что могла она, рядовой терапевт из районной поликлиники, уразуметь в фононовой теории поля, в сплетении частных производных и определителей волновой функции Шрёдингера? В другое вре-

мя это бы очень развеселило его, но сейчас разламывало пылающую голову, было не до веселья.

Спohватившись, врач виновато покосилась на больного, коротко вздохнула и вернулась к незаконченным рецептам. Она обстоятельно пояснила матери Андрея, в какой последовательности пичкать его выписанными лекарствами. Поднявшись из-за стола, снова задержала свой взгляд на листочках с расчетами, собралась было что-то спросить, но не решилась. Положив свою прохладную ладонь на горячий лоб Андрея, она пожелала ему скорейшего выздоровления.

Странно, но это мимолетное прикосновение отозвалось во всем теле волной исцеляющей радости и надолго сохранилось в памяти. Подобной встречи с врачом у него еще не случалось.

2

Прошло несколько дней. Придя в поликлинику, чтобы закрыть бюллетень, Андрей занял очередь к своему участковому врачу. Рядом с ним в ожидании приема сидели и судачили мужчины и женщины. Так Андрей узнал, что его врача зовут Инной Георгиевной, что она только что закончила институт и потому опыта у нее всего ничего, хотя нужно отдать должное — к больным очень внимательна.

Эта вторая встреча к досаде Андрея была скоротечной. Андрей вообще редко болел, а перенесенный грипп и за болезнь не считал. Ему хотелось перекинуться с Инной Георгиевной парой ничего не значащих слов. Но сестра, приоткрыв двери, уже позвала: «Следующий!»

Дома Андрей поделился с матерью своими впечатлениями об участковом терапевте. Мать, помедлив, сказала:

— Да уж, наши женщины особым доверием к ней не расположены — очень уж молода. Да и доверчива не в меру, характером, видать, слабовата. А я так думаю, она большое несчастье пережила. Или беда у нее какая.

— С чего ты взяла? — удивился Андрей. — Первый раз видишь человека и сразу такие выводы.

— Да так мне кажется. Глаза у нее такие...

И вот однажды вечером, когда, придя с работы, Андрей вместе с матерью сидел на кухне за ужином, раздался звонок в двери квартиры. Открыв, к своему немалому удивлению и радости он увидел Инну Георгиевну.

— Здравствуйте! — протяжно произнесла она. — А я к вам по делу, если можно.

— Да, да, проходите, пожалуйста!

Мать, выглянувшая из кухни, предложила:

— Инна Георгиевна, дорогая, ужинать с нами за компанию.

— А что, знаете, я, пожалуй, не откажусь, — согласилась Инна Георгиевна. — День у меня сегодня был прямо сумасшедший, перекусить было некогда.

Голос у нее был протяжный, певучий.

Ела она с отменным аппетитом, не протестовала, когда мать подкладывала ей новые порции солнечно-яркого омлета или шипящие, прямо со сковороды, оладьи. Она довольно легко управилась с бокалом сливок, в который входило поболее двух стаканов. При этом Инна Георгиевна с неподдельным интересом слушала все, что ей рассказывали. Охала, ахала, покачивала головой. Но когда Андрей стал расспрашивать о ее работе в поликлинике, она сразу потускнела, отвечала неохотно, чаще отделяясь односложными «да» и «нет». У Андрея создалось такое впечатление, что Инна Георгиевна не испытывает особой любви к своей профессии. Это немного разочаровало его. Он-то свою работу не променял бы ни на какую другую.

Когда с ужином было покончено, Инна Георгиевна сказала:

— Теперь я должна объяснить, зачем пришла. Вы с Кучиным Матвеем Родионовичем знакомы?

— Нет, — ответил Андрей. — Кто это?

— Пенсионер. Заслуженный изобретатель. Живет через два дома от вас, — Инна Георгиевна помолчала, придавив свои губы пальцем. — В тот день, когда я побывала у вас (помните?), я сначала зашла к нему... впервые.

Ее зеленые, увеличенные стеклами очков глаза, не мигая, смотрели на Андрея, смотрели с такой добротой, с таким вниманием, что он и сам загляделся в них, почувствовал несвойственный ему прилив нежности, если не сказать большего.

— Знаете, когда я вошла к нему в квартиру, — доверительно продолжала Инна Георгиевна, — я была поражена: не квартира, а какая-то радиомастерская.

— Стало быть, старче продолжает изобретать, — заметил Андрей.

— Вот именно, вот именно! А что ему еще делать при его-то одиночестве? Ни жены, ни детей. И, видимо, пого-

ворить по душам не с кем. Ах, видели бы вы, как он мне обрадовался. Не как врачу, а просто, как человеку.

— Да, вы у нас такая, — от раковины, в которой она мыла посуду, отозвалась мать Андрея. — Такой, как вы, все, как на духу, выложишь.

— Н-не знаю... — неуверенно возразила Инна Георгиевна, — ничего подобного за собой до сих пор не замечала. Да, так вот о Матвее Родионовиче. Вы же знаете, каково приходится настоящему изобретателю. Вот, видно, он и замкнулся. И со мной-то... каждое слово из него вытягивать приходилось, — Инна Георгиевна вздохнула, все не сводя глаз с Андрея. — Но что бы он ни изобретал, его всю жизнь преследовала странная, навязчивая идея: создать такой луч, с помощью которого можно было бы охлаждать предметы на расстоянии. И вот уже более тридцати лет пытается он решить эту непонятную задачу. Тридцать лет — это же целая жизнь! А зачем охлаждать? Какой в этом смысл? Ну, скажем, луч лазера, который может все испепелять на своем пути, я еще понимаю. Но охлаждать...

— Действительно, — покачал головой Андрей. — Мания какая-то.

— Нет, — с неожиданной горячностью возразила Инна Георгиевна, — и вовсе не мания! Он уже построил такой аппарат. Правда, охлаждение получается очень слабое, но все равно это уже успех. И знаете, как он его назвал? Магнитный мазер.

Андрей озадаченно откинулся на спинку стула.

— Вот даже как? — пробормотал он. — Любопытно...

— А когда я пришла к вам, я на вашем столе увидела расчеты, а на них то же самое слово — магнитный мазер. Конечно, в технике я полнейшая дилетантка, но такое совпадение... посудите сами.

— Так что же вы от меня хотите?

Инна Георгиевна впервые опустила глаза и с минуту молчала.

— Меня взволновала не сама идея, Андрей Лаврентьевич. И даже не странное совпадение ваших поисков. Тридцать лет идти к одной цели... Я знала, что такое бывает, а вот воочию увидела впервые. Не знаю, почему меня поразило это. Я еще и себе не могу объяснить. Понимаете, Андрей Лаврентьевич, мне вдруг стало тревожно. Хожу, работаю, с людьми разговариваю, а сама ловлю себя на том, что сидит в голове, как заноза, этакое смутное, беспо-

койное, такое, чего прежде не было. Что бы это могло быть, Андрей Лаврентьевич?

Андрей пожал плечами.

— Знаете что, Андрей Лаврентьевич, давайте заглянем к Матвею Родионовичу? Прямо сейчас. Доставим старику удовольствие.

3

Андрей ожидал увидеть изнуренного болезнями худого сгорбленного старичка, а перед ним оказался плотный широкоплечий здоровяк, годы которого угадывались лишь по седым космам, по мешкам под глазами да глубоким морщинам на лице. Одет он был в выцветший, некогда синий хлопчатобумажный рабочий костюм с множеством карманов и пуговиц. Пуговицы все были разные и пришиты разными нитками — какие, видно, под руку попадались.

— Ба, вы! — загудел он, увидев Инну Георгиевну и словно не замечая Андрея. — Какими ветрами? Вызова я вроде не делал.

— Да вы хоть в комнату пригласите, — пропела Инна Георгиевна.

Андрей удивленно хмыкнул: действительно, не квартира, а смесь электротехнической мастерской и слесарки. И как только домоуправление мирилось с таким использованием жилой площади! Рядом с дряхлым диваном, который, судя по всему, служил Кучину и кроватью, стоял обитый жестью верстак с большими слесарными тисами и настольным сверлильным станком. Над верстаком на стене, там, где положено красоваться какой-нибудь картине, была закреплена фанерная доска с набором гаечных ключей.

К верстаку примыкал вместительный сервант, забитый, однако, не посудой, а измерительными приборами, коробками с датчиками, мотками проволоки, конденсаторами... Вдоль противоположной стены выстроились распределительный щит, ящик с криогенной аппаратурой, баллон с кислородом, трансформатор, станок для намотки катушек. А чуть поодаль, почти у самого окна, на высокой треноге стоял аппарат, накрытый простыней, не очень чистой, с большими заплатами.

— Матвей Родионович, знакомьтесь, — торжественно провозгласила Инна Георгиевна, — это Андрей Лаврентьевич. Он увлечен теорией магнитного мазера и я думаю...

— Раззвонила, не удержалась, — насупился Кучин. — Эх ты, сорока! Да ты кого ко мне привела? — он снисходительно покосился на Андрея. — Он же вроде тебя, еще только листочки выпускает. Давно ли из института? Года два? Видишь, так и есть. Ну, да ладно, садитесь, я вас чайком с конфетками побалую.

— Благодарю, — сухо ответил Андрей. — Мне спать пора. Меня мама ждет. Только, между прочим, при цилиндрическом соленоиде вы плотного луча не получите, — и повернулся к Инне Георгиевне, — вы идете или остаетесь?

Кучин удивленно воззрился на Андрея, потом перевел глаза на аппарат у окна, понял, что выступающие витки соленоида, точно ребра отощавшего человека, позволили юному гостю точно угадать конструкцию излучателя.

— Стоп, юноша, стоп! — Кучин схватил Андрея за рукав. — Садитесь, прошу.

Он свободной рукой указал на стол, накрытый обшарпанной клеенкой. Андрей собрался было запротестовать, но почувствовал на себе умоляющий взгляд Инны Георгиевны. Она села рядом с ним, касаясь его плечом.

Матвей Родионович разыскал в шкафу бумагу, шариковую ручку, положил все это перед Андреем и сам сел напротив.

4

Возвратившись домой, Андрей признался себе, что это был счастливейший вечер в его жизни. Нет, не только потому, что его робкие теоретические исследования перекликались с замыслами Кучина и уже в этой, первой модели аппарата проглядывали материализованным воплощением его идей. Главное заключалось в том, что рядом с ним весь этот вечер была удивительная женщина. И хотя в амурных делах Андрей не был новичком, но тут было что-то совсем другое, неожиданное.

Теперь он с нетерпением ждал очередной встречи, но Инна Георгиевна, заменяя заболевшего врача, работала по две смены и Андрей не решался назначить ей свидание, зная, что она устает, не в пример ему.

Она появилась сама в субботу утром.

— Я за вами, — прямо в дверях заявила она, — я целую вечность не была у Матвея Родионовича. Что там у него?

Андрей пожал плечами. Инна Георгиевна укоризненно поглядела на него, но ничего не сказала.

...На треноге стоял совсем другой аппарат. Да, следовало отдать должное Кучину — руки у него были золотые. Андрей подивился тому высокому мастерству, с которым была изготовлена каждая деталь. Параболическое зеркало, делавшее аппарат похожим на модель радиотелескопа, мощный конический соленоид, криогенный генератор, пульт управления — все это было продумано до мелочей, сконструировано с поразительной рациональностью, все блестело, все радовало глаз своими формами.

— Испытывали? — поинтересовался Андрей.

— А как же! Совсем другое дело, Андрей Лаврентьевич. До минус ста восьмидесяти доходит. Чуете, мой юный друг? Мы же на такой уровень выходим, какой и фантастам не снился.

— А на чем пробовали?

— Да на всем, что под руку попадало: утюг, кастрюля, кирпич со двора притащил.

— Кастрюля пустая была? — неожиданно вмешалась Инна Георгиевна.

— Не с супом же, — отшутился Кучин.

— А если с водой?

Кучин озадаченно покачал головой.

— Действительно, — он развел руками, — как это мне в голову не пришло?

— Я сейчас принесу.

Инна Георгиевна отправилась на кухню, загремела кухонской посудой, послышался шум воды из-под крана. С кастрюлей, наполненной до краев, она возвратилась в комнату. Кастрюлю водрузили на металлическую пирамиду и отодвинули в угол комнаты.

Кучин включил аппарат, нацелил его на кастрюлю. Раздался щелчок тумблера и поверхность кастрюли почти мгновенно покрылась инеем. Но поверхность воды, которая хорошо была видна Андрею, не претерпела никаких изменений.

— Неужели не замерзла? — удивился Андрей.

— У меня в кладовке трубки, — сказал Кучин, — выберите подлиннее и согните конец.

Углом стальной трубки Андрей дотянулся до кастрюли, спустил его на поверхность воды. Вода была твердой! Послышался стук металла о металл.

— Опрокиньте ее, — подсказал Кучин, — только чтобы не скатилась.

Андрей поймал за ручку кастрюлю, долго таскал ее из стороны в сторону, прежде чем она легла на бок. Вода не вылилась, хотя оставалась по-прежнему прозрачной и сквозь нее просматривалось даже дно кастрюли.

— Вот так диво дивное, — проворчал Кучин, — похоже, мы начинаем ниспровергать законы природы. А ну-ка, выключим.

В то же мгновение вода хлынула из кастрюли на пол, брызгами обдала Андрея и Инну Георгиевну, лужами разошлась в стороны.

— Как странно, правда? — Инна Георгиевна прижала ладони к пылающим щекам. — И, мне кажется, я начинаю догадываться, в чем тут дело. Да, да, не смейтесь, Матвей Родионович. Вот сейчас убедимся.

Она снова исчезла на кухне и появилась на этот раз с литровой бутылкой из-под кефира, наполненной по самое горлышко. Бутылку и металлический замок для нее Инна Георгиевна протянула Андрею.

— Закройте, пожалуйста. Покрепче, намертво.

— Ну, ну, давайте, — согласился Кучин.

Андрей поставил бутылку на пирамиду.

— Поберегите глаза, — предупредил Кучин. — Как бы стекло не разлетелось по комнате. В воде-то сами знаете какая силенка, стальные трубы от легкого морозца рвет, а тут минус сто восемьдесят. Шандарахнет гранатой.

Раздался щелчок переключателя, красной искоркой вспыхнула сигнальная лампочка. Бутылка тотчас же оделась в белую пушистую шубу из инея. Но... осталась целой.

— Это уж совсем черт знает что, — Кучин даже сел на стул. Но тут же вскочил и опрокинул головку тумблера. Лампочка погасла, точно по волшебству исчез иней с бутылки. Сама же бутылка стояла целехонькой и невредимой, наполненная прозрачной водой.

— Я поняла! — закричала Инна Георгиевна. — Я все поняла! Вы даже не представляете, какое сделали открытие. Ай-яй-яй!

Прижав ладони к щекам, она затрясла головой.

— Поделитесь с нами, неучами, своими эвристическими соображениями, — снисходительно кривя губы в усмешке, прохрипел Кучин. — Вы только взгляните на эту даму, Анд-

рей Лаврентьевич, — сияет, как киловаттка. Что такое пришло в вашу милую головку, Инна Георгиевна?

— Завтра... завтра... завтра... — залепетала Инна Георгиевна. — И, ради бога, не смейтесь надо мной, Матвей Родионович! Нет, нет, провожать меня не нужно, — взглянула она на Андрея.

Андрей озадаченно взирал на захлопнувшуюся за ней дверь.

5

На следующий день в квартире Барминых она появилась только в девятом часу вечера. В руках ее была закрытая картонная коробка, в каких обычно продают кастрюли-скороварки. От ужина она отказалась и даже не присела, хотя вид у нее был утомленный.

По дороге к Кучину Инна не доверила коробку Андрею, несла ее бережно и шла чуть поодаль от него. На все распросы улыбалась загадочно и виновато.

Кучин открыл двери заспанный, хмурый.

— Торт, что ли, принесла? — увидев коробку в руках Инны Георгиевны, пошутил он. — Так мой день рождения уже прошел.

— Еле выпросила, — пропела Инна Георгиевна и прошмыгнула мимо Кучина в комнату. — Еще повезло, что на знакомых ребят угодила, на моих бывших однокурсников.

Она положила коробку на стол и раздвинула крышку.

— Вот!

Андрей, заглянув в коробку, увидел пушистого хомячка, испуганно таращившего на него бусинки глаз. Матвей Родионович только развел своими лапищами.

— Ну, ты даешь, Инна Георгиевна! С живностью-то экспериментировать нам вроде и не пристало. Как ты на это смотришь, Андрей Лаврентьевич?

Андрей не ответил, он смотрел на Инну Георгиевну, пытаясь понять, что с нею происходит. От него не укрылось несвойственное ей возбуждение.

— Готовьте аппарат, Матвей Родионович, — взмолилась она. — Ну, пожалуйста! Это очень, очень важно. Да вы же и сами все понимаете. Включайте же!

Кучин, сокрушенно мотая головой, направился к аппарату. А Андрей помог Инне Георгиевне устроить зверька на металлической пирамиде. Хомячок, предоставленный самому себе, принялся обнюхивать металлическую опору

под своими лапками, осторожно передвигаясь вдоль ее краев.

— Включаю! — послышался голос Кучина.

Хомячок вдруг замер. Ничего особенного, казалось, с ним не произошло. Все так же поблескивали бусинки его глаз, смешно топорщились усики. И только слабое искрение инея на шерстке свидетельствовало о том, что животное обратилось в мертвый и холодный комочек льда.

Сколько прошло времени после включения мазера, никто из троих сказать бы не смог, так велико было впечатление от этого необычного зрелища.

— Хватит же, хватит! — первой не выдержала Инна Георгиевна.

Щелчок тумблера, — и мертвый кусочек льда тотчас же ожил, как ни в чем не бывало хомячок продолжил исследование площадки.

Кучин плюхнулся на стул, замотал головой. Инна Георгиевна стояла, закрыв лицо ладонями, рот ее был открыт, плечи опустились, сжались.

— Инна Георгиевна, — шепнул Андрей, — что с вами?

Она вдруг бросилась к нему, спрятала голову на его груди, и он ощутил, как мелко вздрагивает все ее тело.

, 6

Андрей остался сидеть на скамейке во дворе клиники, пока Инна Георгиевна относила хомячка. Она появилась, когда на улице уже стемнело и зажглись фонари.

Он взял ее под руку, крепче прижал к себе. Она быстро взглянула на него, но ничего не сказала и не отстранилась. Очутившись в тени тополей, там, где не было ни души, Андрей повернул ее к себе лицом.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал он. Тогда она осторожно отстранилась.

— Я знала, что услышу от тебя это, — шепнула она, — но не думала, что так скоро.

— И что же ты ответишь мне?

Вместо ответа Инна Георгиевна сняла очки.

— Ты знаешь, что это такое?

— Очки.

— Это минус семь с половиной. Видишь ли, Андрюша, какое дело, в моей семье из поколения в поколение идет беда. Моя бабушка ослепла в пятьдесят два, а мать в три-

дцать девять. Слепота наступает медленно, но неотвратно. Тебе нужна слепая жена?

У Андрея медленно холодело внутри.

— Ты шутишь... — пробормотал он.

— Родной мой, такими вещами не шутят. Я же медик, немного смыслю в том, о чем говорю. Идет наследственное отмирание зрительных нервов. Почему — современная медицина не знает. И помочь бессильна. Вот такие-то у меня дела, Андрюша...

Инна Георгиевна снова надела очки.

— Теперь я могу рассказать тебе и другое. Со своей неотвратимой слепотой я смирилась. Но вот мне угрожает новое несчастье, куда более страшное. Как ты думаешь, хороший я врач? Не отвечай, я сама тебе скажу: никудашный. Более посредственной студентки у нас на курсе не было. И дело было не в слабом зрении, а в моей инертности, моем равнодушии к выбранной профессии.

— Да ведь ты наверняка преувеличиваешь, — запротестовал Андрей, — бог знает, что на себя наговариваешь.

Инна Георгиевна вымученно улыбнулась.

— Преподаватели, знавшие о моей обреченности, жалели меня, тянули с курса на курс. Жалость... Как это противно! А я смирилась с мыслью, что как-нибудь дотяну до инвалидности, — Инна Георгиевна поежилась. — И вот появился ваш магнитный мазер... Сначала меня поразила преданность Матвея Родионовича своей идее. Рядом с ним я по-настоящему ощутила себя пустым и никчемным человеком. Ох, как мне стало страшно, Андрюша! Потом... кастрюля с водой. С нее-то все и началось. Вода, вода, вода! Меня словно снежной лавиной подхватило, завертело, понесло. Я вдруг вспомнила все, что где-то и когда-то слышала о попытках заморозить человека с тем, чтобы спустя много лет снова возвратить его к жизни. Все они были обречены на провал. Живая клетка состоит в основном из воды. А замерзая и приобретая кристаллическую структуру льда, вода увеличивается в объеме, рвет мембраны, разрушает всю конструкцию клетки. Заморозив теплокровное существо, исследователи обрекали его на верную гибель. Эксперименты в этом направлении давно прекратились. Ты слушаешь меня, Андрюша? Я сама не понимаю, почему мне все это сразу пришло на ум, лишило меня покоя, совершенно выбило из колеи... — Инна Георгиевна помолчала, тиская в руках свою сумочку. — Я ведь что сообразила: мазерный луч не замораживает воду в обычном понима-

нии, он превращает ее в какое-то особое состояние, не нарушая свойственных ей молекулярных связей. Как и что при этом происходит — объяснят со временем физики. Я же точно уяснила: вот он — способ замораживания человеческого тела при полном сохранении всех тканей. Хомячок подтвердил мою догадку. Мы, все трое, оказались у истоков чудеснейшего открытия. Ты слышишь, Андрюша, — открытия!

Она ткнулась головой в плечо Андрея, замерла на минуту.

— Ну что ж, — сказал Андрей, перебирая ее волосы, — нам остается поздравить друг друга и во всеуслышание заявить о нем.

Она сразу отстранилась, уставившись в его лицо немигающими глазами.

— И тогда оно перестанет быть нашим открытием, — тихо произнесла она. — Наши эксперименты продолжают более компетентные в этом люди.

— Да кто же лишит тебя права участвовать в этих экспериментах? — поднял голос Андрей. — Человек почувствовал в себе такие силы...

— А кто примет всерьез самую посредственную посредственность? Я должна буду на деле доказывать, чего стою. Но пока я это сделаю, я окончательно ослепну. И это будет конец, Андрюша.

Теперь он все понял и содрогнулся. Ему раскрылась такая человеческая трагедия, которая и в дурном сне не привидится. А какими словами сможет он выразить свое участие? Любое слово в его устах прозвучит сейчас фальшью.

Взяв ее за руки, Андрей сказал:

— Сегодня мать испекла пироги с яблоками, а она на это дело великая мастерица. Она наказала, чтобы я без тебя не появлялся. Давай забудем пока все тревоги, сядем за стол и решим, когда нам сыграть свадьбу. Я ведь от тебя все равно не отступлю, учти.

— Нет, Андрюша, — Инна Георгиевна ответила сухо и решительно, что было ей совсем не свойственно, — сегодня мне нужно побыть одной и крепко подумать. У меня просто нет времени на пироги, я и так многие годы растратила впустую. Хватит с меня. Извинись за меня перед своей мамой. И, пожалуйста, не провожай меня.

— Может быть, я все-таки смогу помочь тебе?

Инна Георгиевна отрицательно покачала головой.

— Нет, это сделать я должна сама. Сама, Андрюша! Я позвоню тебе, когда захочу встретиться. А пока... прощай.

7

Времени было за час ночи. Андрей увлеченно работал над своими расчетами, когда раздался телефонный звонок. Он бросился к аппарату в полной уверенности, что услышит голос Инны Георгиевны.

Но, к удивлению своему, услышал голос Кучина.

— Я звоню из больницы, — сказал Матвей Родионович. — Попал сюда по милости нашей обожаемой Инны Георгиевны. Сердечко у меня не ко времени забуксовало. Но вот выяснилось, что можно было бы и дома отлежаться. Так нет же, эта милая женщина вызвала «скорую» и уpekла меня на казенные харчи.

— И правильно сделала, — улыбнулся Андрей. — В больнице за вами хоть уход будет, лечение.

— Да обо мне что ли речи! — вспыхнул Матвей Родионович. — Я аппарат не догадался обесточить.

— Но при чем тут аппарат?

— До чего же вы недогадливы, Андрей Лаврентьевич... Я убежден, что Инна Георгиевна с умыслом спроводила меня в больницу. Вы-то, по крайней мере, видели, что с нею происходит? Короче говоря, я прошу вас прогуляться до моей квартиры. Сейчас, немедленно! А на тот случай, если дверь окажется замкнутой изнутри, прихватите с собой отвертку. Замок у меня такой, откроется.

Теряясь в догадках, Андрей принялся за поиски отвертки. Потом ему пришлось успокаивать проснувшуюся мать.

Увидев свет в окнах кучинской квартиры, Андрей уже не на шутку встревожился. Он не представлял, что может там делать Инна Георгиевна, какая опасность ей угрожает. Он только холодел от самых дурных предчувствий.

Андрей взлетел по лестнице, всем телом ударился в дверь. К его неожиданности дверь оказалась незапертой и легко распахнулась. Он во всю длину растянулся в прихожей. И услышал над собой испуганный возглас — в дверях комнаты стояла Инна Георгиевна.

Потирая ушибленные колени, прихрамывая, он последовал за ней в комнату. Там горела единственная, свисав-

шая с потолка лампочка. Только теперь при ее свете Андрей с удивлением увидел, что на Инне Георгиевне рабочий кучинский костюм, непомерно великий, свисающий, как с жердочки. Штанины волочились за нею по полу. Ее платье, сорочка, колготки и лифчик сушились на спинке дивана.

Ничего не соображающий Андрей, молча смотрел на женщину.

— Как хорошо, что ты пришел, — облегченно вздохнула Инна Георгиевна. — Если бы я еще час-два осталась наедине...

— Что ты здесь делала?

Женщина, счастливо потягиваясь, прошла по комнате.

— Я провела еще один эксперимент. Решающий.

— Ты работала с аппаратом? Значит, Матвей Родионович не напрасно беспокоился. Но где же...

Оглядев комнату, Андрей не увидел ни знакомой коробки с хомячком, ни чего-либо другого, на чем Инна Георгиевна могла бы испытывать мазер. Единственное, что снова и снова мозолило глаза Андрею, так это стул, одиноко стоявший посреди комнаты, да очки, валявшиеся подле его ножек.

До сознания Андрея постепенно доходил смысл происходящего.

— Неужели... ты... — пробормотал он срывающимся голосом.

— Да, Андрюша, да! — пропела Инна Георгиевна. — Я должна была сделать это. Как же мне еще доказать свою причастность к нашему открытию? Я получила такие результаты, которые позволят мне распахнуть двери в настоящую науку. О, остановить теперь Инну Подшивалову будет куда как непросто!

— Но как же ты... смогла... одна?

— Ох, Андрюша, ты даже не представляешь, чего мне это стоило. Я думала с ума сойду, пока разберусь в принципе действия мазера. Хорошо, меня электрики из нашей поликлиники консультировали, реле изготовили, чтобы включение и выключение происходило автоматически. А присоединять-то реле мне самой пришлось, позвать-то сюда я никого не могла, сам понимаешь. Я последние ночи спать разучилась, — Инна Георгиевна счастливо засмеялась. — Одного я, правда, все-таки не учла, — она за карманы развела в стороны висевшие на ней штанины кучин-

ского костюма, — мне следовало раздеться. После выключения все на мне промокло до нитки.

На минуту воспаленное воображение Андрея нарисовало мрачную картину: любимая им женщина мертвым ледяным изваянием застыла на стуле. Ее одежда, волосы, очки покрылись инеем...

А если бы отказало это самодельное реле?

Андрей обессиленно плюхнулся на стул, одиноко стоявший посреди комнаты. Под его ногами хрустнуло стекло.

— Мои очки! — ахнула Инна Георгиевна.

Они одновременно нагнулись за пустой оправой. И стукнулись лбами — да так, что Андрей крикнул, а Инна Георгиевна громко вскрикнула. Андрей впервые увидел, как она хохочет, всплескивая руками, запрокинув голову и раскачиваясь из стороны в сторону.

Вдруг она сразу осеклась, ее глаза, устремленные на Андрея, раскрылись широко и зачарованно.

— Андрюша! — она схватила его за руки. — Я же и без очков...

— Что? — перепугался Андрей.

— Я все отлично вижу. Ты подумай только — без очков!

Они поднялись на ноги. Андрей не выпускал ее рук, словно боялся, что неведомая сила подхватит и унесет ее.

— Какие необъятные возможности, — проговорила Инна Георгиевна. Глаза ее смотрели на Андрея, но тот понял, что она не видит его. — Целый мир неведомого... И впереди теперь вся жизнь.

Ее глаза снова увидели Андрея.

— И вместе, да? — шепнула она.

СВЕТОВОЙ ТОРНАДО

1

Они жили в одном доме. В детстве вместе гоняли мяч во дворе, учились в одной школе. В один год кончили университеты — Виктор столичный, а Марк в своем городе, самый что ни на есть провинциальный. Однако работать начали на одной и той же кафедре физики в политехническом институте. За последующие четырнадцать лет они обзавелись семьями, еще более сблизились, сообща ездили отдыхать к морю, вместе отмечали праздники и дни рождения.

Виктор Николаевич Потапов рано располнел, его шевелюра изрядно поредела, но зато вся его внешность стала солидной, внушающей почтение. Он защитил кандидатскую диссертацию и теперь работал над докторской.

Что касается Марка Юрьевича Залесского, шутника и балагура с постоянной блуждающей улыбкой на смуглом лице, то в нем и по сей день сохранилось еще много мальчишеского. В первый же год его работы в институте заведующий кафедрой сказал ему:

— Диссертацию вы не потянете, Марк Юрьевич. Характер у вас, знаете, какой-то несерьезный, взбалмошный, что ли. А тут, знаете ли, надо зубами вгрызаться. Так что не обижайтесь, в аспирантуру я вас рекомендовать не стану. Нет смысла.

Марк пожал плечами, поулыбался виновато.

Так он и остался рядовым преподавателем, безропотно подменяя заболевших коллег. Или уехавших на стажировку. Или освобожденных для доколачивания диссертации. Само собой, он не освобождался при этом от собственной учебной нагрузки.

И, конечно, никому в голову не приходило, что эта кафедральная затычка на все случаи жизни болезненно переживает свое вынужденное топтание на месте. Каждая защищенная на кафедре диссертация ранила Марка в самое

сердце, ибо в каждую диссертацию был вложен и его труд — он стеснялся отказываться, когда его просили помочь в экспериментах, чертить графики, плакаты, диаграммы. А слушая защиту, вздыхал: многое мог бы сказать лучше, убедительнее.

И втайне надеялся, что ему все-таки предложат заняться диссертацией. Вот уж он тогда покажет себя, он тогда развернется! Однако годы шли, а никто ему ничего не предлагал. Обида горькой оскоминой терзала его честолюбие и, дабы притупить боль, он принимался строить воздушные замки, воображать себя первооткрывателем, автором блестящих научных трудов. Мальчишеские пустые мечты...

2

Случилось так, что ему поручили помогать в экспериментах своему другу Виктору Николаевичу Потапову. Конечно же, он должен был отказаться, а получилось, будто сам напросился. По крайней мере, заведующий кафедрой, подбирая Потапову помощников, по-своему истолковал улыбку на лице Марка: видно, она показалась ему заискивающей и просящей.

...В небольшой комнате с помощью лаборантов установили творение Виктора — сложнейшую установку для исследования взаимодействия лазерного луча со сверхплотным электростатическим полем. Основную серию экспериментов Виктор по-дружески свалил на Марка, сам же появлялся, чтобы забрать результаты и о помощи того же Марка обработать их на ЭВМ.

За два года ничего не добились. С тайным удовлетворением Марк убеждался, что оправдываются его предположения, только вслух о них помалкивал. Виктор явно сел не в свои сани.

А на третьем году произошло событие, чуть было не перевернувшее всю жизнь Марка. Но... видно уж на роду ему написано — оставаться неудачником.

Этот день начался обычно: Марк пришел в лабораторию на час раньше, чтобы подготовить установку к очередному эксперименту. Однако Виктор почему-то задерживался, и Марк терпеливо ждал его.

Появился Виктор с кислой физиономией.

— У ректора был, — промямлил он. — Звонили, понимаешь ли, из хирургической клиники. У них ЧП — предстоит

срочная операция на мозгу с помощью лазера. И оказалось, что тот, который у них есть, не подходит по своим параметрам. Каким-то образом пронюхали про наш лазер.

— И что же ты?

— А что я? — развел руками Виктор. — Откажи попробуй, завтра же на весь город негодяем ославят. Короче говоря, снимай аппарат, сейчас за ним придут.

Марк собрался запротестовать: ведь повторная установка лазера потребует заново произвести всю регулировку системы. А это две-три недели работы. Но, спохватившись, промолчал, побоялся, что Виктор упрекнет его в нежелании продолжать ничего не обещающие эксперименты. Которые, если говорить начистоту, весьма и весьма осточертели Марку.

3

Оставшись в одиночестве подле бездействующей и наполовину расхристанной установки, Марк присел на металлический вращающийся стульчик. И вдруг поймал себя на странной мысли: лишенная своего основного узла, установка выглядела гораздо привлекательнее, солиднее, что ли.

Марк встал, насвистывая и улыбаясь, обошел установку, касаясь рукой щетины отсоединенных проводов. Потом сделал шаг назад, критически оценивая творение своего друга. На правой стороне каркаса возвышалась массивная полусфера электростатического излучателя, а на противоположной — метровый квадрат интерферометра, полированная поверхность которого была словно царапинами покрыта бесконечно тонкими щелями для преобразования лучей света. И излучатель, и интерферометр предназначались для многократного повышения мощности луча лазера (чего, однако, увы, пока не происходило). Теперь же и полусфера и квадрат как-то многозначительно глядели друг на друга, что-то подсказывали Марку, чего-то требовательно ждали от него.

Да, вот так каждый раз, оставшись в одиночестве, Марк давал волю своему воображению. И черт знает, какие картины начинали громоздиться в его голове. Это в его-то годы и при его профессии! Он то мнил себя корифеем науки, то прославленным экспериментатором, непревзойденным апалитиком...

Вот и сегодня, взирая из заоблачных высот на творение

своего друга, Марк с какой-то болезненной остротой почувствовал, какой примитивной, какой безалаберной выглядит установка, предназначенная для решения важнейшей технической проблемы. Припомнилось бог знает когда читанное изречение Леонардо да Винчи: «Мой мускулолет не поднял меня в воздух потому, что он получился некрасивым...» Надо же! Полное совпадение с мыслями Марка: все настоящее должно иметь совершенные формы.

А уж о каком совершенстве можно говорить, глядя на примитивщину Витьки Потапова? Нет, тут бы все должно тревожить воображение, подсказывать неожиданные аналогии, например, с НЛО или машиной времени, во всяком случае с чем-то таким, что заворожило бы одним своим видом. Ведь вот стоит только сблизить излучатель с интерферометром, прежде разделенные лазером...

Марк даже хохотнул, такой удачной показалась ему эта мысль, пусть и нелепая с точки зрения Витьки Потапова, но как-то сразу захватившая Марка. Воровато оглянувшись на закрытые двери, он бросился к верстаку с инструментом.

Вооружившись гаечным ключом и все потешаясь над своей выдумкой, Марк принялся отсоединять излучатель от фланца. На это ушло добрых полчаса. Зато теперь полусфера получила возможность скользить по той раме, на которой до того крепился лазер. Достаточно приблизив излучатель к квадрату интерферометра, Марк замычал от восторга: установка сразу преобразилась, приобрела неведомое, фантастическое предназначение. Марк почувствовал приятное возбуждение, сейчас ему бы позавидовал сам Леонардо да Винчи. Свершилось великое таинство. Он впервые испытал подлинный прилив творческих сил, у него даже слегка закружилась голова. Взглянув на себя глазами Витьки Потапова, Марк расхохотался: ну и головомойку бы устроил ему дружок, увидев, во что тот превратил его научное творчество!

Присоединить провода к распределительным колодкам было делом нескольких минут. Затем, продолжая подогрывать свое разыгравшееся воображение, Марк нажал кнопку включения установки.

4

Его словно ударили по голове чем-то упругим и страшно тяжелым, разом выбив из нее все фантастические видения. Каменным истуканом Марк прирос к полу.

Метровый квадрат интерферометра сначала подернулся радужной мерцающей пленкой. Затем начал стремительно чернеть, словно на него посыпалась угольная пыль. И, наконец, исчез, превратившись в квадратное черное пятно. Нет, не в пятно, а в квадратную дыру, сквозь которую открывалась непроглядно черная бездна космического пространства.

Все это произошло в считанные доли секунды.

Марк долго и тупо смотрел на эту черную дыру, необъяснимую, невероятную реальность. Произошло такое, чего он не просто не мог предвидеть, но что вообще не могло произойти, ибо шло вразрез со всеми известными ему законами физики.

Обман зрения? Мираж? Бред?

Он поспешил выключить установку. В мгновение ока черная дыра поблекла, полыхнула разноцветными, сплетенными в змеинные клубки спиралями и... обернулась знакомым полированным квадратом интерферометра, исчерканным тонкими щелями.

Прежде чем снова включить установку, Марк дал себе время прийти в себя. Он был оглушен, растерян, сброшен с небес на грешную землю, впервые услышал, как стучит его собственное сердце. Но уже из самых тайников души поднималось в нем что-то горячее, радостное и тревожное.

Он долго не мог заставить себя снова нажать на заветную кнопку.

На месте интерферометра возникла уже знакомая ему черная дыра. Марк решительно приблизился к ней. Ужасаясь собственной безрассудности, но уже не в силах перебороть себя, он протянул к ней руку. Пальцы, едва пересекли границу темного пространства... исчезли! Он тотчас выдернул их обратно, пошевелил ими, оглядел каждый палец. Убедившись, что все они целехоньки, удовлетворенно покачал головой, поулыбался и, уже не колеблясь, снова погрузил руку в черноту пространства.

По мере движения руки исчезали ладонь... кисть... локоть. Наконец пальцы уперлись в металлическую поверхность интерферометра.

...Он посидел у пульта, подперев кулаком подбородок и все осмысливая происходящее. Он доказывал себе, что вполне спокоен, вполне все осмысливает. В действительности он с трудом подавлял в себе нервную дрожь, желание бежать к людям, призывать их в свидетели случившегося.

Но нет, он заставил себя остаться на месте, начиная осознавать, что судьба соблаговолила преподнести ему неожиданный, невиданный подарок. Он, Марк, стал обладателем такого сенсационного открытия, о каком не может даже мечтать президент Академии наук. Он разом станет на голову, нет, на три, на десять голов выше Витьки Потапова и иже с ним.

Марк нервно потер руки. Все! Точка! С этой минуты начинается новый Марк Залесский.

5

Теперь ему полагалось войти в роль подлинного экспериментатора, более глубоко заглянуть в суть своего открытия. Марк принялся отодвигать излучатель от интерферометра. Его предположения оправдались: по мере увеличения расстояния между полусферой и квадратом темное пространство стало разбухать, увеличиваться в объеме.

Приглядевшись, Марк убедился, что оно к тому же находится в движении, закручиваясь от квадрата интерферометра и постепенно расширяясь в сторону излучателя. Это напоминало своеобразный черный смерч.

Отодвигаемая полусфера излучателя зацепилась за головку одного из болтов на раме из-под лазера. Нетерпеливыми движениями Марк принялся дергать излучатель, пока тот, перескочив через головку болта, по инерции не пролетел мимо Марка.

Чернильно-черная непроглядная тьма накрыла его так неожиданно, что он невольно содрогнулся. В лицо ему пахнуло холодом небытия. Безотчетный животный страх метнул его прочь от установки, туда, где был солнечный свет.

Зацепившись за кабель, Марк грохнулся на пол. Не ощущая боли, вскочил в крошечной мгле, шаря вокруг себя вытянутыми руками, точно человек, внезапно потерявший зрение.

На его счастье, под ногами снова оказался кабель. Спасительная мысль заставила его опуститься на карачки и, перебирая руками по кабелю, добраться до установки. Припав грудью к поверхности пульта, он дрожащими пальцами нащупал заветную кнопку.

Солнечный свет ослепил его.

Теперь он в полной мере смог оценить возможности своего нечаянного открытия, на собственной шкуре испытав воздействие черного смерча. Пожалуй, это не менее страшно, чем атомный взрыв. А может быть, и пострашнее. Там еще есть надежда найти укрытие, а тут беспощадная, намертво окутывающая тебя тьма.

Тьма, гасящая свет...

Что же, собственно, при этом происходит?

Съжившись на стульчике, Марк сделал попытку осмыслить скрытые пружины своего открытия.

Итак, свет.

Что есть свет?

Это поток частиц, не имеющих массы и обладающих свойствами волны. Мы видим окружающий нас мир лишь потому, что он озарен светом. И наш глаз четко отличает предмет от предмета, поскольку каждый из них излучает собственный или отраженный свет.

А ведь во всем этом вопиющее несоответствие элементарной логике событий. В самом деле, частицы света (поскольку это все-таки частицы!) обязаны взаимодействовать между собой подобно тому, как взаимодействуют любые другие беспорядочно движущиеся частицы. Или любые другие волны. Короче говоря, в каких-то местах пространства световые лучи должны были бы усиливать друг друга, а в других, наоборот, ослаблять или гасить вовсе. В итоге все окружающее нас пространство должно было бы представлять сплошной хаос, сплошную мешанину из световых частиц-волн, полностью лишая человеческий глаз возможности видеть.

Между тем ничего подобного не происходит. Мы различаем каждый листик на дереве и каждое дерево в лесу. Мы видим каждого муравья в муравейнике и каждого микроба под объективом микроскопа. Природа, как всегда, проявила величайшую мудрость, запретив взаимодействие пересекающихся световых лучей.

Но вот появился ЧЕЛОВЕК с его непрерывно растущей мощностью разума. Ему стали подвластны сверхпроводимость, сверхтекучесть, сверхтвердость. Он научился создавать вещества, каких не знает природа. Им созданы квантовые генераторы и сверхплотные электростатические поля.

А теперь этот арсенал НАДприродных достижений пополнится световым смерчем, торнадо, способным погрузить

мир в мертвую, непроницаемую тьму. И автором этого поистине фантастического средства стал прежде никому не известный заштатный преподаватель физики Марк Залесский.

7

С чувством человека, решившего сложнейшую математическую задачу, Марк взирал на преображенную им установку уже как на собственное детище.

Теперь следовало подумать о том, как возвестить людям о своем открытии.

И тут он увидел открытое окно. Оно выходило на одну из оживленнейших магистралей города. Мимо института почти сплошным потоком двигались легковые и грузовые машины, текла людская река. Шум от взывающих двигателей, от звяканья кузовов и плохо закрепленного груза часто мешал Марку читать лекции, особенно в теплые дни, когда вот так распахнуты окна.

Теперь у него появилась возможность продиктовать этой улице свою волю, заставить замереть среди ошеломляющей непроглядной тьмы машины и людей. Одновременно это станет его заявкой на авторство самого необыкновенного открытия.

Приподымая то один, то другой угол металлического каркаса, Марк принялся передвигать установку в сторону открытого окна. Это оказалось нелегкой работенкой. Каркас своими углами выворачивал плитки паркета, оставлял позади глубокие борозды. А потом пришлось еще освободить кабель от скобок на стене, иначе он не доставал до окна.

Устроив установку перед подоконником, Марк позволил себе передохнуть, хотя его познабливало от нетерпения. Он старательно вытер вспотевшие лицо и шею, поулыбался, потер руки.

Потом оглядел улицу в предвкушении ожидаемого эффекта.

И, уже не глядя, нажал кнопку.

Непроницаемая тьма скрыла от него все, что находилось за окном. И тут же по ушам его резанул слитный визг тормозов, прямо по сердцу ударили грохот сталкивающихся машин и скрежет раздираемого металла. Но самыми страшными были вопли людей, оказавшихся под колесами машин.

Все это ледяным отрезвляющим душем обрушилось на Марка. Он похолодел от ужаса перед содеянным, внезапно поняв, как бездумно и безответственно распорядился тем страшным средством уничтожения живого, которое судьбе угодно было вложить в его нерадивые руки. Он не помнил, как выключил установку. Возможно она выключилась сама. Ноги у него подкосились и он сел прямо на пол, вжавшись в угол комнаты, съежившись, обхватив голову руками.

У него не доставало мужества еще раз выглянуть в окно, чтобы полюбоваться на дело рук своих...

8

Остаток дня Марк провел, как в дурном сне. Он еще выполнял какую-то работу на кафедре, соглашался вместо кого-то прочесть завтра лекции, кому-то из студентов назначил день зачета.

Домой шел так, будто продирался сквозь вязкую среду.

С прилежным вниманием выслушал от жены ее служебные новости, вместе с ней поужинал, помог ей перемыть посуду, просмотрел газеты. Но все это словно делал не он, а кто-то посторонний, Марк же только наблюдал за этим посторонним.

И лишь очутившись в постели в полной тишине, позволил себе расслабиться, собраться с мыслями.

Итак, сказал он себе, судьбе было угодно одарить его величайшим открытием, которое безусловно может обесмертить его имя, сделать его самым известным человеком на Земле.

Однако он, Марк Залесский, подарок от судьбы принять не в состоянии. Страстно желает, так желает, что все в нем стонет и обливается кровью, но не может. Нечто более сильное и неодолимое встало между ним и световым торнадо.

Ведь если по совести, то это никому не нужное открытие.

Более того — в нем, в этом открытии, заложены самые губительные разрушительные начала. Нет, с него, Марка, достаточно и того, что произошло за окнами лаборатории. А ведь в те минуты сработала первая, примитивная модель светового торнадо. Со временем ее бы принялись совершен-

ствовать, постепенно превращая в средство, способное погрузить в темноту всю планету...

Нет уж, только не это!

Пусть все останется, как было. Он предпочитает и далее оставаться в роли кафедральной затычки на все случаи жизни.

Утром они встретились по дороге в институт.

— Которую ночь глаз не смыкаю, — пожаловался Виктор Николаевич своему другу. — С ума можно сойти...

— Что так? — удивился Марк Юрьевич.

— Да вот со своей диссертацией... Похоже, я в тупике оказался, не туда забрел. С каждым экспериментом все более в том убеждаюсь. Да ты и сам все отлично видишь. Разве не так?

— И... и что же теперь?

— А теперь разбирай установку к чертовой матери! — неожиданно вскипел Виктор Николаевич. — Чтобы глаза мои ее больше не видели! В утиль! На свалку!

«А вот он бы не отказался, — покосившись на друга, подумал Марк Юрьевич, — не стал бы заботиться о возможных последствиях, терзаться сомнениями...»

И еще раз вздохнул с облегчением.

...Установку он разбирал с яростным ожесточением, будто боялся, что Виктор может еще передумать, снова продолжить эксперименты и вместо Марка прийти к световому торнадо. Он не отсоединял, а рвал и резал провода, шоферской монтировкой отдирав платы с тончайшими печатными схемами, приводя их в полнейшую негодность.

Но более всего досталось интерферометру и излучателю, обошедшимся кафедре в копеечку. Марк исковеркал их выверенные до долей ангстрема поверхности.

И только когда у ног его образовалась груда изувеченных деталей, Марк Залесский вздохнул с облегчением. Со световым торнадо было покончено раз и навсегда.

А подойти к окну и выглянуть на ту самую улицу он так и не решился.

МАГНИТНАЯ ОПАСНОСТЬ

По дороге с завода домой Виктор Парамонович решил забежать в политехнический институт, чтобы договориться с Городиловым насчет преферанса, сообразить пульку по маленькой. Несмотря на свою полноту, он довольно бойко взбежал на четвертый этаж, миновал длинный коридор.

На дверях лаборатории, механиком которой работал Городилов, светилось красное табло: «Не входить! Опасно!»

Виктор Парамонович снисходительно пожал плечами. Ему не верилось, чтобы в стенах этого здания могло создаваться что-то путное, тем более в лаборатории с очень туманным названием «Магнитная проницаемость». Поэтому он решительно взялся за ручку двери, с тою же пренебрежительной снисходительностью отметив, что предупреждение на табло не вяжется с халатным отношением к двери.

Он оказался перед установкой, которой прежде на этом месте не было. Она походила на заводской пресс с поднятым пуансоном. Где-то в другом конце зала слышались голоса, гудели электрические машины. Виктор Парамонович постоял, надеясь, что на него обратят внимание. Не дождавшись, он просунул голову между тем, что напоминало ему пуансон и матрицу прессы.

— Го-о-ро-ди-лов! — позвал он негромко.

Голоса мгновенно смолкли. Первым к нему подскочил заведующий кафедрой, по внешности кавказец.

— Кто впустил? — заорал он на Виктора Парамоновича. — На тот свет не терпится?

— Куда же вы голову сунули? — трагическим шепотом, от которого у Виктора Парамоновича мурашки побежали по спине, проговорила полная женщина в синем халате. — Тут же полторы тысячи тесла!

Виктор Парамонович, не имевший ни малейшего понятия о «теслах», попятился. Четырехзначное число произвело на него, экономиста со средним техническим образованием, ошеломляющее впечатление.

Постепенно вокруг него сомкнулось кольцо людей в белых и синих халатах. Они все охали, разводили руками и всячески поносили Городилова, ответственного за закрытие дверей.

В это время появился и сам Городилов. В каждой руке его было по две бутылки кефира, но тем не менее, извернувшись, он умудрился повернуть за собой ключ в замке дверей.

— Вот, — радушно улыбаясь, пояснил он всем, — жена наказала. Сегодняшний, свеженький.

— Выгоню!!! — загремел заведующий кафедрой. — Распустились!!!

Тут и все остальные набросились на Городилова. О каком уж преферансе могла сейчас идти речь? Пользуясь тем, что всеобщее внимание перенесено на его карточного партнера, Виктор Парамонович выскользнул в коридор.

И почувствовал легкое головокружение. С минуту он постоял, давая себе успокоиться. Вот до чего же взвинтили человека своими дурацкими тесла! Ну, уж теперь он сюда ни ногой.

* * *

Неприятности начались в троллейбусе. Какая-то девушка уступила ему место. Несколько шокированный (ему все-таки было почти десять лет до пенсии), Виктор Парамонович тем не менее поспешил устроиться на освободившемся сидении. Это удалось ему с некоторым трудом, поскольку рядом оказалась весьма полнотелая дама.

«Ну и туша, упаси господи! — участливо подумал Виктор Парамонович о своей соседке. — Досталось же кому-то такое сокровище».

— Что-о-о?! — поворачивая к нему побагровевшее лицо с тройным подбородком, грозно протянула дама. — Что вы сказали? Я — туша? Ах ты хам этакий! Да ты сам г... воющее, недоносок паршивый! Да ты...

На Виктора Парамоновича словно кипятком плеснули. Он плохо помнил, как выбрался из троллейбуса, сопровождаемый проклятиями дамы и дружным хохотом пассажиров. Стоя на дрожащих ногах и вытирая обильно выступивший на лице пот, он слезно вопрошал себя: «Ну как же я мог? Ну как же я так забылся?»

Трудно было сыскать более мирное и безобидное существо, нежели Виктор Парамонович. За всю свою жизнь он и мухе зла не причинил, никогда ни с кем не ссорился —

ни с женой, ни с соседями, ни с сослуживцами. Любой мог найти у него сочувствие и рубль-два до получки.

Домой Виктор Парамонович добрался пешком, не рискуя более попасть еще в одно неловкое положение. Настроение его было испорчено. Уже поднимаясь по лестнице, он уловил тошнотворный запах жарившейся рыбы.

— Опять моя лахудра жарит треску, — мысленно возмутился он, открывая двери квартиры. — Чтоб ей треснуть вместе с этой треской.

Тут он в сердцах (но опять же мысленно!) присовокупил кое-что такое, чего (упаси господи!) никогда бы не позволил себе произнести вслух.

Из кухни выглянула жена. На рыхлом лице ее было такое выражение, будто вместо мужа в квартиру вполз гигантский осьминог.

— Ви-тень-ка-а-а!!! — простонала она, — да как же у тебя язык повернулся произнести такую гадость? Сколько лет с тобой прожили и ничего подобного я от тебя не слышала. Да как же ты мог, как ты посмел? И ты же всегда хвалил мою жареную треску. Ах, Витя, Витя...

И она, закрыв лицо клеенчатым фартуком, залилась слезами.

Виктор Парамонович, потрясенный до самых пяток, остался стоять каменным идиолом. Он тщетно пытался осмыслить случившееся, но в голове его образовалась сплошная пустота.

Объяснение с женой было сумбурным, но, слава богу, закончилось примирением.

* * *

На другой день, плохо выспавшийся после минувших передраг, Виктор Парамонович понес на подпись начальнику отдела составленные им сводки по отгрузке готовой продукции завода.

Почтительно наблюдая, как начальник, не читая, подписывает бумагу за бумагой, Виктор Парамонович не удержался, чтобы мысленно не злопыхнуть: «Что ни подсунь, все подмахнет. А вникать — усилий жалко. Как же, перетрудиться можно!»

— Вы в этом уверены?

Начальник откинулся в кресле и холодно, не без удивления, блеснул стеклышками своих огромных очков на самого покладистого сотрудника отдела.

— В-в-в че-чем, извините, именно? — заранее холодея, прозаикался Виктор Парамонович.

— Да вот насчет того, что я усилия экономя и перетруждаться боюсь? Что ни дай, все подмахну? Так, значит?

Пол покачнулся под ногами Виктора Парамоновича. Ах, если бы он мог провалиться сквозь землю, раствориться, исчезнуть в пространстве! Столько лет безупречной службы... Не только на собраниях, он и на перекурах не позволял себе вольных суждений о начальстве. А тут... Да еще прямо в глаза!

* * *

Человек достаточно начитанный, имеющий к тому же среднее техническое образование, Виктор Парамонович начал догадываться, какая напасть свалилась на его голову: окружающие каким-то образом стали слышать, о чем он думает. Конечно, в юности ему доводилось читать научно-фантастические произведения, в которых некто находил способ подслушивать мысли окружающих. О, это было весьма забавно и заманчиво! Но вот когда слушают твои собственные мысли... это уже трагедия.

Следовало что-то немедленно предпринять. Первое, что пришло ему на ум, — обратиться к невропатологу. Бог знает, может, медики ему предложат несложную операцию на мозгу. Как это ни ужасно, но он готов решиться и на операцию.

Попасть к невропатологу оказалось не так-то просто. Пришлось выстоять приличную очередь. И пока Виктор Парамонович стоял в очереди, раздражение его вызвало критический образ мыслей. Досталось всем — и администрации поликлиники, и невропатологу, который часами возится с каждым пациентом, хотя каждому здравомыслящему человеку видно, что прут к невропатологу в основном здоровые люди.

— Это вы злословили в коридоре? — спросил врач, усаживая Виктора Парамоновича на стул. — Так вы утверждаете, что ко мне прут прут вполне здоровые люди?

Выразительно взглянув на Виктора Парамоновича, невропатолог так огрел его молоточком по колену, что у того в глазах потемнело.

А помочь в беде, к мрачному удовлетворению Виктора Парамоновича, невропатолог оказался совершенно бессилён.

Недуг, между тем, прогрессировал.

В обеденный перерыв, в столовой, Виктор Парамонович, принявшись за жареную баранину, взгрустнул по рюмочке водки, которая оказалась бы так кстати. Вспомнил, что в его холодильнике стоит едва початая бутылочка «Столичной». И мысленно вообразил ее здесь, на столе перед собой.

И поперхнулся, услышав, как дружно ахнули обедавшие за одним столом с ним бухгалтер Носкова, статистик Феня и старший технолог Боков.

Носкова, худая, рослая и плоская женщина, являлась председателем общества трезвости. Она отложила вилку в сторону, молча поднялась на ноги.

— Сейчас же передайте мне бутылку, — сухо произнесла она.

Но как можно было передать ей то, что существовало только в воображении Виктора Парамоновича? Да, это было положеньеице... Притих весь зал. Вокруг столика, за которым сидел Виктор Парамонович, собралась толпа любопытствующих.

А потом было обсуждение на профсоюзном собрании, выговор от начальства, сочувствие сотрудников, охи жены...

* * *

В тот же день, возвращаясь с завода широким проспектом, Виктор Парамонович невольно залюбовался стройненькой блондинкой, обогнавшей его. Игривое воображение Виктора Парамоновича, плененное формами девушки, освободило ее от одежды под алыми лучами заходящего солнца. Дружный гогот парней позади заставил его шарануться в сторону. Послышались удивленные возгласы: «Что за черт, куда все подевалось? Братцы, своими глазами видел — в чем мать родила! Вы смотрите, что делается. Прямо мираж!»

Так легко было сойти с ума. Виктор Парамонович выбрал уединенную скамейку и там, схватившись за голову, съежившись, полный отчаяния, сидел, пока не стемнело.

* * *

Чаша терпения переполнилась ночью, когда его разбудили вопли жены.

— Что? Что такое? — ничего не соображая спросонку, он сел в постели. — Что случилось?

— Умоляю, оставь его в покое! — жена вцепилась в Виктора Парамоновича. — Ну зачем ты его так, Витенька? Не нужно, прошу тебя!

Фу ты, напасть какая! Ведь во сне он действительно преследовал обезумевшего от страха Олуева, своего начальника, того самого, которому посмел надерзнуть мысленно, а получилось вроде вслух. Он гонялся за ним по безлюдным коридорам заводууправления, все пытаясь набросить на его голову огромный черный плащ из загрубевшей хрустящей материи (такие плащи носили еще в юности Виктора Парамоновича). Виктору Парамоновичу и самому было страшно от своего намерения, но в то же время он испытывал безмерное злорадство при виде того ужаса, который он внушал Олуеву. И вот когда начальник уже был настигнут, обернувшись, он вдруг заголосил голосом жены Виктора Парамоновича.

А если бы Виктору Парамоновичу приснилось что-нибудь сугубо интимное, что-нибудь такое, чего жене и видеть совсем ни к чему? Тогда ведь будет уже не скандал, а варфоломеевская ночь. Ему ли не знать нрав своей ревнивой супруги!

Снова заснуть в эту ночь Виктору Парамоновичу не довелось. В дверь квартиры забарабанили так, как это бывает, когда верхние жильцы затапливают нижних.

Жена, открыв двери, позвала:

— Витя, выйди скорее! Тут тебя просят.

На лестничной площадке стояли полуодетые, полузаспанные и страшно разгневанные соседи.

— Что это вы себе позволяете? — закричали они, перебивая друг друга. — Кто это позволил вам проникать по ночам в чужие квартиры и устраивать там погони? Вы что, не нашли другого места для своего сведения счетов? Безобразие! Мы будем жаловаться в милицию!

Потрясенный Виктор Парамонович поспешно захлопнул двери и, пошатываясь, удалился в ванную комнату. Там, закрывшись, сидя на краю ванны, он принялся разъяренно лупить себя кулаками по макушке, по затылку, по лбу.

— Ну, хватит же, хватит! — слезно молил он. — Я больше не могу! Чтоб тебе лопнуть, проклятая! Уродина паршивая! Кочан капуста!

Наверное, он набил бы себе шишек, если бы его внезапно не осенило. Он вспомнил о тех таинственных тыся-

чах тесла, которые так устрашающе прозвучали из уст женщины в синем халате. Как же он мог забыть! Вот же откуда все напасти. Да, да, наверняка так оно и есть — во всем виноват тот аппарат, похожий на пресс из кузнечного цеха.

* * *

Он не пошел на работу, впервые в жизни решившись на прогул. Он отправился в политехнический институт с великой надеждой на исцеление. Теперь это семиэтажное здание вызвало в нем благоговейный трепет.

С робостью потоптался он перед знакомой ему дверью, но войти не решился, хотя табло было погашено, а дверь приоткрыта. Он предпочел вызвать Городилова через снующих туда и обратно студентов, увлек его в самый темный закоулок и там поведал о своей беде.

— А что, — сразу поверил ему Городилов, — вполне возможно. Ты ведь не знаешь, какие мировые проблемы решает наш «док». Видал тот аппарат? В нем образуется такое плотное магнитное поле, что руку в него не просунешь.

— А как же я голову просунул?

— Н-ну, видать, он еще не прогрелся. А у меня, брат, тоже забавная история с этой машиной получилась. Забыл, понимаешь, перед работой снять часы и сунул руку под это самое поле, — явно противореча себе, сказал Городилов. — Так ты только представь: вместо того, чтобы встать намертво, они прямо как бешеные понеслись вперед — за час сутки наматывали.

— Ну при чем тут твои часы? — в отчаянии простонал Виктор Парамонович. — Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Голова у меня спятила, понимаешь, голова. Чтоб ее разорвало!

— Ты прежде выслушай до конца, — назидательно и терпеливо продолжал Городилов. — По всем законам физики, побывав в магнитном поле, часы обязаны остановиться. Это тебе любой часовой мастер подтвердит. Чуешь? А они наоборот. А? Я нарочно все мастерские в городе обошел. Дудки! Мастера только руками разводят, а усмирить часики никто не берется. Ни-кто! Хоть выбрасывай часы. Вот тогда, — Городилов понизил голос и воровато оглянулся по сторонам. Виктор Парамонович тоже невольно оглянулся, — тогда я и рискнул, как принято говорить в народе, клин вышибить клином. А? Соображаешь? В общем, сунул я часы снова в этот аппарат.

— Ну и?.. — весь напрягшись, Виктор Парамонович вцепился в Городилова.

Вместо ответа тот правой рукой сдвинул рукав халата на левой и торжественно повернул часы к свету.

— Идут?! — всем нутром выдохнул Виктор Парамонович.

— Из секунды в секунду. Раньше о такой точности я мечтать не смел. Конечно, с «доком» о таких вещах лучше и не заговаривать. Так что, если настаиваешь, можем рискнуть самостоятельно. Ты как?

Виктор Парамонович смог только утвердительно мотнуть головой, речь ему от волнения не подчинялась.

— Тогда сделаем так: ты до часу дня где-нибудь поболтайся. А с часу дня у нас обед, все в столовую сматываются. Вот тут мы с тобой и поэкспериментируем. Договорились? Тогда давай топай.

* * *

Это был счастливейший день в жизни Виктора Парамоновича. Все привычно встало на свои места, никто более не слышал его мысли и не созерцал игру его воображения.

Для сотрудников он снова превратился в тихого, во всем уступчивого человека. Жена втайне любовалась своим Витюшей, который, как и прежде, во всем соглашался с ней, с удовольствием кушал ее незатейливую стряпню, хвалил даже подаваемую ею чуть не каждый вечер жареную треску.

И ни разу с его языка не сорвалось соленого словечка.

Только изредка взгляд Виктора Парамоновича затуманивался, но тут же, спохватившись, он с испугом поглядывал на лица окружающих: не подслушал ли кто его непрошенные мысли? И убедившись, что нет, не подслушал, вздыхал с несказанным облегчением.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫПАВШАЯ ТОЧКА	5
ПЯТЬ СОТЫХ ГРАДУСА НИЖЕ АБСОЛЮТНОГО НУЛЯ	17
ПОТЕНЦИАЛ РАЗРЯДА	44
ГОМУНКУЛУС	59
НУЛЕВОЙ ЦИКЛ	77
ИХТИАНДР НА ЧАС	96
ДЕНИС-ВОДОПРОВОДЧИК	114
ДИЛЕТАНТКА	133
СВЕТОВОЙ ТОРНАДО	148
МАГНИТНАЯ ОПАСНОСТЬ	158

Борис Захарович Фрадкин

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

**Научно-фантастические
рассказы**

Редактор А. Лукашин

Художник Н. Горбунов

Художественный редактор С. Можаяева

Технический редактор В. Чувашов

Корректоры З. Селюк, Г. Черникова

ИБ № 1974

Сдано в набор 26.10.90. Подписано в печать 17.04.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. офс. кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,24. Уч.-изд. л. 9,034. Тираж 15 000 экз. Заказ № 648. Цена 1 р. 50 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Фрадкин Б.

Ф 82 Нулевой цикл: Научно-фантастические рассказы / Оформл. Н. Горбунова. — Пермь: Кн. изд-во, 1991. — 165 с. (Путешествия. Приключения. Фантастика.)

ISBN 5-7625-0022-5

Научно-фантастические рассказы старейшины пермской фантастики Бориса Захаровича Фрадкина, автора повестей и рассказов «Тайна астероида 117-03», «Пленники пылающей бездны», «Настойка из тундровой серебрянки», романа «Дорога к звездам», посвящены проблемам творчества, этики науки, механизму открытия.

Ф 4702010201—23
М152(03)—91 46—91

ББК 84Р7-44

1 p. 50 K.

